

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

ПАНДЕМИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Монография

Нижний Новгород
2021

УДК 316, 332.1
ББК 60.56, 65.9
П 16

Рецензенты:

Судьин С.А. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Макаров А.С. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента НИУ «Высшая школа экономики»

Авторский коллектив:

Артюшина Екатерина Валерьевна	Логинова Анастасия Сергеевна
Бондарчук Мария Романовна	Осипова Ольга Сергеевна
Васильева Елена Николаевна	Полянина Ульяна Андреевна
Васильева Ирина Алексеевна	Росохин Владимир Валерьевич
Гапонова Ольга Сергеевна	Савинова Светлана Юрьевна
Гапонова Надежда Сергеевна	Сироткина Надежда Геннадьевна
Городнова Анфиса Алексеевна	Смагина Екатерина Дмитриевна
Данилова Любовь Сергеевна	Торонджадзе Лия Георгиевна
Дейнека Анастасия Петровна	Фоменков Денис Александрович
Ефимова Анастасия Евгеньевна	Чилипенюк Юлия Юрьевна
Иванова Анна Александровна	Шлягина Евгения Николаевна
Исаева Оксана Михайловна	Шушкин Михаил Александрович
Китаева Анжела Александровна	Щербаков Андрей Вячеславович
Коренькова Марианна Максимовна	

Редколлегия:

доктор социологических наук М.В. Плотников,
кандидат социологических наук Я.В. Ушакова,

Под научной редакцией доктора социологических наук М.В. Плотникова

Пандемия как глобальный вызов: социально-экономические и правовые аспекты: монография / Ю.Ю. Чилипенюк, О.С. Гапонова, М.А. Шушкин [и др.];
Под науч. ред. М.В. Плотникова. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2021. – 205 с.

Монография

Главы монографии авторского коллектива посвящены актуальным социально-экономическим и юридическим проблемам, возникающим в условиях пандемии COVID-19 в России. Книга представляет интерес для экономистов и социологов, преподавателей, студентов и аспирантов.

ISBN 978-5-93116-225-6

УДК 316, 332.1
ББК 60.56, 65.9

© НИСОЦ, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	8
Глава 1. Пандемия и фондовые рынки (<i>Россохин В.В.</i>).....	8
Глава 2. Государственные и муниципальные закупки: вызовы пандемии COVID-19 (<i>Сироткина Н.Г.</i>).....	21
Глава 3. Вызов пандемии – две параллели развития бизнеса в эпоху COVID-19 (примеры кейсов) (<i>Артюшина Е.В., Коренькова М.М., Фоменков Д.А., Шушкин М.А.</i>)	33
ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	46
Глава 4. Договорные обязательства в условиях новой коронавирусной инфекции COVID-19 (<i>Иванова А.А.</i>)	46
Глава 5. Сравнительное исследование режимов чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации и режима повышенной готовности: теоретический аспект и значение в условиях COVID-19 (<i>Дейнека А.П., Ефимова А.Е., Логинова А.С., Полянина У.А., Смагина Е.Д., Торонджадзе Л.Г.</i>).....	58
Глава 6. Ограничения, вводимые для физических лиц и бизнеса в период пандемии COVID-19 в Москве и Московской области (<i>Бондарчук М.Р., Васильева И.А., Китаева А.А.</i>).....	71
Глава 7. Влияние пандемии COVID-19 на деятельность полиции в России (<i>Шлягина Е.Н.</i>).....	93
ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	99
Глава 8. Управление самостоятельной работой студентов в условиях пандемии коронавируса (<i>Городнова А.А.</i>)	99
Глава 9. Психологическое благополучие как субъективная предпосылка готовности преподавателей вузов к организационным изменениям, связанным с введением дистанционных форм обучения (<i>Исаева О.М., Савинова С.Ю.</i>)	114
Глава 10. Динамика изменений в сферах активности женщин на самоизоляции в период пандемии COVID-19 (<i>Васильева Е.Н., Щербаков А.В.</i>)	135
Глава 11. Жизненный уклад российских женщин в условиях самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19: основные изменения и тенденции (<i>Гапонова Н.С., Гапонова О.С., Данилова Л.С., Чилипенко Ю.Ю.</i>)	149
Глава 12. Влияние режима самоизоляции 2020 года на практику развивающих занятий с детьми в семьях (<i>Осипова О.С.</i>)	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
ОБ АВТОРАХ	202

ВВЕДЕНИЕ

Материалы монографии структурированы по трем основным сферам: экономический, юридический и социальный аспекты общественной жизни в разрезе влияния на них пандемии COVID-19. Эти аспекты позволяют сконцентрировать внимание на основных изменениях, произошедших на фоне пандемии.

Эмпирической основой публикуемых материалов стали исследования, посвященные тематике COVID-19, проведенные учеными нижегородского кампуса НИУ ВШЭ. В работе над монографией приняли участие студенты факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и автор из ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структурно монография разделена на три части, посвященные экономическим, юридическим и социальным аспектам изменений в образе жизни россиян в эпоху пандемии COVID-19.

В первой главе монографии «Пандемия и фондовые рынки» (В.В. Россохин, кандидат экономических наук, доцент) анализируется взаимосвязь между новыми случаями заражения коронавирусной инфекцией и динамикой индексов фондового рынка России. При этом значимого влияния COVID-19 на фондовый рынок России не выявлено.

Вторая глава «Государственные и муниципальные закупки: вызовы пандемии COVID-19» (Н.Г. Сироткина, кандидат экономических наук, доцент) посвящена систематизации и анализу проблем российской системы государственных и муниципальных закупок в условиях пандемии и оценке их влияния на ее функционирование в будущем. Особое внимание акцентируется на том, что сфера публичных закупок в России столкнулась с рядом вызовов, связанных с отсутствием специального нормативного регулирования в условиях кризисной ситуации, необходимостью корректировки государственных и муниципальных контрактов, а также увеличением случаев коррупционного поведения участников закупок.

В третьей главе монографии «Вызов пандемии – две параллели развития бизнеса в эпоху COVID-19 (примеры кейсов)» (Е.В. Артюшина, кандидат экономических наук, доцент; М.М. Коренькова, старший преподаватель; Д.А. Фоменков, кандидат экономических наук, доцент; М.А. Шушкин, доктор экономических наук, профессор) анализируются практические паттерны поведения предпринимателей среднего и малого

бизнеса в эпоху COVID-19, и выявляются использованные ими стратегии для адаптации к враждебной для бизнеса среде.

Четвертая глава «Договорные обязательства в условиях новой коронавирусной инфекции COVID-19» (А.А. Иванова, кандидат юридических наук, доцент) посвящена правовому анализу последствий новой коронавирусной инфекции COVID-19, влияющих на договорные отношения. Исследуются обстоятельства, препятствующие исполнению договорных обязательств. Поднимаются вопросы термино-лексического единообразия и соответствия гражданско-правовых норм, регулирующих обстоятельства непреодолимой силы, существенное изменение обстоятельств и обстоятельств, приводящих к невозможности исполнения обязательства, современным реалиям. Выявлены особенности исполнения договорных обязательств в условиях эпидемиологической обстановки, ограничительных мер и режима самоизоляции. Автор приходит к выводам о том, что вызванные новой коронавирусной инфекцией COVID-19 последствия, могут быть признаны основанием освобождения субъектов от ответственности за неисполнение договорных обязательств.

В пятой главе монографии «Сравнительное исследование режимов чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации и режима повышенной готовности: теоретический аспект и значение в условиях COVID-19» (А.С. Логинова, кандидат юридических наук, доцент и студенты факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» А.П. Дейнека, А.Е. Ефимова, У.А. Полянина, Е.Д. Смагина, Л.Г. Торонджадзе) рассматривается природа административно-правовых режимов, проводится анализ применяемых в их рамках ограничений, которые сопоставляются с фактическими обстоятельствами и порядком функционирования органов государственной власти в период эпидемии COVID-19 в Российской Федерации. Авторами предложено отнесение введенного комплекса мер к отдельному правовому режиму, который бы позволил более эффективно организовать деятельность публичной власти в случае возможного повторения ситуации с коронавирусной инфекцией.

Шестая глава «Ограничения, вводимые для физических лиц и бизнеса в период пандемии COVID-19 в Москве и Московской области» (студенты факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» М.Р. Бондарчук, И.А. Васильева, А.А. Китаева) посвящена анализу ограничений, вводимых в отношении физических лиц и организаций в целях предотвращения распространения COVID-19. Авторами выделены правовые основания введения данных ограничений, проанализировано их

влияние на различные сферы жизни общества и изменение показателей заболеваемости. Проведена оценка действий органов государственной власти по введению ограничений относительно нормативно-правовых актов, содержание которых изменялось по мере роста заболеваемости.

Седьмая глава «Влияние пандемии COVID-19 на деятельность полиции в России» (Е.Н. Шлягина, старший преподаватель) описывает трудности, с которыми пришлось столкнуться сотрудникам полиции в связи с необходимостью осуществлять контроль за соблюдением режима самоизоляции и иных ограничительных мер. В основу работы легло полужурналистское интервью с действующими сотрудниками полиции, в рамках которого респондентам был задан ряд вопросов об их отношении к изменившимся в 2020 г. условиям работы. Автор приходит к выводу о том, что возможность для сотрудников полиции сохранить рабочее место и, как следствие, стабильность финансового положения сбалансировала вновь возникшие профессиональные риски.

В восьмой главе «Управление самостоятельной работой студентов в условиях пандемии коронавируса» (А.А. Городнова, кандидат социологических наук, доцент) рассматриваются проблемы, с которыми столкнулись вузы в условиях пандемии коронавируса. Автором показана необходимость перехода образования на дистанционное обучение. Раскрыты особенности организации самостоятельной работы студентов в вузах. Представлены уроки «стресс-теста» вузов в условиях пандемии и даны практические рекомендации по более эффективному переходу обучения в онлайн-формат.

В девятой главе «Психологическое благополучие как субъективная предпосылка готовности преподавателей вузов к организационным изменениям, связанным с введением дистанционных форм обучения» (О.М. Исаева, кандидат психологических наук, доцент; С.Ю. Савинова, кандидат социологических наук, доцент) представлены результаты исследования взаимосвязи психологического благополучия преподавателей российских университетов и их психологической готовностью к организационным изменениям, связанным с введением дистанционных форм обучения. Было выявлено наличие связи психологического благополучия и готовности преподавателей университетов к организационным изменениям; психологическое благополучие может выступать предиктором готовности преподавателей университетов к нововведениям.

В десятой главе «Динамика изменений в сферах активности женщин на самоизоляции в период пандемии COVID-19» (Е.Н. Васильева, кандидат

психологических наук, доцент; А.В. Щербаков, кандидат психологических наук, доцент) исследуется динамика изменений в сферах активности женщин в период самоизоляции пандемии COVID-19 с акцентом на семейную сферу. Авторами были выделены наиболее значимые для общей динамики аспекты, которые показали важность процесса коммуникации в обеих подструктурах семейной системы – супружеской и детско-родительской.

Одиннадцатая глава монографии «Жизненный уклад российских женщин в условиях самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19: основные изменения и тенденции» (Н.С. Гапонова, преподаватель; О.С. Гапонова, кандидат экономических наук, доцент; Л.С. Данилова, старший преподаватель; Ю.Ю. Чилипенко, доктор социологических наук, профессор) представляет результаты исследования, посвященного восприятию женщинами условий вынужденной домашней самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19. В главе показана противоречивость и неоднозначность восприятия женщинами сложившейся ситуации: с одной стороны – общие тревожные настроения, опасения за будущее семьи и экономики страны в целом, жалобы на материальные трудности, трудности в новых условиях труда и быта, осложнения в семейных отношениях, с другой стороны – российские женщины проявили терпимость в отношении временных сложностей, нового формата удаленной работы, ответственно отнеслись к соблюдению режима самоизоляции.

Заключительная, двенадцатая глава монографии «Влияние режима самоизоляции 2020 года на практику развивающих занятий с детьми в семьях» (О.С. Осипова, кандидат социологических наук, доцент), на основании данных ВЦИОМ об изменениях внутрисемейных практик взаимодействия у взрослых россиян и данных поисковых запросов в системе Яндекс демонстрирует активизацию практик развивающих занятий в семье в сферах творчества и обучения, а также физического воспитания детей во время самоизоляции.

ГЛАВА 1. ПАНДЕМИЯ И ФОНДОВЫЕ РЫНКИ

Вспышка COVID-19 могла сыграть существенную роль в принятии инвестиционных решений, а также начале инвестирования теми, кто до этого не был вовлечен в этот процесс. В данном разделе анализируется взаимосвязь между новыми случаями заражения коронавирусной инфекцией и динамикой индексов фондового рынка России.

Ключевые слова: фондовый рынок, COVID-19, биржевые индексы.

В декабре 2019 года в мире была зарегистрирована вспышка нового заболевания, получившего название «коронавирусная инфекция» или «коронавирусная пневмония». 31 декабря 2019 года страновое бюро Всемирной организации здравоохранения в Китайской народной республике «принимает к сведению заявление для СМИ о случаях «вирусной пневмонии» в г. Ухань. 9 января ВОЗ информирует о выводах властей Китая о том, что вспышка заболеваемости вызвана новым коронавирусом, после чего разрабатывается и публикуется комплекс документов с рекомендациями, посвященными противодействию вспышкам нового заболевания.

Несмотря на рекомендуемые и предпринимаемые меры, COVID-19 распространяется почти по всем странам планеты. Свое влияние данное заболевание оказывает не только на здоровье населения, но и на экономическую ситуацию в странах и регионах. Превентивные меры, призванные ограничить распространение инфекции, отрицательно повлияли на целые отрасли и индустрии.

В данном параграфе ставится задача оценить реакцию фондовых рынков на распространение заболевания. Предпосылками для постановки данной проблематики послужил анализ динамики мировых фондовых индексов. Биржевые рынки, на которых котируются долевые ценные бумаги, должны были отреагировать на развивающуюся ситуацию, поскольку акции, являющиеся титулом собственности, также должны были потерять в стоимости у тех компаний, на которые сильнее всего оказала негативное влияние ситуация с коронавирусом (рис. 1, 2, 3).

Однако после достаточно непродолжительного спада наблюдалась стабильная восходящая динамика. Это происходило, в том числе, и с российскими фондовыми индексами (рис. 4, 5).

Рис. 1. Динамика индекса D&J-IND¹

Рис. 2. Динамика индекса NASDAQ²

¹ URL: <https://www.finam.ru/profile/mirovye-indeksy/d-j-ind/export>.

² URL: <https://www.finam.ru/profile/mirovye-indeksy/nasdaq-100/export>.

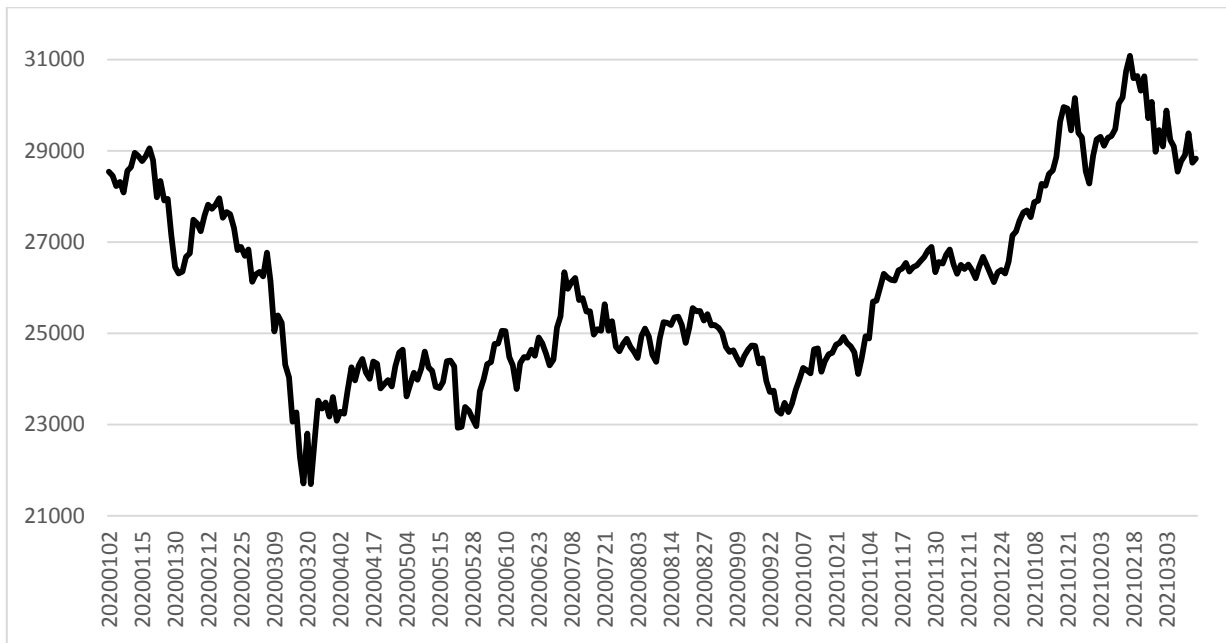

Рис. 3. Динамика индекса Hang Seng¹

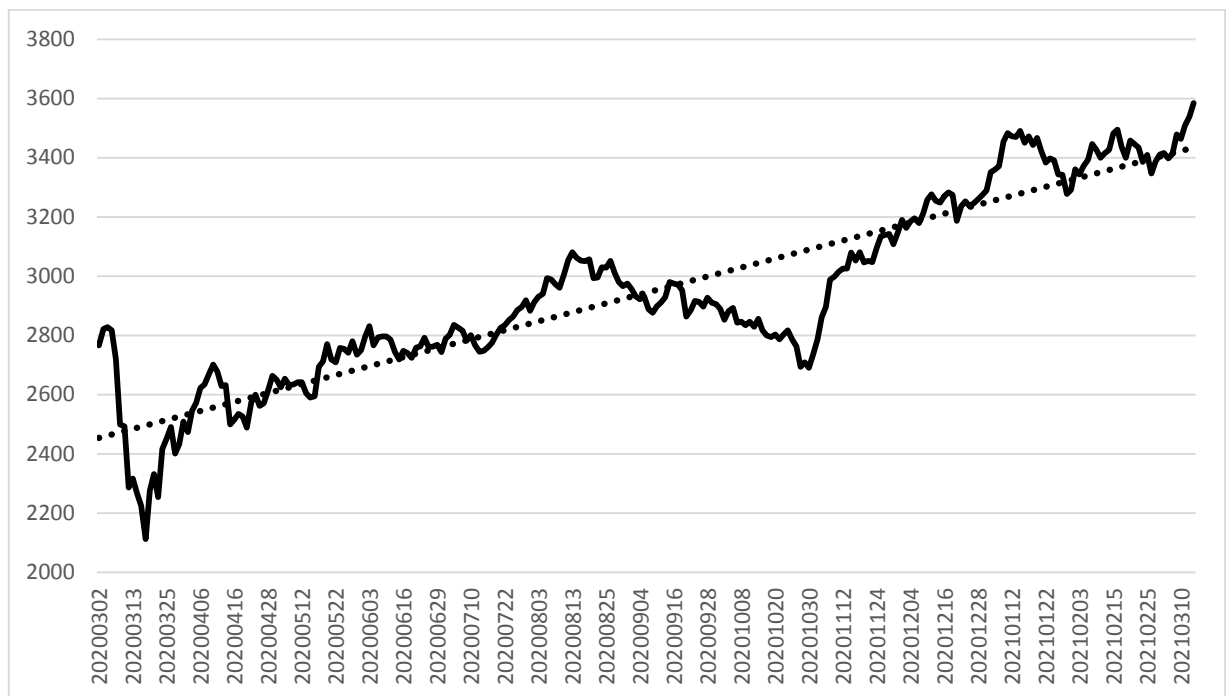

Рис. 4. Динамика индекса Московской биржи с линейным трендом²

¹ URL: <https://www.finam.ru/profile/mirovye-indeksy/hang-seng/export>.

² URL: <https://www.finam.ru/profile/mirovye-indeksy/micex/export/>.

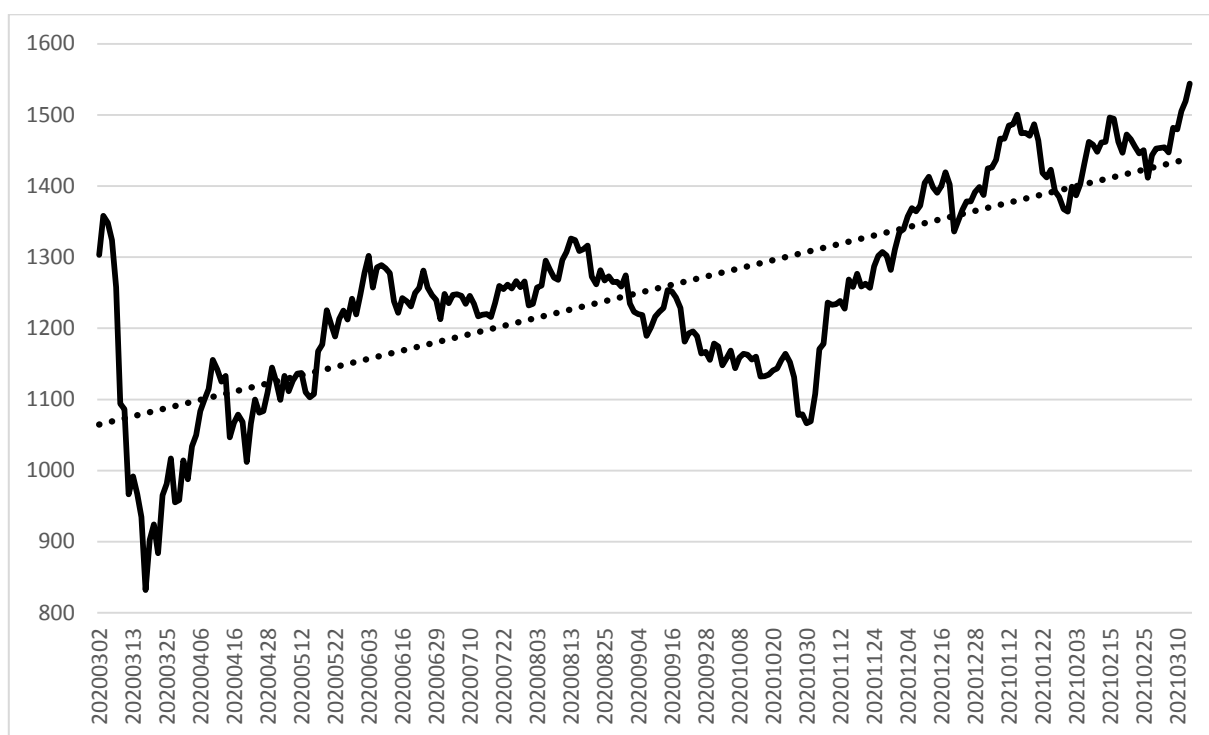

Рис. 5. Динамика индекса РТС с линейным трендом¹

Исходя из предварительного визуально-графического анализа можно отметить, что, несмотря на ухудшающуюся эпидемиологическую ситуацию, фондовые рынки не склонны к формированию нисходящего тренда. Возможно, причиной снижения индексов в дальнейшем и послужат какие-либо причины, но на данный момент их сложно однозначно ассоциировать с коронавирусной инфекцией.

Исследовательский интерес представляет поведение отечественного рынка ценных бумаг, поэтому исследовательские гипотезы сформированы в отношении российских данных.

Также, кроме анализа динамики фондовых индексов, представляется существенным оценить поведение частных инвесторов на российском фондовом рынке (рис. 6, 7).

Анализ представленных данных позволяет однозначным образом констатировать возрастающую активность частных инвесторов, как с позиции количества открываемых счетов, так и с точки зрения их участия в биржевых торгах. При этом не стоит забывать об отрицательном влиянии локдауна на целые сектора экономики, и, соответственно, на занятость и уровень доходов частных лиц.

¹ URL: <https://www.finam.ru/profile/mirovye-indeksy/rts/export>.

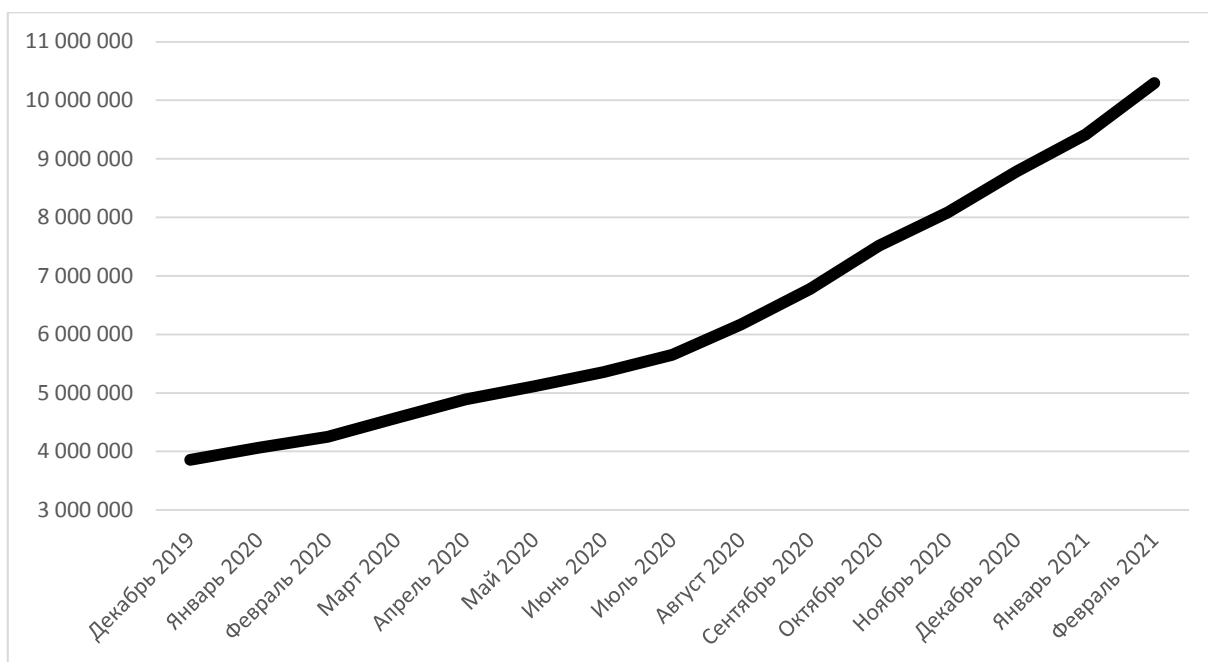

Рис. 6. Количество уникальных клиентов в Системе торгов, по состоянию на последний день месяца¹

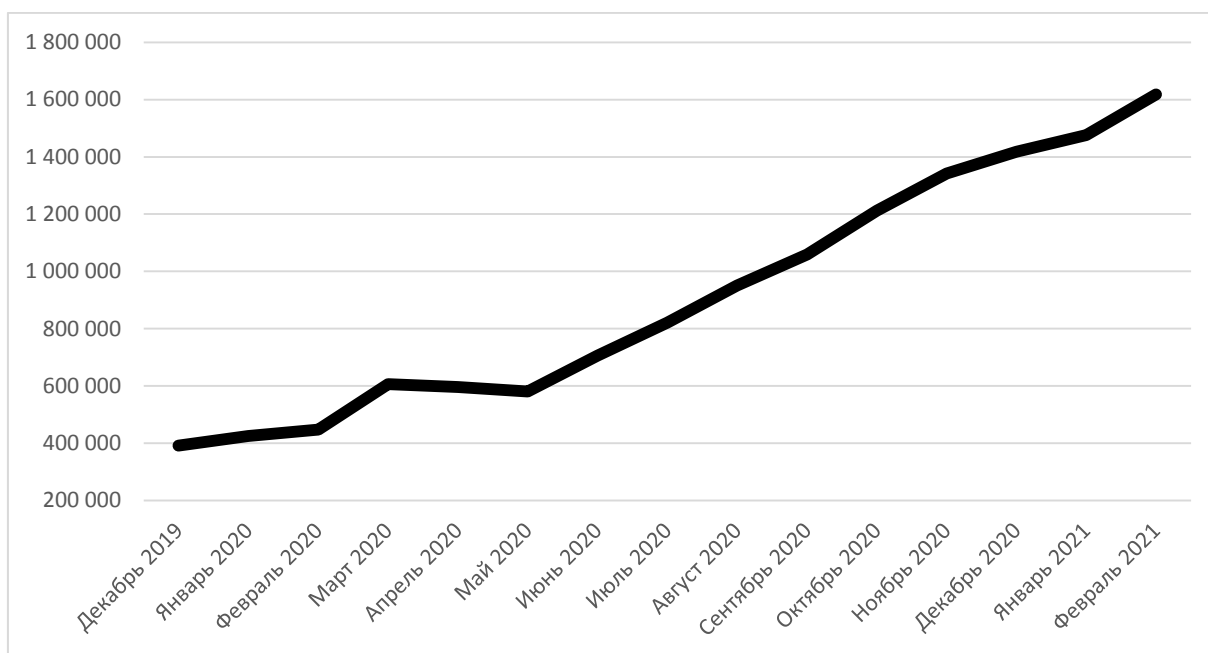

Рис. 7. Количество активных клиентов в Системе торгов, совершивших в течение месяца хотя бы одну сделку²

¹ URL: <https://www.moex.com/s719>.

² URL: <https://www.moex.com/s719>.

Все вышесказанное позволило сформулировать следующую исследовательскую гипотезу: *Коронавирусная инфекция не оказывает влияние на динамику фондового рынка.*

Для начала определим спецификацию модели для последующего тестирования. В работе Албулеску [Albulescu, 2021] использовались две модели:

(1)

(2)

RV – волатильность финансового рынка;

COVID-19 – новые случаи заражения коронавирусной инфекцией;

EPU – индекс неопределенности экономической политики (как вектор контрольных переменных).

Также автором оценивалось влияние коэффициента смертности на зависимую переменную. Регрессии тестировались с помощью метода наименьших квадратов. Согласно полученным результатам, новые случаи заражения положительно влияют волатильность, коэффициент летальности также оказывает значительное и положительное влияние. Это наблюдалось как с вектором контрольных переменных, так и без него.

О’Доннел и др. [O’Donnell et al., 2021] также исследовали модель множественной линейной регрессии с контрольными переменными и без них (модель парной регрессии). В качестве зависимых переменных выступали доходности индексов Китая (SSE 180), Италии (FTSE MIB), Испании (IBEX 35), Великобритании (FTSE 100), США (DJIA) и мира в целом (MSCI World). В качестве зависимой переменной – общее количество заболевших. В вектор контрольных переменных вошли:

- Объем торгов (показатель рыночной активности);
- Индекс волатильности (показатель настроений инвесторов / волатильности);
- LIBOR-OIS (Overnight Indexed Swap) Spread (показатель кредитного риска контрагента / риск ликвидности);
- TED (разница между доходностью американских трехмесячных казначейских векселей и трехмесячной ставкой LIBOR в долларах США) Spread (показатель кредитного риска контрагента / риск ликвидности);
- Золото (спрос на защитные активы);
- Нефть марки Brent (оценка инфляции / мировых цен на нефть).

В результате эмпирического анализа выявлено отрицательное значимое влияние общего количества зарегистрированных случаев заболевания коронавирусной инфекцией на зависимую переменную в случае модели без контрольных переменных. В случае, когда в модели дополнительно присутствовали описанные выше регрессоры, влияние исследуемой переменной было не выявлено в случае с китайским фондовым рынком (SSE 180) и мировым (MSCI World).

М. Костола и др. [Costola et al., 2020] поставили цель исследовать взаимосвязь между доходностью фондового рынка отдельных стран и степенью обеспокоенности населения. Последний параметр выражается индексами GT-COVID-19. При построении индексов на основе данных Google Trends предполагается, что люди ищут информацию по данной тематике с целью выработки определенных решений или стратегии действий. Это предполагает вывод о том, что чем выше объем запросов, тем выше обеспокоенность населения и других экономических агентов данной проблематикой.

Для тестирования своих гипотез авторы использовали следующую линейную модель:

$$y_t = \beta_0 + \beta_1 GT_{t-1} + \beta_2 y_{t-1} + \varepsilon_t \quad (3)$$

y_t – логдоходность биржевого индекса в момент t ;

GT – Google Trends index по тематике коронавируса.

Следует отметить, что в вышеупомянутой модели использовались независимые переменные с временным лагом к регрессанту.

М. Харджото и др. [Harjoto et. al, 2020] выдвинули для тестирования следующие гипотезы:

- Количество новых случаев заражения и уровень смертности отрицательно влияют на фондовые рынки, о чем свидетельствуют более низкая доходность и более высокая волатильность;
- Влияние количества новых случаев заражения и уровня смертности на развивающиеся рынки отличается от влияния на развитые;
- Влияние количества новых случаев заражения и уровня смертности на фондовые рынки в период роста распространения инфицирования (до апреля 2020 г.) отличается от влияния в период стабилизации распространения инфекции (после апреля 2020 г.).

Чтобы контролировать автокорреляцию авторы также используют в качестве независимых переменных лагированные значения регрессанта.

Джаст и Экауст [Just, Echaust, 2020] в своих исследованиях опираются на следующие модели:

$$r_t|s_t = \beta_{0s_t} + \beta_{1s_t}\Delta \log I_t + \varepsilon_t|s_t \quad (4)$$

$$I_t|s_t = \beta_{0s_t} + \beta_{1s_t}\Delta \log 1 + C_t + \varepsilon_t|s_t \quad (5)$$

r_t – доходность биржевого индекса в момент времени t ;

I_t – рыночный индикатор (волатильность, подразумеваемая корреляция, ликвидность);

C_t – совокупное количество случаев заражения или смертей.

Кроме того, авторы в качестве одного из регрессоров используют лагированное значение зависимой переменной доходности.

Исходя из перечисленных выше моделей, в качестве зависимых переменных в представленном исследовании были взяты следующие показатели:

- IMOEX_R (Доходность индекса Московской биржи);
- RTSI_R (Доходность индекса РТС);
- RUCBITR_YIELD (Доходность индекса корпоративных облигаций);
- RGBITR_YIELD (Доходность индекса государственных облигаций);
- RVI_R (относительное изменение индекса волатильности).

Предполагалось, что данные индикаторы достаточно полно отражают динамику фондового рынка России. Вместе с тем, исследователей нередко интересует зависимость динамики фондовых индексов или их доходностей (относительных изменений), включающих в свой расчет долевые ценные бумаги. Представлялось существенным оценить влияние COVID-19 и на долговые инструменты, причем отдельно на сектор государственных ценных бумаг и на сектор корпоративных облигаций.

В качестве независимой переменной было принято количество новых случаев заражений за день. Все ряды были проверены на стационарность с помощью теста Дики-Фуллера.

В качестве объясняющей переменной принято решение использовать логарифм данной независимой переменной. Тест Дики-Фуллера позволяет говорить об этом временном ряде как о стационарном.

Предполагается, что рынок в момент t будет опираться на данные по эпидемиологической ситуации с COVID-19 за предыдущий день, когда сведена и опубликована соответствующая статистика. Поэтому в качестве объясняющей переменной используются лаггированные значения выявленных случаев заболевания со сдвигом на один день. Кроме того, в качестве регрессора – исходя из упомянутых выше моделей – использовалось лаггированное значение зависимой переменной также со сдвигом на один день. Описательная статистика переменных приведена в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Описательная статистика

<i>Переменная</i>	<i>Среднее</i>	<i>Медиана</i>	<i>S.D.</i>	<i>Min</i>	<i>Max</i>
IMOEX_R	0,00183	0,00295	0,0129	-0,0505	0,0722
RVI_R	-0,00314	-0,00790	0,0565	-0,216	0,266
RTSI_R	0,00228	0,00204	0,0198	-0,0762	0,0923
RGBITR_YIELD	5,85	5,76	0,401	5,26	7,58
RUCBITR_YIELD	6,34	6,17	0,466	5,92	8,49
I_COVID	9,08	9,11	1,01	4,04	10,3

Временные ряды сформированы с 23.03.2020 г. по 15.03.2021 г. Общий объем базы 245 наблюдений. Следует также отметить, что статистика по заболеваемости COVID-19 собирается и обобщается каждый день, в то время как биржевая торговля проводится с учетом выходных и праздничных дней. Соответственно, новые случаи заболевания в неторговые периоды были исключены из базы. Оценка проходила с использованием метода наименьших квадратов. Результаты приведены в таблицах 2–6.

Т а б л и ц а 2

Зависимая переменная: IMOEX_R

	<i>Кэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
const	0,0179067	0,0134710	1,329	0,1850
I_COVID_1	-0,00174223	0,00144836	-1,203	0,2302
IMOEX_R_1	-0,0650661	0,0716380	-0,9083	0,3646
R-квадрат	0,022122	Испр. R-квадрат	0,014040	
F(2, 242)	0,723564	P-значение (F)	0,486067	

Т а б л и ц а 3

Зависимая переменная: RTSI_R

	<i>Коэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
const	0,0248151	0,0182788	1,358	0,1759
I_COVID_1	-0,00243681	0,00197260	-1,235	0,2179
RTSI_R_1	-0,100941	0,0655124	-1,541	0,1247
R-квадрат	0,024239	Испр. R-квадрат	0,016175	
F(2, 242)	1,350852	P-значение (F)	0,260965	

Т а б л и ц а 4

Зависимая переменная: RUCBITR_YIELD

	<i>Коэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
const	0,345102	0,0844318	4,087	<0,0001
I_COVID_1	-0,00242196	0,00393893	-0,6149	0,5392
RUCBITR_YIELD_1	0,947711	0,00997560	95,00	<0,0001
R-квадрат	0,992588	Испр. R-квадрат	0,992527	
F(2, 242)	5736,801	P-значение (F)	1,3e-204	

Т а б л и ц а 5

Зависимая переменная: RGBITR_YIELD

	<i>Коэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
const	0,0272947	0,105443	0,2589	0,7960
I_COVID_1	0,0136541	0,00571677	2,388	0,0177
RGBITR_YIELD_1	0,973475	0,0164351	59,23	<0,0001
R-квадрат	0,975826	Испр. R-квадрат	0,975626	
F(2, 242)	1772,208	P-значение (F)	3,0e-145	

Т а б л и ц а 6

Зависимая переменная: RVI_R

	<i>Коэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
const	-0,0619673	0,0303000	-2,045	0,0419
I_COVID_1	0,00646833	0,00331373	1,952	0,0521
RVI_R_1	-0,0983262	0,0463038	-2,124	0,0347
R-квадрат	0,020495	Испр. R-квадрат	0,012400	
F(2, 242)	3,725680	P-значение (F)	0,025490	

Полученные результаты показали, что ситуация с заболеваемостью COVID-19 не оказывает существенного влияния на такие биржевые

индикаторы, как Индекс Московской биржи, индекс РТС и доходность индекса корпоративных облигаций. Это подтверждает выдвинутую гипотезу.

Вместе с тем, случаи заболевания коронавирусной инфекцией оказывают существенное влияние на доходность индекса корпоративных облигаций и относительное изменение индекса волатильности. В этих случаях зависимость прямая, то есть, с ростом количества новых случаев растет доходность облигационного индекса и относительное изменение индекса волатильности.

В случае с государственными облигациями, результаты могут объясняться и тем, что за исследуемый период доходность облигаций федерального займа в целом снизилась. В случае с COVID-19 наблюдаются также периоды снижения количества новых случаев заболеваний. Это могло послужить причиной результатов, представленных в таблице 5.

Для более точного объяснения результатов влияния ситуации с COVID-19 на индекс волатильности (RVI) была проведена оценка коэффициентов регрессии, в которой зависимой переменной является не относительное изменение индекса, а непосредственно его значения. Тест Дики-Фуллера свидетельствует также о стационарности данного временного ряда. Результаты приведены в таблице 7.

Т а б л и ц а 7

Зависимая переменная: RVI

	<i>Коэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
const	7,74868	2,94622	2,630	0,0091
I_COVID_1	-0,437518	0,256821	-1,704	0,0897
RVI_1	0,889007	0,0250661	35,47	<0,0001
R-квадрат	0,945925	Испр. R-квадрат	0,945478	
F(2, 242)	986,4224	P-значение (F)	4,5e-117	

Значимость влияния переменной не изменилась. Однако в этом случае стоит обратить внимание на знак перед исследуемой переменной. В данном случае наблюдается отрицательное влияние новых случаев COVID-19 на индекс волатильности. Расчет индекса, согласно методике Московской биржи, включает в себя подразумеваемую волатильность ближайшей серии опционов, подразумеваемую волатильность следующей серии опционов, а также время до экспирации опционов на фьючерсный контракт на индекс РТС.

Индекс отражает ожидаемый уровень волатильности или изменчивости стоимости того актива, на основании которого он рассчитывается. Волатильность, в свою очередь, отражает настроения инвесторов и их прогнозов относительно вышеупомянутого актива. Вместе с тем, поскольку базовым активом в данном случае является индекс РТС, то он отражает агрегированную ситуацию по рынку ценных бумаг в целом. Кроме того, стоит отметить, что, исходя из свойств рассматриваемого инструмента, его очень часто называют «индекс страха» или «индекс неуверенности».

Результаты эмпирического анализа, представленные в таблице 7, свидетельствуют о существенном, но обратном влиянии ситуации с новыми случаями COVID-19 на индекс волатильности.

Автор согласен с теми, кто считает, что эпидемиологическая ситуация вызывает беспокойство в мировом сообществе. Много сил и средств направлено на борьбу с данным заболеванием, и население планеты своими действиями также должно способствовать снижению уровня заболеваемости и смертности, строго соблюдая рекомендации, разработанные специалистами.

Результаты тестирования последней модели свидетельствуют о том, что, возможно, не хватает каких-либо дополнительных данных, вектора контрольных переменных. Также, многие страны предпринимают усилия, чтобы помочь людям, попавшим в непростую экономическую и финансовую ситуацию в силу ограничительных мер, призванных снизить уровень заболеваемости. Вполне возможно, что часть этих средств направляется на фондовые рынки, которые и до вспышки инфекции показывали восходящую динамику, с целью создать финансовую подушку безопасности в случае длительного периода борьбы с пандемией.

Это, в свою очередь, подкрепляет устойчивый рост фондовых рынков и можно констатировать, что полученные результаты (табл. 7) кардинально не противоречат выдвинутой ранее гипотезе о незначимости влияния ситуации с COVID-19 на фондовые рынки. Также полученные результаты могут свидетельствовать о том, что участники биржевых торгов положительно оценивают усилия правительств стран мира, направленные на стабилизацию ситуации. В том числе об этом может свидетельствовать снижение уровня заболеваемости с начала 2021 года.

Также стоит отметить, что практически сразу начались работы по созданию вакцин, первые партии которых поступили в медицинские учреждения страны еще в четвертом квартале 2020 года. Предполагается, что это также должно способствовать стабилизации ситуации с заболеваемостью, и, как следствие, восстановлению экономики.

Все это могло способствовать принятию решений участниками биржевых торгов, инвесторов и спекулянтов без всеобъемлющего учета фактора COVID-19. Отдельные отрасли экономики достаточно сильно пострадали от ограничительных мер, но в целом, в первом квартале 2021 года ситуация на фондовом рынке достаточно спокойная, что и отразили результаты исследования.

Аналогичные рассуждения могут быть применимы к результатам эмпирического анализа, посвященному оценке влияния пандемии на индекс облигаций. То есть не исключается наличие фактора, влияющего на доходность облигаций федерального займа, не учтенного в модели. Вместе с тем, его эффект может быть синхронизирован определенным образом с эпидемиологической ситуацией, однако не зависим от нее, то есть данное совпадение имеет случайный характер.

Литература

1. Albulescu C. T. COVID-19 and the United States financial markets' volatility. *Finance Research Letters* 38 (2021) 101699.
2. Costola M., Iacopini M., Santagiustina C. R.M.A. Google search volumes and the financial markets during the COVID-19 outbreak. *Finance Research Letters*. Available online 17 December 2020, 101884. In Press, Corrected Proof.
3. O'Donnell N., Shannon D., Sheehan B. Immune or at-risk? Stock markets and the significance of the COVID-19 pandemic. *Journal of Behavioral and Experimental Finance* 30 (2021) 100477.
4. Harjoto M.A., Rossi F., Lee R., Sergi B.S. How do equity markets react to COVID-19? Evidence from emerging and developed countries. *Journal of Economics and Business*. Available online 3 December 2020, 105966.
5. Just M., Echaust K. Stock market returns, volatility, correlation and liquidity during the COVID-19 crisis: Evidence from the Markov switching approach. *Finance Research Letters* 37 (2020) 101775.
6. Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline>.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ЗАКУПКИ: ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия COVID-19 потребовала от государства существенных финансовых вливаний, прежде всего, в сферу здравоохранения, что создало сильную нагрузку на систему государственных и муниципальных закупок. Сфера публичных закупок в России столкнулась с рядом вызовов, связанных с отсутствием специального нормативного регулирования в условиях кризисной ситуации, необходимостью корректировки государственных и муниципальных контрактов, а также увеличением случаев коррупционного поведения участников закупок. Исследование посвящено систематизации и анализу проблем российской системы государственных и муниципальных закупок в условиях пандемии и оценке их влияния на ее функционирование в будущем.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, государственный контракт, централизация закупок, коррупция, COVID-19.

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, потребовал колоссальных финансовых вложений со стороны государства. Для быстрой и эффективной реакции на последствия пандемии закупались лекарства, медицинское оборудование и больничная инфраструктура. Так, рост затрат только на лекарственное обеспечение в России составил 30% в стоимостном выражении [Неверова, 2021]. Государственное финансирование мер по преодолению последствий пандемии осуществлялось в основном через публичные закупки. Таким образом, готовность системы государственных и муниципальных закупок к новым вызовам оказала непосредственное влияние на эффективность политики по борьбе с пандемией и ее социальными и экономическими последствиями.

Сфера публичных закупок большинства стран в условиях пандемии COVID-19 претерпела следующие изменения:

- увеличились объемы закупок лекарственных средств, медицинских изделий, оборудования и больничной инфраструктуры;
- изменились процедуры выбора поставщиков в сторону их упрощения и сокращения сроков, увеличилась доля закупок у единственного поставщика;
- появились возможности изменения и отмены государственных и муниципальных контрактов;
- увеличилась доля централизованных закупок.

Особое внимание в период пандемии уделялось мерам по противодействию коррупции. Публичные закупки всегда рассматривались как «сфера государственного управления, наиболее подверженная коррупции» [OECD, 2016]. В период кризиса, вызванного пандемией, возможности для коррупционного поведения увеличились. Причиной повышенных коррупционных рисков явилась оперативность, с которой должна была осуществляться закупка важнейших предметов медицинского назначения. [Sadiq & Kessa, 2020]. Отметим, что недобросовестные действия в сфере закупок для здравоохранения имеют высокую общественную опасность. Сэйвдофф отмечает, что если в развитых странах это может привести к более высоким затратам, то в развивающихся странах злоупотребления, связанные, например, с поставкой некачественного оборудования, могут стоить жизни пациентам [Savedoff, 2008].

В подготовленном OECD отчете «О подведении итогов чрезвычайных государственных закупок и инфраструктурных ответных мер на COVID-19» отмечается, что перестройка сферы публичных закупок стран OECD менялась в зависимости от фазы кризиса и проблем, возникающих на каждой из них [OECD, 2020].

На первом этапе кризиса основное внимание уделялось реагированию на чрезвычайные ситуации. На этом этапе в основном требовались срочные закупки для оказания немедленной помощи, поскольку от них зависела жизнь людей и общественная безопасность.

Второй этап дал возможность для переоценки ситуации и, хотя по-прежнему требовалась быстрая реакция на проблемы, вызванные кризисом, полученный опыт позволял принимать более системные решения.

Третий этап – устранение последствий кризиса, и основное внимание должно уделяться политике восстановления. На этом этапе необходимо пересматривать планы закупок, вносить корректировки в закупочные механизмы, чтобы в дальнейшем была возможность быстро перестроить закупочную деятельность в случае возникновения стрессовой ситуации в экономике.

Российская система государственных и муниципальных закупок в целом была готова к вызовам пандемии в силу высокой степени централизации и диджитализации закупочных процессов. При этом, учитывая масштаб требующих срочного решения задач, сфера закупок столкнулась со следующими вызовами:

1. отсутствие специального нормативного регулирования государственных и муниципальных закупок в условиях масштабной чрезвычайной ситуации;
2. увеличение случаев коррупционного поведения участников закупок;
3. необходимость корректировки всех элементов закупочного цикла от планирования до исполнения государственных и муниципальных контрактов.

Данное исследование ставит своей целью систематизацию и анализ вызовов, с которыми столкнулась российская система государственных и муниципальных закупок, и их влияние на функционирование сферы публичных закупок в будущем. Рассмотрим эти вызовы.

Вызов 1. Отсутствие специального нормативного регулирования закупок в условиях масштабной кризисной ситуации

Сфера государственных и муниципальных закупок в России регулируется Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Законодательство о контрактной системе постоянно реформируется и дополняется новыми положениями. Высокие темпы реформирования приводят к тому, что Закон о контрактной системе правится до 50 раз в год, а правила дорабатываются в письмах ведомств. Таких писем выпущено уже несколько тысяч, а широкое применение получило около 300 [Центр стратегических разработок, 2017]. Кроме того, отечественная система публичных закупок отличается большим количеством комплиментарных функций, таких, как поддержка малого бизнеса и социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), организаций инвалидов, отечественных производителей и т.д. Естественно, что в условиях жесткой и детальной регламентации всех процедур, система государственных и муниципальных закупок к началу пандемии не обладала необходимой гибкостью, чтобы перестроиться с учетом новых экономических реалий. Таким образом, потребовалось введение дополнительного нормативного регулирования, позволяющего и заказчикам, и участникам закупок адаптироваться к условиям пандемии.

Принятым в кратчайшие сроки Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации

чрезвычайных ситуаций» были внесены серьезные изменения в законодательство о контрактной системе. В частности, расширен перечень оснований для закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), введено дополнительное основание для изменения отдельных существенных условий контракта (до 31 декабря 2020 года), смягчены требования к обеспечению контракта для закупок у субъектов малого предпринимательства и СО НКО.

Федеральная антимонопольная служба России как орган, осуществляющий контроль за соблюдением законодательства о контрактной системе, 18 марта 2020 года выпустила разъяснение, в соответствии с которым «пандемия коронавируса является обстоятельством непреодолимой силы» [Письмо ФАС России от 18.03.2020 № ИА/21684/20]. Министерство финансов России, будучи органом, выполняющим функцию по регулированию контрактной системы в сфере закупок, подготовило аналогичное заявление, указывая, что распространение новой коронавирусной инфекции, «носит чрезвычайный и непредотвратимый характер, в связи с чем является обстоятельством непреодолимой силы» [Письмо Минфина России от 19.03.2020 № 24-06-06/21324]. Эта позиция была подтверждена позднее совместным письмом Минфина России, МЧС России и ФАС России [Письмо Минфина России № 24-06-05/26578, МЧС России № 219-АГ-70, ФАС России № МЕ/28039/20 от 03.04.2020]. При этом К.В. Кузнецов отмечает, что в стране не вводился режим чрезвычайной ситуации, и далеко не все регионы России признавали ситуацию форс-мажором [Кузнецов, 2020]. В силу этих обстоятельств заказчики не всегда могли воспользоваться предусмотренными законодательством послаблениями. В некоторых случаях для проведения срочных закупок требовались обращения в Торгово-промышленную палату РФ для получения заключения об обстоятельствах непреодолимой силы.

С учетом принятых позднее изменений в Закон о контрактной системе, заказчики получили дополнительные возможности для решения оперативных задач, например, возможность осуществлять закупки без конкурентных процедур на сумму до 600 тыс. рублей (ранее эта сумма была ограничена 300 тыс. руб.), право корректировать контрактные условия и списывать неустойки, возможность ослабить требования к контрактам с субъектами малого предпринимательства и СО НКО. При этом изменения в законодательстве имели несистемный характер и являлись скорее реакцией на нестандартную ситуацию, чем взвешенным решением.

Специалисты полагают, что в дальнейшем пандемии, аналогичные пандемии COVID-19, будут повторяться [Sundararaman et al., 2021]. Поэтому необходимо воспользоваться опытом преодоления негативных последствий пандемии COVID-19 для оптимизации законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок, а также практики его применения.

Вызов 2. Увеличение случаев коррупционного поведения участников закупок

Принятые в период кризиса послабления в действующее законодательство, наряду с положительным эффектом, связанным с адаптацией сферы публичных закупок к условиям пандемии, оказали и негативное влияние. Так, увеличилось количество противоправных действий участников системы государственных и муниципальных закупок. За 11 месяцев 2020 года Генеральной прокуратурой выявлено на 5,8% нарушений больше, чем в аналогичный период 2019 года [Сироткина, Скребцова, 2015]. Аналогичной позиции придерживается Счетная палата РФ, указывая, что «коррупционные риски в сфере здравоохранения выше, чем в других областях» [Public procurement during the COVID-19 pandemic, 2020].

Отметим, что похожая ситуация сложилась в большинстве стран мира. Международная организация «Группа государств по борьбе с коррупцией» (GRECO), указывает на возросшие в условиях пандемии коррупционные риски, связанные с чрезвычайными ситуациями, концентрацией полномочий, отступлениями от основных прав и свобод и вливанием в экономику больших сумм денег для смягчения кризиса [GRECO, 2020]. Дж. Кохлер и Т. Райт отмечают, что «во многих странах наблюдался эффект разрушения рыночных механизмов, что приводило к манипулированию ценами и поставкам фальсифицированных и испорченных товаров» [Kohler & Wright, 2020].

Одним из наиболее распространенных нарушений явилось злоупотребление экстренными закупками у единственного поставщика, которые изначально вводились для приобретения лекарств и средств индивидуальной защиты. Согласно совместному письму Минфина России, МЧС России и Федеральной антимонопольной службы, «заказчики вправе осуществлять закупки у единственного поставщика при условии наличия причинно-следственной связи между объектом закупки и его использованием для удовлетворения потребностей, возникших вследствие возникновения обстоятельств непреодолимой силы, и (или) использованием объекта закупки для предупреждения чрезвычайной ситуации» [Письмо Минфина России

№ 24-06-05/26578, МЧС России № 219-АГ-70, ФАС России № МЕ/28039/20 от 03.04.2020]. Действительно, когда применение других способов закупки, требующих затрат времени, нецелесообразно, прямые закупки медицинского оборудования, лекарственных средств и т.д. оправданы. В ряде случаев эта норма может быть использована для закупок любых товаров, работ, услуг, необходимых для преодоления чрезвычайной ситуации, например, продуктовых наборов, услуг по дезинфекции помещений и т.д. При этом К.В. Кузнецов приводит примеры, когда заказчики под предлогом экстренной необходимости, вызванной пандемией, отменяли конкурентные процедуры и напрямую заключали контракты на обслуживание автомобильных дорог и строительство школы, что, безусловно, являлось злоупотреблением [Кузнецов, 2020].

Распространенным нарушением в период пандемии стало завышение поставщиками цены товаров. Так, прокурорские проверки выявляли случаи, когда медицинские маски закупались по 18–20 руб. за штуку при средней цене около 8 руб., а также ситуацию закупки аппаратов искусственной вентиляции легких по цене, сильно превышающей среднерыночную [Левшук и др., 2020; Сидоренко, 2020].

Аналогичная ситуация сложилась в зарубежной практике. Так, по информации издания *The Washington Post*, в последние недели работы Правительство Трампа заключило оптовые контракты на респираторные маски по цене более 5 долл. за штуку, что почти в восемь раз больше, чем оно потратило бы в январе и феврале, когда уже была информация о надвигающейся глобальной пандемии [The Washington Post, 2021]. В развивающихся странах увеличилось количество случаев фальсификации лекарственных средств из-за высокого спроса и ограниченности предложения [Kohler & Wright, 2020].

Главной причиной злоупотреблений, по всей видимости, является ослабленный контроль за осуществлением закупок во время пандемии. Создание цифровых инструментов, позволяющих общественности отслеживать экстренные закупки, значительно повысило бы обоснованность таких закупок. Как указывается в докладе GRECO, «повышение открытости – ключевой фактор борьбы с коррупцией» [GRECO, 2020]. Функции мониторинга экстренных закупок могла бы выполнять Единая информационная система (ЕИС) при условии, что объем информации будет минимальным и не приведет к дополнительному обременению заказчиков в условиях экстренной ситуации.

Вызов 3. Необходимость корректировки всех элементов закупочного цикла от планирования до исполнения государственных и муниципальных контрактов

Российская система государственных и муниципальных закупок первый раз столкнулась с ситуацией, когда стандартные правовые механизмы перестали отвечать экономическим реалиям. Необходимость значительного увеличения количества и номенклатуры товаров, работ и услуг, закупаемых для ликвидации последствий пандемии, сделала традиционные конкурентные механизмы закупок малоэффективными, а закрытие границ и разрыв цепочек поставок потребовали пересмотра заключенных ранее контрактов.

Большинство стран в условиях, когда требовалось закупать широкий спектр товаров, работ и услуг в сфере здравоохранения, осуществляли такие закупки на основании положений по осуществлению закупок в чрезвычайных ситуациях. Действительно, в условиях, когда на рынке наблюдается высокий спрос по ряду товарных групп из-за экспортных и импортных ограничений, прямые закупки у производителей дают больший эффект, чем конкурентные процедуры. Кроме того, прямые закупки позволяют обеспечить потребность в товарах, работах, услугах в сжатые сроки.

Приобретение товаров и услуг первой необходимости в срочном порядке – не новая концепция для государственных органов. Почти во всех странах, особенно в зоне ОЭСР, уже существуют хорошо разработанные и проверенные специальные правила, и институциональные механизмы, связанные с проведением торгов и заключением контрактов во время чрезвычайных ситуаций. Большинство европейских стран использовали «существующие в законодательстве нормы для заключения контрактов в чрезвычайных ситуациях, предоставляя дополнительные рекомендации и поддержку своим закупающим структурам» [OECD, 2020]. Российская система государственных и муниципальных закупок также содержит нормы, регламентирующие экстренные закупки. Тем не менее, потребовалось специальное регулирование для осуществления экстренных закупок у единственного поставщика. Так, заказчики могли осуществить закупки при необходимости оказания неотложной медицинской помощи в случае, если применение конкурентных способов закупки, требующих затрат времени, нецелесообразно. Заказчику разрешалось размещать информацию о закупке в плане-графике не позднее дня заключения контракта.

Учитывая сильную зарегулированность российской системы государственных и муниципальных закупок, потребовалось внесение

изменений, расширяющих возможности заказчиков, прежде всего, в части контроля за исполнением ранее заключенных контрактов. Порядок заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов, а также контрактов, заключаемых бюджетными учреждениями, регулируются как нормами Гражданского кодекса РФ, так и Законом о контрактной системе. В силу такого двойного регулирования контракты имеют ряд особенностей. Так, в соответствии с законодательством, цена контракта является твердой и определяется на весь срок его исполнения. В контракт также включается обязательное условие об ответственности поставщика (исполнителя, подрядчика) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту, при этом порядок расчета неустойки (штраф, пени) жестко регламентируется. Таким образом, контракты, заключенные в соответствии с законодательством о контрактной системе, лишены гибкости, присущей обычным гражданско-правовым договорам.

Пандемия сделала невозможным исполнение некоторыми поставщиками своих обязательств по контрактам, поэтому в 2020 году допускалось изменение срока и (или) цены контракта, если из-за распространения коронавирусной инфекции возникли обстоятельства, в силу которых он не может быть исполнен.

Изменения в системе государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 систематизированы в таблице 1. Кризис, вызванный пандемией, потребовал изменений на всех этапах закупочного цикла, начиная от планирования и заканчивая контролем исполнения контракта. Однако, в условиях дефицита лекарств и медицинского оборудования, вызванных падением производства и экспортными и импортными ограничениями, недостаточно адаптировать законодательство. Крайне важно обеспечить независимость от зарубежных контрагентов. Исследование американского рынка государственных закупок в условиях пандемии показало, что главным вызовом для сферы здравоохранения США явилась зависимость от иностранных поставщиков, прежде всего, из Китая [Sadiq & Kessa, 2020]. Российский фармацевтический рынок также достаточно сильно зависит от поставки импортных субстанций [Сироткина & Скребцова, 2015]. Однако в последнее время в сфере поставок лекарственных средств на рынок государственного и муниципального заказа импортозамещение происходит достаточно успешно, хотя, в основном, за счет мер по локализации производства на территории России и перехода на закупку дженериков вместо оригинальных препаратов. При этом Россия демонстрирует крайне высокую зависимость от импорта на рынке

медицинского оборудования, что создает дополнительные риски в условиях чрезвычайных ситуаций.

Т а б л и ц а 1

Изменения в системе государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19

Этап закупочного цикла	Изменения в нормативном регулировании
Планирование	<ul style="list-style-type: none"> – В случае закупки у единственного поставщика товаров, необходимых для оказания медицинской помощи в неотложной и экстренной форме, либо закупаемых вследствие аварии, обстоятельств непреодолимой силы и т.д., заказчик размещает информацию о закупке в плане-графике закупок не позднее дня заключения контракта.
Проведение закупочных процедур	<ul style="list-style-type: none"> – Закупки в целях оказания медицинской помощи в неотложной и экстренной форме, для ликвидации аварии либо при обстоятельствах непреодолимой силы заказчики могут осуществлять у единственного поставщика. – Изменен порядок исчисления сроков при проведении закупочных процедур. – Утрачивают силу нормы о предварительном отборе участников закупки в целях оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера.
Заключение и исполнение контракта	<ul style="list-style-type: none"> – При закупках у субъектов малого предпринимательства и СОНКО до 31 декабря 2020 года заказчик вправе не устанавливать требование об обеспечении исполнения контракта. – В 2020 году разрешено изменение срока и (или) цены контракта, если при его исполнении в связи пандемией возникли обстоятельства, повлекшие невозможность его исполнения. – При просрочке исполнения обязательств по контракту возможно начисление пени не только от цены контракта, но и от отдельного этапа исполнения контракта. – Изменен порядок списания пени по контракту. – Увеличивается сумма, в пределах которой возможно заключение контракта с единственным поставщиком, с 300 тыс. руб. до 600 тыс. руб. – Снижен минимальный размер обеспечения исполнения контракта.
Контроль	<ul style="list-style-type: none"> – Переход на дистанционное рассмотрение жалоб участников закупки.

Обозначенные в исследовании вызовы, безусловно, привели к значительной перестройке закупочных механизмов. Однако в целом российская система государственных и муниципальных закупок показала свою эффективность. Устойчивость системы к внешним вызовам, по мнению автора, обусловлена высоким уровнем централизации и диджитализации закупок.

Централизованная координация закупок имеет большое значение в условиях чрезвычайных ситуаций. Многие страны в период пандемии вынуждены были экстренно пересматривать подходы к организации закупочных процессов. Так, в Италии на централизованный уровень была переведена оценка потребностей в товарах, в Республике Корея организовано централизованное распределение товаров первой необходимости [Public procurement during the COVID-19 pandemic, 2020]. В соответствии с исследованием, опубликованном в медицинском журнале *Lancet*, одним из препятствий в борьбе с пандемией в Италии была «децентрализация и фрагментация служб здравоохранения» [Armocida et al., 2020]. В России практика централизации закупок получила широкое распространение еще в рамках законодательства, предшествующего Закону о контрактной системе. Механизм передачи функций специальному уполномоченному органу или организации широко используется как на федеральном уровне, так и в регионах. Как результат, в условиях пандемии, принятые на централизованном уровне решения позволили обеспечить оперативную реакцию на чрезвычайные обстоятельства.

Второй характерной особенностью системы государственных и муниципальных закупок является высокая степень диджитализации. Использование единой информационной системы (ЕИС), электронных торгов и технологии заключения контрактов online практически нивелировали риски, связанные с введением карантинных мер. В соответствии с аналитическим отчетом, подготовленным в рамках проекта «Национальный рейтинг прозрачности закупок», в период пандемии COVID-19 был обеспечен бесперебойный процесс торгов, и, как результат, экономическая активность российского бизнеса за период с 1 февраля по 31 мая 2020 г. не только не упала, а, наоборот, возросла [Аналитический отчет, 2020].

При этом пандемия выявила недостатки системы сферы государственных и муниципальных закупок: ее излишнюю зарегулированность, отсутствие гибкости, ограниченные возможности общественного контроля. Отметим, что пандемия COVID-19 может стать дополнительным стимулом для реформирования сферы публичных закупок. Новые вызовы следует рассматривать как возможность для изменений

государственной политики и вовлечения в процесс реформирования гражданского общества и других заинтересованных сторон.

Литература

1. Аналитический отчет по результатам сравнительного анализа национального рынка государственных закупок в период пандемии COVID-19 и аналогичного периода предыдущего года. URL: <https://www.nrpz.ru/issledovanie-covid-19-zakupki>.
2. Письмо ФАС России от 18.03.2020 № ИА/21684/20 «О проведении закупок, направленных на профилактику, предупреждение, ликвидацию последствий распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории РФ».
3. Письмо Минфина России от 19.03.2020 № 24-06-06/21324 «Об осуществлении закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) при введении режима повышенной готовности».
4. Письмо Минфина России № 24-06-05/26578, МЧС России № 219-АГ-70, ФАС России № МЕ/28039/20 от 03.04.2020 «О позиции Минфина России, МЧС России, ФАС России об осуществлении закупок товара, работы, услуги для обеспечения государственных и муниципальных нужд в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV».
5. Кузнецов К.В. Чрезвычайные закупки: опыт пандемии COVID-19. Выводы на будущее // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. № 60, 2020. С. 13–19.
6. Левшук В.В., Маруха Е.Р., Багреева Е.Г. Анализ преступности в сфере государственных закупок в период COVID-19 // Образование и право. № 4. 2020. С. 438–442.
7. Неверова О. Диалог приводит к результату. Пандемия стала катализатором для развития регулирования фармацевтического рынка. URL: <https://rg.ru/2020/11/29/pandemii-stala-katalizatorom-dlia-razvitiia-regulirovaniia-farmrynka.html>.
8. Сидоренко Е. Прикрылись короной: число нарушений с госзакупками выросло почти на 6%. URL: <https://iz.ru/1104213/elena-sidorenko/prikrylis-koronoi-chislo-narushenii-s-goszakupkami-vyroslo-pochti-na-6>.
9. Сироткина Н.Г., Скребцова Р.Р. Особенности закупочных процедур бюджетных учреждений здравоохранения в Российской Федерации // Медицинский альманах. № 4 (39), 2015. С. 10–14.
10. Центр стратегических разработок. Госзакупки. Какой должна быть контрактная система? Москва, 2017. URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/07/Government-procurement-v2-web.pdf>.

11. Armocida B., Formenti B., Ussai S., Palestra F., and Missoni E. The Italian health system and the COVID-19 challenge. *The Lancet Public Health* 5, no. 5 (2020): e253.
12. GRECO (2020). Corruption Risks and Useful Legal References in the context of COVID-19. URL: <https://rm.coe.int/corruption-risks-and-useful-legal-references-in-the-context-of-covid-1/16809e33e1>.
13. Kohler J., Wright T. The Urgent Need for Transparent and Accountable Procurement of Medicine and Medical Supplies in Times of COVID-19 Pandemic. *Journal of Pharmaceutical Policy and Practice*, 13(1), 2020. pp. 1–4.
14. OECD (2016). Preventing Corruption in Public Procurement OECD Publishing. URL: <https://www.oecd.org/gov/ethics/Corruption-Public-Procurement-Brochure.pdf>.
15. OECD (2020). Stocktaking report on immediate public procurement and infrastructure responses to COVID-19. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/stocktaking-report-on-immediate-public-procurement-and-infrastructure-responses-to-covid-19-248d0646/>.
16. OECD (2020). Public integrity for an effective COVID-19 response and recovery. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/public-integrity-for-an-effective-covid-19-response-and-recovery-a5c35d8c/>.
17. Public procurement during the COVID-19 pandemic. Digest prepared by the Department for International and Regional Cooperation of the Accounts Chamber of the Russian Federation. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/ENG%20Covid-19-procurement.pdf>.
18. Sadiq A., Kessa R. US procurement in the age of COVID-19: challenges, intergovernmental collaboration, and recommendations for improvement. *The American Review of Public Administration*, 50(6-7), 2020. pp. 635–641.
19. Savedoff W. The impact of information and accountability on hospital procurement corruption in Argentina and Bolivia. U4 Brief. URL: <https://www.cmi.no/publications/file/3027-the-impact-of-information-and-accountability-on.pdf>.
20. Sundararaman T., Muraleedharan V., Ranjan A. Pandemic resilience and health systems preparedness: lessons from COVID-19 for the twenty-first century. *Journal of Social and Economic Development*. 2021. pp. 1–11.
21. The Washington Post. In coronavirus scramble for N 95 masks, Trump administration pays premium to third-party vendors. URL: https://www.washingtonpost.com/national/coronavirus-trump-masks-contracts-prices/2020/04/15/9c186276-7f20-11ea-8de7-9fdff6d5d83e_story.html.

ГЛАВА 3. ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ – ДВЕ ПАРАЛЛЕЛИ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В ЭПОХУ COVID-19 (ПРИМЕРЫ КЕЙСОВ)

Столкнувшись с новыми реалиями функционирования в условиях распространения вируса COVID-19, российский бизнес продемонстрировал различные грани адаптации к сложившимся условиям. Отсутствие изученных кейсов реакции бизнеса на подобные условия, высокая скорость (практически каждодневная) изменения окружающей среды, смятение общества, негативное влияние текущего кризиса на экономику всех стран – все это явилось предпосылками необходимости научного изучения сформировавшегося явления. Исследование посвящено анализу практических паттернов поведения предпринимателей среднего и малого бизнеса в эпоху COVID-19 и выявлению использованных ими стратегий для адаптации к враждебной для бизнеса среде.

Ключевые слова: COVID-19, стратегии бизнеса, маркетинговые коммуникации, кризис.

Любой кризис создает проблемы и угрозы для предпринимателей и их организаций независимо от того, вызваны ли они поведением людей, стихийными бедствиями или экономическими механизмами [Doern et al., 2019]. Высокая скорость появления и распространения вирусного заболевания COVID-19 и отсутствие исторических параллелей с текущим кризисом [Kitching et al., 2009] создают необходимость анализа сложившейся экономической ситуации во всех возможных ее аспектах. Несмотря на то, что текущий кризис, связанный с антипандемическими мерами карантина и социального дистанцирования, оказал негативное влияние на экономику всех стран, можно ожидать некоторых различий между странами и даже регионами в зависимости от уровня их экономического развития, региональной политики и реакции местных предпринимателей на вызовы, связанные с адаптацией к кризису.

Согласно теории экономического кризиса, больше всего страдает от стихийных бедствий или социальных бедствий, приводящих к экономическому кризису, малый и средний бизнес. С другой стороны, чем меньше бизнес, тем большую гибкость и адаптивность он демонстрирует [Kotorri et al., 2018]. Уроки случившегося еще предстоит извлечь в их фундаментальных смыслах, на данном же этапе представляется актуальным выявить влияние пандемии COVID-19 на предпринимательство на разных уровнях и начать формирование корпуса данных о практиках, помогающих предпринимателям и самозанятым лицам преодолеть кризис [Krasniqi,

Mustafa, 2016]. Целью данного исследования является анализ, как и в какой степени российские компании малого и среднего размера пострадали от локдауна из-за распространения COVID-19, а также определение стратегий, которые они использовали, чтобы справиться с новой, враждебной для бизнеса средой.

Согласно Г. Саридакису [Saridakis, 2012], средние и малые предприятия могут по-разному реагировать на кризис и рецессии. Они могут испытывать трудности в преодолении складывающейся ситуации и адаптации к изменениям внешней среды, или они могут стать более инновационными и устойчивыми за счет увеличения инвестиций, диверсификации и новых возможностей для укрепления своих конкурентных позиций. Кроме того, автор [Saridakis, 2012] добавляет, что рецессия может стимулировать предприятия в определенных секторах использовать различные стратегии. Например, это работа с более дешевыми продуктами для снижения расходов, рискованные инвестиции, инновации или диверсификация для поддержания уровня производительности. В литературе широко выделяются стратегии, которые включают в себя подходы к сокращению затрат путем сокращения рабочей силы, сокращения продуктов и запасов. В то же время подходы, связанные с ростом, предлагают новые продукты, конкурирующие по цене и расширяющие бизнес-уровни [Saridakis, 2012]. Однако не существует единой стратегии для бизнеса или какой-либо конкретной передовой практики адаптации, применимой ко всем предприятиям и их поведению во время кризиса.

Влияние экономического кризиса на малые фирмы было исследовано Дж. Китчингом, Д. Смолбоуном и М. Хенети [Kitching, Smallbone, Xheneti, 2009]. Их исследование показывает, что малые фирмы более устойчивы и способны достичь высокого уровня адаптивности и гибкости во времена экономического спада и кризиса. Существует несколько причин, по которым малые фирмы более гибко адаптируются к экономическому спаду, например, способность проникать в рыночные ниши, меньшая зависимость от формальных кредитов по сравнению с более крупными фирмами, которые более обременены долгами [Kotorri et al., 2018].

Другие исследователи [Sauka, Shepureenko, 2017] определяют влияние рецессии на малый бизнес на основе двух точек зрения: «уязвимость» и «устойчивость». Предприятия считаются уязвимыми к внешним шокам из-за ограниченных внутренних ресурсов по сравнению с более крупными фирмами, более узкой базы клиентов и продуктовых линеек и меньшей переговорной силы с клиентами и поставщиками. Однако гибкость малых

предприятий, подчеркнутая в концепции устойчивости, основана на корректировке ресурсов, процессов, цен и продуктов, чтобы выжить в периоды экономического спада.

Анализ существующих исследований продемонстрировал важность, придаваемую учеными используемым компаниями в кризисное время стратегиям. Интерес представляет изучение практических кейсов функционирования малого и среднего бизнеса в новых, незнакомых условиях функционирования, вызванных внедрением мер самоизоляции.

Методология проведения исследования

Проведено качественное исследование в конкретном географическом контексте (Нижегородская область, Россия), характеризующемся высокой плотностью населения, территориальной и экономической близостью к столице – Москве, с развитой транспортной, коммуникационной и деловой инфраструктурой, относительной однородностью культуры и разнообразием производства.

Исследование было проведено в форме полуструктурированных интервью (N=14) с руководителями и владельцами малого и среднего бизнеса с использованием видеоплатформ MS Teams и Zoom. Выбор платформы зависел от предпочтений респондентов и их удобства. В среднем интервью длилось 60 минут.

Исходя из целей исследования, был разработан и протестирован первоначальный гайд, в который позже был добавлен вопрос о наличии или отсутствии государственной поддержки и о том, каким образом она была предоставлена. Инструментарий сочетал закрытые и открытые вопросы, сопровождавшиеся уточняющими вопросами «Почему?» или «Как?». Гайд содержал 16 вопросов, распределенных на три части:

– Часть 1 (4 вопроса) определяла сферу бизнеса респондентов, а также размеры и опыт работы их фирм;

– Часть 2 (6 вопросов) посвящена адаптации бизнес-модели в условиях кризиса и оценке способов и степени воздействия кризиса на конкретный бизнес;

– В части 3 (6 вопросов) были определены стратегии, которые фирмы использовали для преодоления последствий мер изоляции в регионе. Вопросы типа «Как кризис повлиял на Вашу компанию (бизнес) в целом?» или «Увеличилась ли Ваша онлайн-аудитория за счет новых цифровых привычек и навыков населения?» были направлены на сбор данных о негативных

последствиях кризиса, а также о новых возможностях, которые он мог создать для некоторых компаний. И такие вопросы, как «Какое главное изменение «вытащило» компанию за этот период?» или «Почему не было обнаружено такого изменения?» позволили получить информацию о стратегиях, которые компании использовали, чтобы справиться с кризисом.

Виды экономической деятельности, охваченные исследованием, включают СМИ, строительство, производство, оптовую и розничную торговлю. В процессе интервьюирования респондентов основное внимание уделялось выявлению последствий кризиса и антикризисным стратегиям, выработанным фирмами для поддержания своего бизнеса.

Результаты исследования

Ниже приведены четыре наиболее ярких интервью, которые рекомендуется использовать менеджерам как готовые кейсы адаптации бизнеса к условиям самоизоляции и социального дистанцирования.

Интервью 1. Представитель российского медиа-холдинга «... постельные сцены можно будет снять и после карантина»

Наш медиа-холдинг включает в себя телевизионные станции и онлайн-сервис для просмотра кино и телесериалов. Основной офис в Москве, в регионах расположены представительства компании. Кризис отразился так: количество телезрителей на наших каналах не изменилось, но в начале кризиса от нас ушли региональные небольшие рекламодатели. Падение составило 30% – и это все малый и средний региональный бизнес. Крупные рекламодатели никуда не ушли. Но сейчас ждем их возвращения. В холдинге по всей России сократили персонал на 60%, возможно это сокращение необходимо было и до кризиса. Кризис здесь выступил лишь катализатором.

Относительно рекламного бюджета, то мы сами его во время кризиса немного увеличили, а в момент выхода с карантина мы запланировали рост нашей рекламной активности и поставили новые очень амбициозные планы.

В кризис важна роль руководителя: трезвость решений; важно построить масштабный послекризисный план на 3 года. Это задача руководителя. Люди в кризис не понимают, что происходит, переживают, что с ними будет, они в стрессе. Руководители должны доносить планы до сотрудников, должны выступать примером для подражания.

С начала кризиса теперь нет разницы между московскими и региональными представительствами, теперь мы все сидим дома и работам одинаково.

На кризис мы отреагировали эффективно. Мы изменили сетку вещания:

– на ТВ запустили образовательные проекты для детей, запустили старые популярные сериалы, запустили проекты, которые делают небольшое количество сотрудников (из-за соображений безопасности). Крупные проекты отложили, но сейчас их будем снимать в тех городах, где будет благоприятная эпидемиологическая обстановка. *Постельные сцены можно будет снять и после карантина;*

– запустили провокационный сериал (Чики) на нашей онлайн-площадке. Он оказался самым эффективным.

За время «удаленки» наша компания провела 12 обучающих семинаров для сотрудников, бизнес-завтраки, онлайн-конференцию, проводились опросы сотрудников, психологические тесты, в общем, забота на высоком уровне. Появилось время для творчества, новые идеи (раньше времени не хватало). Перераспределили рекламные бюджеты, разместились на радио. Основные мероприятия отложили на октябрь.

Из проблем: на нас была осуществлена ДОС-атака, в результате все полетело на месяц.

Смотрю, что во многих компаниях – многие уволили часть сотрудников «под шумок».

Кооперацию вижу в наружной рекламе, где значительно упали продажи.

Интервью 2. Сеть мастерских по ремонту компьютеров, телефонов, телевизоров

«... они начали нас благодарить, чем только можно: колбаса, вино, деньги»

На нас кризис отразился «двойко». У нас был ажиотаж, в марте сделали рекорд по продажам, люди массово покупали и ремонтировали компьютеры. Но в конце марта нас «закрыли» (основная мастерская и магазин расположены в ТЦ (радиорынок). Конечно, был вариант закрыть все и отправить сотрудников домой. Но мы выбрали другой вариант: все перевезли в арендную квартиру, где разметили мастерскую и склад. Все услуги и товары продавали через интернет, также сделали собственную доставку. Но такое количество клиентов было малым – это было всего 20% от того, что зарабатывали раньше. Но тут началось самое интересное.

Через две недели нам опять разрешили работать в ТЦ (на радиорынке). Мы смогли оформить все разрешения на открытые точки. Сначала нам

разрешили, мы открылись, но через неделю нас выключили из списка розничных торговцев, продающих товары первой необходимости, и нас снова закрыли, а через неделю опять открыли. В общем, процедура была нелегкая. Сложно было оформить документы в должной форме. Я первый получил разрешение на открытие в нашем ТЦ (на радиорынке). Потому что у меня много друзей, которые смогли должным образом проконсультить. Но администратор ТЦ сказал, что ради тебя одного не смогу открыть ТЦ, помоги другим арендаторам тоже открыться. Пришлось помогать оформлять документы. Другие предприниматели стали получать разрешения. И когда их было 20, то тогда и открыли ТЦ (радиорынок). Мы соблюдали все условия: кварцевание, маски, QR-коды, график уборки и т.д. Мы начали работать. Потом снова приняли решение все закрыть, но в таком режиме: работа на вынос из ТЦ (т.е. в ТЦ могут быть только сотрудники, а покупатели должны получать товар на улице). Также нас заставили переоформлять разрешения, но уже в электронном виде. Но мы не могли получать теперь QR-коды, так как соответствующие приложения были удалены из мобильных плей-маркетов. Мы смогли возобновить QR-коды. Но ТЦ так и не открывали. Все предприниматели работали – на вынос. Получился «караван» людей между воротами, там было много людей. Администрация опять прекратила работу. Все предприниматели поставили машины около рынка и начали торговать из машин около ТЦ. Тогда ТЦ снова решили открыть. Но пришлось снова получать QR-коды. Мы без проблем это сделали, но другие предприниматели не смогли это сделать, тогда они начали обращаться к нам, мы помогли 40 предпринимателям, они начали нас благодарить чем только можно: колбаса, вино, деньги. Все открылись. Но затем начались проверки: нужно вести журнал температур сотрудниками, оформлять журнал мытья полов. Требований много, но они несложные. Но не все предприниматели это сделали, угрозы закрытия точек сработали.

По аренде помещений администрация пошла нам на встречу. Они потребовали только 25% от стоимости аренды за те периоды, которые мы простаиваем. В следующий месяц мы заплатили 50%, хотя работали весь месяц. Они отнеслись с пониманием, т.к. поток посетителей стал меньше. Общий поток снизился на 30%. Но мы превысили продажи прошлого года уже в мае, мы продавали бесконтактные термометры, которые нужны всем розничным точкам. Мы выросли на 20%.

В целом по финансам могу сказать, что только в июне мы вышли на прошлые показатели, восстановили все показатели, которые упали из-за простоя.

Что касается поставок, то мы работаем с Китаем. Когда началось, то Китай закрылся. Начиная с середины марта нам не поступала ни одна доставка. Только 16 июня мы получили первую поставку из Китая. Она была оплачена еще до карантина. Наблюдался дефицит товара: вся электроника, компоненты и т.д. Б/у ноутбуки продаются сразу. Мы продаем все очень быстро, больше чем сутки ноутбуки не лежат. Самый острый дефицит – это веб-камеры. Мы продали камеры даже без микрофонов, даже самые дорогие камеры тоже продали. Сейчас проблемы только с поставками, но ждем, что эти проблемы решаться за две недели.

Если взять и высчитать среднюю по всем месяцам, то можно сказать, что «остались при своих». Только были всплески и падения резкие.

Другие предприниматели конечно пострадали больше, получают компенсации от государства. Я тоже оформлял заявки, но мне отказали, может потому что органы видят, что у нас все нормально. В Москве проблемы у предпринимателей были более серьезные, они очень долго не работали, интернет-продажи не шли, а ТЦ (радиорынки) отрыли в конце мая. Они понесли убытки. Я у них делал заказ, они удивились, что я так много покупаю, сказали: «У тебя все очень хорошо, если у тебя такие продажи».

Во время кризиса важна роль руководителя. Нужно быстро реагировать и рассчитывать «наперед». Мы среагировали на контактных термометрах. Если бы я знал ситуацию, я бы закупался еще и веб-камерами. Ручной режим управления здесь очень важен, если бы мы действовали по инструкциям, мы бы так «не вырулили».

Работали индивидуально с каждым клиентом. Сейчас пишем инструкции для персонала, как работать с клиентом. Чтобы быть клиентоориентированными.

Во время кризиса мы начали качать сайт и интернет-ресурсы. Но незначительно, сейчас планируем это развивать: интернет-торговлю, интернет-магазин.

В малых компаниях удобнее переживать кризисы. Большие объемы – большие потри, все сложно контролировать. Я один руководитель, все на мне, я все контролирую. Маленькая компания лучше выживает.

Три моих успешных решения:

- быстро получили разрешение на открытие;
- работа с клиентами, мы понимали, что их мало;
- трендовые товары: измерители температуры и маски (брендированные маски ХК «Торпедо», футбольных команд и т.д.). Наш ТЦ –

это «мужское место», там много болельщиков, они активно покупали маски от ХК И ФБ – 50 евро за штуку.

Из планов на ближайшее время: мы планируем запустить свою франшизу. Это даст нам большие объемы, мы сможем дешевле закупать товары в Китае.

*Интервью 3. Сеть мебельных магазинов в Нижегородском регионе
«... кокос в России не растет»*

Когда мы 28 марта «закрылись на карантин» – выручка упала в ноль. Неделю мы не работали, затем стали «выходить», но мы просто развозили более ранние заказы, которые пришли на склад. Апрель месяц так и проработали. Были лишь единичные продажи. Наша выручка упала на 80%. Это в основном были доплаты по тем заказам, которые мы уже приняли до карантина. Это все было за прошлые периоды. Сами продажи были лишь единичными. В основном продажи были через социальные сети, но это был, может, 1% от привычных объемов продаж. В июне работали 4 магазина из 8 (они не в крупных ТЦ и в малых городах, т.е. на периферии все ограничения более мягкие).

Насколько изменился спрос – понятно стало не сразу. Непонятно, потому, что вышли работать не все. Конкуренции меньше, чем обычно. Интернет-магазины работают, но не все хотят в интернете покупать мебель, чтобы ее потом возвращать. Люди хотят еще дешевле, чем до кризиса. Но там уже не будет качества из-за экономии.

Все комплектующие – импортные, например, кокос в России не растет, а из него делают основы для матрасов. Доллар вырос – цены на мебель растут.

В этот кризис у меня одна стратегия – сохранение капитала. Чтобы ничего лишнего не затрачивать. Слушая, что говорят консультанты по бизнесу, экономисты, другие эксперты, я поняла, что никто ничего не знает, что будет дальше. Поэтому сохранять надо то, что есть. Мы сократили сотрудников, но незначительно.

Что касается online-продаж, то многие туда ушли, но люди покупали лишь на крупных маркет-плейсах, в первых пяти в поисковых системах. Но и фабрики не работали. Если была мебель на складах, то они торговали. Кто-то вырос, но выросли только интернет-продажи от прежнего уровня интернет-продаж, но они не закрыли тот объем, который делал офлайн розницей.

Мы тоже попытались продавать через социальные сети, сделали продвижение в социальных сетях, обучили продавцов для работы в социальных сетях, но это очень сложно, не особо отдача была.

Была война с арендодателями. Они не отвечали ни на звонки, ни на письма, не говорили, что будут «выставлять», какие счета, какие условия? Говорили: «Платите, а там разберемся». Два месяца шли переговоры с ними. Кто-то пошел на уступки, кто-то нет, пришлось съехать из некоторых ТЦ. Один магазин закрыли, второй будем закрывать. Все договоренности о скидках только устные – это очень настораживает.

По поводу кооперации между компаниями, то я ощущаю следующее: люди очень разобщены, многие очень политизированы, люди о простых вопросах не могут договориться. Люди потеряли деньги, у многих кредиты, все на нервах. Люди просто многие находятся в нервном состоянии.

Интервью 4. Компания многоуровневого маркетинга, занимающаяся продвижением на рынке России продукции женской гигиены

«... люди требовали общения, и они у нас это общение получали»

Влияние кризиса на нашу компанию неоднозначно. Компании многоуровневого маркетинга имеют свою специфику функционирования. Здесь очень многое зависит от людей, т.к. каждый является фактически руководителем собственного бизнеса, и, во многом, руководствуется собственными решениями. Лично моя деятельность получила дополнительный импульс к развитию, т.к. в условиях молниеносной адаптации к изменившимся условиям, получилось встроить новые инструменты в свою работу.

Основная задача компаний многоуровневого маркетинга – создание сети потребления продукции. Это невозможно без личного контакта с потребителем, реклама здесь не работает. Когда объявили режим самоизоляции, этот личный контакт оборвался. И далее получилось два сценария развития ситуации:

1. Часть представителей компании просто заняли выжидательную позицию. Их товарообороты упали в ноль и начались жалобы на то, как все плохо. Люди не смогли адаптироваться, не увидели новых возможностей, перспектив. С одной стороны, это нехорошо. Однако, с другой стороны, все мы конкурируем на рынке за внимание потребителя. Поэтому слабые стороны одних представителей компании положительно повлияли на возможности других по привлечению покупателей.

2. Другая часть представителей начала активно использовать в своей деятельности различные online коммуникационные инструменты с уже существующими лояльными к компании потребителями – конференц-холлы (например, Teams, Zoom), Instagram. Была сделана ставка на то, что люди сидят дома, им не хватает живого общения, и они будут рады любому варианту коммуникации. И, действительно, так и случилось. Люди сами начали спрашивать, когда состоится эфир в следующий раз. К эфирам с удовольствием начали подключаться потребители, они слушали про уникальные особенности продукции, задавали вопросы. Главное – сделать акцент на то, что мы все равно все вместе, мы общаемся, как и до кризиса. И так как в остальном варианты расходов у них резко сократились (во время режима самоизоляции остались расходы на еду как естественно обязательные, сократились расходы на одежду, косметику, украшения и др.), свободные финансы женщины тратили там, где им подробно с примерами смогли показать выгоду от приобретения. Правда, надо отметить, что многие потребители в принципе ушли в режим экономии из-за угрозы быть уволенными. Деньги просто никуда не тратили. В этой связи, если оценивать уровень продаж, то по сравнению с апрелем-маем месяцем предыдущего года он не изменился.

Со стратегической точки зрения, благодаря сложившейся ситуации мы внедрили новые инструменты маркетинговых коммуникаций – online прямые личные презентации, ввели это в привычку потребителям и получили новый виток развития. Наша стратегия стала более амбициозной – мы выбрали курс на рост товарооборота, на online-презентацию можно привлекать неограниченное количество потребителей, ранее же мы были ограничены стенами офиса. И уже сейчас, по прошествии некоторого времени после самоизоляции, основной акцент в маркетинговых коммуникациях мы продолжаем делать на online-общении.

Если задуматься о роли руководителя, то однозначно отмечу, что руководитель является инициатором глобальных изменений. В структурах, где руководители смогли сами адаптироваться к сложившейся ситуации, организовать online-встречи со своими потребителями и научить этому своих партнеров, люди продолжали зарабатывать.

В итоге, основным изменением, которое «вытянуло» нас в период пандемии, стал выход в online. Но не в форме продаж через интернет-магазин. А в форме виртуальной коммуникации с потребителями, которые высоко оценили сложившийся подход. Новые диджитал-подходы к общению в виртуальном пространстве сформировали новые привычки как у нас, так и у

наших клиентов. Люди требовали общения, и они у нас это общение получали. Это, несомненно, увеличило нашу онлайн-аудиторию. Также кризис показал, что есть возможность повысить эффективность своих действий за счет масштабного охвата аудитории, и это возможно и в период пандемии, и после него. Получается, мы нашли новый инструмент продвижения. Приятным бонусом развития ситуации появилось осознание, что есть возможность сократить расходы на аренду, т.к. на время самоизоляции фактически офисом стали два актива – это мобильный телефон с устойчивым доступом в интернет и автомобиль для организации доставки либо в черте города, либо до транспортной компании.

В условиях сложившегося локдауна 2020 года российский бизнес продемонстрировал неоднозначные подходы к стабилизации своих товарооборотов. Анализ практических кейсов показал различные траектории адаптации бизнеса к сложившейся ситуации. Снижение товарооборотов и прибылей наблюдалось у тех предприятий, где бизнес-модель оставалась реактивной, демонстрируя реализацию управленческих решений как ответное действие на складывающиеся условия. Причем снижение денежного потока не связано со сферой деятельности предприятия (не анализировались продовольственные компании как единственно открытые и функционирующие в рассматриваемый период времени).

В противоположность этому, проактивные действия руководства, такие, как, например, предугадывание возможных изменений рынка, новых появляющихся запросов потребителя, внедрение нестандартных методов продвижения, позволили сформировать новую бизнес-модель как для коммуникации с потребителем, так и для организации дальнейших продаж.

Отчетливо выделяется ряд стратегий, внедренных в условиях самоизоляции и сохраненных после ее окончания:

Во-первых, это перенос всех бизнес-процессов в online. Это решение было принято руководителями всех изучаемых предприятий.

Во-вторых, это присутствие на связи с потребителем в любой ситуации. Несмотря на то, что коммуникация на уровне «компания – рынок» логически является частью предыдущей стратегии, мы выделяем ее в отдельную. Это связано с тем, что отсутствие в условиях самоизоляции ежедневного плотного контакта с клиентом станет препятствующим элементом реализации любых процессов бизнес-модели предприятия.

В-третьих, сокращение издержек. Авторы предыдущих исследований выделяют стратегии, связанные с сокращением затрат на рабочую силу, либо

переход на более дешевые версии продуктов. Кризисная ситуация, связанная с социальным дистанцированием населения, определила необходимость переноса офисов в виртуальное пространство (работа из дома, активное использование конференц-холлов), компании сокращали постоянные офисные затраты, по возможности снижая расходы на аренду.

В-четвертых, введение в ассортимент трендового товара. Это, например, маски, антисептики, техника для выхода в online, услуги по доставке «от квартиры до квартиры».

Представленные кейсы, как наиболее яркие примеры реакции бизнеса на кризисную ситуацию с COVID-19, могут быть использованы предпринимателями как практическое руководство к действию при возникновении похожей ситуации функционирования внешней среды.

Литература

1. Doern R., Williams N., and Vorley T. (2019). Special issue on entrepreneurship and crises: business as usual? An introduction and review of the literature // *Entrepreneurship & Regional Development*, Vol. 31 No. 5–6, pp. 400–412.
2. Kitching J., Smallbone D., Xheneti M. (2009). Have small businesses beaten the recession? // *Small Business Research Centre, Kingston University KT2 7LB*.
3. Kotorri M. & Krasniqi B. (2018). Managerial characteristics and export performance in a transition economy // *The South East European Journal of Economics and Business*, 13(2), pp. 32–48.
4. Krasniqi B.A., Mustafa M. (2016). Small firm growth in a post-conflict environment: The role of human capital, institutional quality, and managerial capacities // *International Entrepreneurship and Management Journal*, 12(4), pp. 1165–1207.
5. Saridakis G. (2012). Introduction to the special issue on enterprise activity, performance and policy during times of crisis // *International Small Business Journal*, 30(7), pp. 733–735.
6. Sauka A. & Chepurens A. (Eds.). (2017). *Entrepreneurship in transition economies: Diversity, trends, and perspectives*. Berlin: Springer.
7. Scott R. Baker, Nicholas Bloom, Steven J. Davis, Stephen J. Terry COVID-induced economic uncertainty. Working Paper 26983. URL: <http://www.nber.org/papers/w26983>. National bureau of economic research 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 April 2020.

8. Smallbone D., Deakins D., Battisti M., Kitching J., 2012. Small business responses to a major economic downturn: empirical perspectives from New Zealand and the United Kingdom. *Int. Small Bus. J.* 30, pp. 754–777.
9. Smallbone D., Deakins D., Battisti M., Kitching J. (2012). Small business responses to a major economic downturn: Empirical perspectives from New Zealand and the United Kingdom. *International Small Business Journal*, 30(7), pp. 754–777.
10. Winston A. (2020). Is the COVID-19 Outbreak a Black Swan or the New Normal? // *MIT Sloan Management Review*. March.

ГЛАВА 4. ДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19

Осуществлен правовой анализ последствий новой коронавирусной инфекции COVID-19, влияющих на договорные отношения. Исследуются обстоятельства, препятствующие исполнению договорных обязательств. Поднимаются вопросы терминологического единообразия и соответствия гражданско-правовых норм, регулирующих обстоятельства непреодолимой силы, существенное изменение обстоятельств, обстоятельства, приводящие к невозможности исполнения обязательства, современным реалиям. Выявлены особенности исполнения договорных обязательств в условиях эпидемиологической обстановки, ограничительных мер и режима самоизоляции. Автор приходит к выводам о том, что вызванные новой коронавирусной инфекцией COVID-19 последствия могут быть признаны основанием для освобождения субъектов от ответственности за неисполнение договорных обязательств. При этом обстоятельства непреодолимой силы автоматически не влекут прекращения обязательств, а субъекты договорных отношений добросовестными действиями должны стремиться минимизировать риски. При вынесении судебного решения по конкретным делам об ответственности должника особая роль отведена причинно-следственной связи между обстоятельствами непреодолимой силы и неисполнением обязательств.

Ключевые слова: Договорные обязательства, коронавирусная инфекция COVID-19, непреодолимая сила, невозможность исполнения обязательства, прекращение обязательства, освобождение от ответственности.

Сложившаяся в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 ситуация, связанная с санитарно-эпидемиологической безопасностью населения и предпринятыми органами власти профилактическими мерами, по существу, явилась неожиданной, чрезвычайной. Она повлияла на различные стороны общественной жизни. Затяжной характер ситуации и неопределенность вокруг нее усугубили это влияние.

Договорное право занимает важное место в современной общественной жизни. Происходящие в ней изменения непосредственно отражаются на договорных отношениях субъектов гражданского права. Новая реальность поставила перед ними множество проблем и целый спектр требующих

разрешения вопросов, связанных с влиянием сложившейся ситуации на договорные отношения, а также выявлением пробельности современных правовых норм.

Обстоятельства, препятствующие исполнению договорных обязательств

Гражданское законодательство предусматривает обстоятельства, представляющие собой угрозу осуществимости исполнения договорных обязательств. К таковым относят: обстоятельства непреодолимой силы; существенное изменение обстоятельств; обстоятельства, приводящие к невозможности исполнения обязательства.

Содержащаяся в п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ норма о непреодолимой силе содержит указание на обстоятельства, относящиеся и не относящиеся к «чрезвычайным и непредотвратимым при данных условиях». Указанная норма действует и в том случае, даже если отсутствует в договоре, в то же время стороны договора вправе предусмотреть отказ от ее применения [Тарапов, 2020].

Существенное изменение обстоятельств служит основанием для изменения или расторжения договора (ст. 451 ГК РФ) [Гражданский кодекс РФ (ч. 1), 1994].

Обстоятельства, приводящие к невозможности исполнения должником обязательства, закреплены законодателем в ст. 416 и ст. 417 ГК РФ. При возникновении обстоятельства, за которое ни одна из сторон договора не отвечает, обязательство прекращается невозможностью исполнения (ст. 416).

Другим обстоятельством прекращения обязательства невозможностью исполнения является издание акта государственного органа (ст. 417). Стороны могут взыскать возникшие при этом убытки в судебном порядке в соответствии со статьями 13, 16, 16.1 ГК РФ.

Рассмотрим, с какими проблемами сопряжено применение вышеназванных гражданско-правовых норм, и отвечают ли они современным реалиям.

Проблема чистоты терминологии

Термино-лексическое единообразие имеет большое значение как в теории, так и в правоприменении. Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 привело к употреблению субъектами права новых терминов, определяемых неоднозначно. Коронавирусная пандемия непосредственно не влияет на обязательства, следующие из договора,

поскольку термин «пандемия» не содержится ни в Гражданском кодексе РФ, ни в нормах федеральных законов от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Договорные обязательства из-за распространения новой коронавирусной инфекции оказались под угрозой неисполнения или ненадлежащего исполнения [Габов, 2020].

В связи с этим возникает *первый вопрос*, можно ли новую коронавирусную инфекцию рассматривать как обстоятельства «непреодолимой силы»? Законодатель не дает четкого определения термина «непреодолимая сила» в п. 3 ст. 401 ГК РФ. Также отсутствует перечень таких обстоятельств и критерии их идентификации. Названы лишь признаки «чрезвычайности» и «непредотвратимости», которые в полной мере присущи новой коронавирусной инфекции. В связи с этим следует выделить важные законодательные положения. Во-первых, обстоятельства, подпадающие под действие нормы п. 3 ст. 401 ГК РФ, могут рассматриваться как основание для освобождения от ответственности, но не прекращения или изменения обязательства, следующего из договора. Во-вторых, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, должно доказать невозможность надлежащего исполнения обязательства вследствие непреодолимой силы, то есть доказать наличие причинно-следственной связи между ними. В-третьих, анализируемая норма касается непосредственно субъектов предпринимательской деятельности, а ими не исчерпывается круг субъектов договорных отношений.

В качестве синонима термина «непреодолимая сила» нередко используется отсутствующий в ГК РФ термин «форс-мажор», например, в «Положении о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор)» (приложение от 23 декабря 2015 г. № 173-14) [Положение, 2015].

Второй вопрос касается неопределенности применения норм ст. 416 и ст. 417 ГК РФ. Законодатель увязал последствия прекращения обязательства невозможностью исполнения с наличием вины сторон договора. Указание на такие обстоятельства при этом отсутствует.

При наступлении обстоятельства, за которое ни одна сторона договора не отвечает, в случае осуществления предпринимательской деятельности в качестве основания прекращения обязательства может рассматриваться лишь непреодолимая сила. В гражданско-правовых нормах также отсутствуют

критерии разграничения обстоятельств, за которые стороны не отвечают, и непреодолимой силы.

Издание акта государственного органа (следует трактовать широко – и муниципального органа) прекращает обязательство невозможностью исполнения (полностью или в части). Отсутствуют четкие правила применения норм ст. 417 ГК РФ, касающиеся последствий прекращения обязательства, например, в части возмещения убытков той стороне, чье право нарушено.

Особенности исполнения договорных обязательств в условиях эпидемиологической обстановки, ограничительных мер и режима самоизоляции

В марте 2020 г. в субъектах РФ распространение новой коронавирусной инфекции признано обстоятельством непреодолимой силы соответствующими подзаконными актами. Например, Указом Губернатора Нижегородской области от 13.03.2020 № 27 «О введении режима повышенной готовности» установлен режим повышенной готовности, сопровождаемый принятием ряда ограничительных мер (п. 3 Указа), включающих приостановление различных видов деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан (п. 3.3), введением режима самоизоляции (п. 4), предъявлением требований к осуществлению деятельности, обязательных для выполнения организациями в различных сферах (п. 5) [Указ Губернатора Нижегородской области, 2020].

Федеральным законом от 03.04.2020 № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» введены так называемые кредитные каникулы – льготный период с отсрочкой погашения суммы основного долга и уплаты процентов по кредитам (займам) для физических лиц, индивидуальных предпринимателей и субъектов малого и среднего предпринимательства в отдельных сферах деятельности [Федеральный закон РФ № 106-ФЗ, 2020]. Правовые нормы распространяются на различные банковские продукты – договоры потребительского и ипотечного кредитования (целевые и нецелевые кредиты, кредиты для приобретения автотранспортных средств, займы на кредитные карты, займы в микрофинансовых организациях).

Актуальной становится проблема, связанная с реструктуризацией кредита, предполагающей изменение обязательств заемщика в сторону

уменьшения долговой нагрузки – предоставление кредитных каникул, увеличение срока возврата кредита, снижение процентной ставки [Бросалина, 2020].

Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 негативно отразилось на исполнении международных договорных обязательств [Как COVID-19 влияет ..., 2020], проявившемся, в первую очередь, в нарушении сроков производства и поставок продукции, разработки проектов, выполнении подрядных работ и т.д. Нарушение производственно-сбытовых и других обязательств вызвало необходимость приостановления или изменения международных контрактов для сохранения партнерских отношений.

В сфере туристской деятельности изменение или расторжение договоров осуществляется в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) [Тарапов, 2020], ст. 10 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [Федеральный закон № 132-ФЗ, 1996]. Стороны по своему усмотрению определяют порядок расторжения и последствия, при невозможности достижения соглашения стороны обращаются за судебным решением.

Туристские компании также могут ссылаться на ст. 416, ст. 417 ГК РФ в случаях прекращения обязательств невозможностью исполнения или из-за акта органа власти. Например, в случае закрытия транспортного сообщения, введения запрета на въезд-выезд действует ст. 416 ГК РФ [Коронавирус и аннуляции ..., 2020].

Недостатком судебной практики является отсутствие единообразия: в одних случаях выносилось решение о взыскании с туроператора лишь стоимости туристского продукта, в других – и штрафов в соответствии с нормами Федерального закона «О защите прав потребителей» [Суды начали отказывать ..., 2020].

Принятием Постановления от 20.07.2020 № 1073 «Положение об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 года включительно» [Постановление Правительства № 1073, 2020], Правительство РФ защитило туристический бизнес, предоставив возможность равнозначного туристского продукта и отсрочки возврата денежных сумм, уплаченных за туристский продукт. В результате суды стали отказывать в удовлетворении исков о взыскании с туроператоров денежных средств за нереализованный туристский продукт.

Да и само взыскание убытков в судебном порядке затруднено введением процессуального карантина на основании Постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей от 18.03.2020 № 808 [Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 808, 2020].

Новая ситуация усложнила исполнение обязательств в сфере государственных закупок. Поставщики, занимающиеся закупкой необходимых товаров и услуг в странах с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, вынуждены ограничить свою деятельность из-за введения ограничительных мер, поэтому поставки оказались под угрозой неисполнения. К примеру, китайским компаниям выдавались свидетельства об обстоятельствах непреодолимой силы, которые наступили в отношении них, при этом российские поставщики обязаны нести ответственность за неисполнение обязательств перед государственным заказчиком [Тарапов, 2020]. Отсутствие требуемых товаров и услуг и бездействие контрагентов не относятся к обстоятельствам непреодолимой силы, согласно ст. 401 ГК РФ.

Поставщик по международной сделке вправе обратиться в Торгово-промышленную палату РФ, а как субъект внутригосударственной сделки – в региональную Торгово-промышленную палату для получения заключения о наличии обстоятельств непреодолимой силы. Сертификат о форс-мажоре служит доказательством невозможности исполнения обязательства в суде [Идрисов, 2020].

При этом остается без ответов ряд вопросов, например, должна ли одна сторона исполнять обязательства по договору при наличии у нее уверенности в неисполнении обязанностей другой стороной? Как исполнять договорные обязательства субъектам, оказавшимся в аналогичных условиях, но вне сферы государственных закупок?

Стороны, заключающие договор розничной купли-продажи в условиях новой коронавирусной инфекции, ориентируются на дистанционные способы продажи товаров. Дистанционная торговля (особенно продуктами питания и медикаментами) приобрела большую популярность, в том числе, купля-продажа в сети Интернет. При этом стороны сталкиваются с множеством проблем, таких как вероятность стать жертвой мошенничества со стороны недобросовестных продавцов. Поэтому возросла роль такого органа, как Роспотребнадзор, который предупреждает покупателей и дает советы грамотного совершения покупок в сети Интернет, разрабатывает указания во избежание неприятных и не правовых последствий.

В новой реальности отмечен рост популярности бартера как в сфере внешней торговли, так и внутри страны между гражданами. В первую очередь, это связано с тем, что в кризисные времена отсутствует необходимое количество денежных средств у производителей, прибегающих к бартеру для обеспечения возможности продолжения работы. В подобных ситуациях, характеризующихся финансово-экономической нестабильностью, именно прямой обмен товара на товар позволяет производителям товаров и услуг продолжать свое существование и развитие. Преимуществами бартерных сделок являются: обеспечение жизнеспособности бизнеса, минимизация рисков, защита от инфляции, банкротство контрагента, отсутствие необходимости кредитования, появление дополнительного рынка сбыта. При этом развитие современных информационных технологий значительно облегчает поиск контрагентов в базах данных.

Таким образом, субъекты договорных отношений разных видов столкнулись с определенными препятствиями в исполнении обязательств и множеством вопросов, ответы на которые не содержатся в гражданско-правовых нормах. Правомерное разрешение ситуаций во многом зависит, во-первых, от объективных обстоятельств, на которые субъекты повлиять не могут, во-вторых, от добросовестного поведения самих субъектов. Какого-то единообразного алгоритма последовательности действий субъектов при наступлении ответственности за неисполнение договорных обязательств в условиях эпидемиологической обстановки, ограничительных мер и режима самоизоляции не создано.

Меры экономической поддержки бизнеса и граждан

В связи с ситуацией коронавируса в субъектах РФ принимаются различные меры экономической поддержки бизнеса. В сфере налогообложения предусмотрено продление сроков уплаты налогов (ст. 4, ст. 18 Налогового кодекса РФ) [Налоговый кодекс (ч. 1), 1998]. Распоряжения Правительства РФ от 19.03.2020 № 670-р и от 03.04.2020 № 439 содержат рекомендации для органов государственной власти субъектов РФ, касающиеся экономических мер помощи пострадавшим из-за коронавируса субъектам малого и среднего предпринимательства – отсрочка уплаты / освобождение от уплаты арендных платежей, налогов (земельного, на имущество и др.) [Распоряжения Правительства РФ №№ 670-р, 439, 2020].

Анализ справочной информации о мерах экономической поддержки бизнеса в субъектах РФ применительно к Нижегородской области показал,

что внесенные изменения в Закон Нижегородской области, Указ Губернатора Нижегородской области, 6 Постановлений Правительства Нижегородской области предусматривают пониженную ставку или освобождение от транспортного налога, финансовую компенсацию юридическим лицам и ИП в случае приостановления их деятельности, отсрочку и освобождение от арендной платы, предоставление субсидий, приостановление проверок.

Среди мер поддержки граждан предусмотрены кредитные каникулы на срок до шести месяцев, предполагающие запрет на начисление неустойки, предъявление требования о досрочном исполнении обязательств, направление взыскания на предмет залога/ипотеки [Все меры государственной поддержки ..., 2020].

Но предоставленные банком ипотечные каникулы не помогли Е. Гордеевой из г. Новосибирска. Заемщица лишилась работы на длительный срок и не могла исполнять обязательства по кредитному договору. В результате в феврале 2021 г. вынесено постановление о проведении торгов по квартире, являющейся единственным жильем. После вмешательства журналистов торги приостановили и вернулись к вопросу обсуждения отсрочки по платежам и процентам [Калинин, 2021].

В похожей сложной ситуации оказался заемщик Б. Демченко, многодетный отец из г. Уфа, потерявший супругу в период пандемии, вынужденный взять декретный отпуск по уходу за младенцем и не имеющий возможности исполнять обязательства по кредитному договору. В настоящее время семья находится под угрозой выселения из единственного жилья [Селиверстов, 2021].

Таким образом, запрет/приостановление определенных видов деятельности, введенный режим самоизоляции отразились не только на бизнесе, но и на доходах граждан, лишившихся работы, и, как следствие, утративших возможности осуществлять ежемесячные платежи, в том числе, предусмотренные кредитным договором. Предусмотренные субъектами РФ меры поддержки граждан в сфере занятости, социальной защиты не могут характеризоваться как достаточные и компенсирующие потерю работы и снижение доходов.

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации

Верховный Суд РФ в Обзоре от 21.04.2020 №1 дал ответы на множество вопросов, связанных с договорными обязательствами [Обзор Верховного Суда РФ № 1, 2020]. Ответ на главный вопрос, является ли

коронавирус непреодолимой силой (п. 7 Обзора), содержит указание на характеристики обстоятельств – «чрезвычайность» (исключительность), «неотвратимость» (невозможность избежать), а также «относительность». Относительность означает, что одни и те же обстоятельства для одних субъектов гражданского права признаются непреодолимой силой, а для других – нет. Необходимо учитывать обстоятельства конкретного дела: существо обязательства, срок исполнения, род занятий должника, добросовестность его действий и т.д. Должник вправе ссылаться на последствия введения ограничительных мер, заключение о форс-мажоре от Торгово-промышленной палаты, то есть бремя доказывания – на нем. При этом требуется установить причинно-следственную связь между последствиями новой коронавирусной инфекции COVID-19 и неисполнением договорных обязательств.

Последствиями признания непреодолимой силы становится приостановление (но не прекращение) действия договора, освобождение должника от ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства – от уплаты неустойки, возмещения упущенной выгоды. Приостановление носит временный (хотя и затяжной) характер, по устранении обстоятельств непреодолимой силы обязанность должника по исполнению обязательства актуализируется. В этом заключается правильная интерпретация п. 3 ст. 401 ГК РФ.

Отмечается буквальное толкование ст. 416, ст. 417 ГК РФ – обязательство прекращается невозможностью исполнения. В сложившейся ситуации невозможность исполнения носит временный характер, хотя и неизвестный по продолжительности. Разъяснения применительно к новой коронавирусной инфекции COVID-19 отсутствуют.

Верховный Суд РФ утвердительно ответил на вопрос, можно ли считать эпидемиологическую обстановку, ограничительные меры и режим самоизоляции основаниями для изменения или расторжения договора (п. 8 Обзора). При этом допускается применение ст. 451 ГК РФ, но разъяснения применительно к создавшейся ситуации также отсутствуют.

Анализ судебной практики показал, что единой концепции невозможности исполнения договорных обязательств не сложилось [Бросалина, 2020].

Правоведы приходят к выводу о том, что суды будут редко применять ст. 416, ст. 417 ГК РФ к невозможности исполнения договорных обязательств, поскольку она носит временный характер [Тюрин, Ивлева, 2020].

Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 негативно сказалось на экономических отношениях в целом, и договорных, в частности. Обстоятельства непреодолимой силы, существенное изменение обстоятельств, а также обстоятельства, приводящие к невозможности исполнения обязательства, выполняют важную роль в договорных обязательствах. Эпидемиологическая обстановка, ограничительные меры и режим самоизоляции вызвали необходимость конкретизации гражданско-правовых норм, положений Постановления Пленума Верховного Суда для устранения пробелов и недостатков юридической техники. Есть предложение принять федеральный закон, регламентирующий установление порядка разрешения спорных ситуаций между субъектами договорных отношений [Идрисов, 2020].

Следует дать оценку мерам поддержки, причем, не только субъектам бизнеса, но и гражданам, в том числе, с целью надлежащего исполнения обязательств по разным видам договоров, определить эффективность и достаточность этих мер. В настоящее время акцент верно сделан на мерах экономического характера, но также властным органам на уровне субъектов РФ необходимо разрабатывать меры информационно-управленческого и организационного характера. Они должны быть последовательны и системны. Только тогда станет возможным надлежащее исполнение договорных обязательств контрагентами в новых сложных условиях, что приведет к минимизации спорных вопросов и единообразию практики правоприменения.

Литература

1. Бросалина А.А. К вопросу об исполнении договорных обязательств в период пандемии COVID-19 // Вопросы российской юстиции. 2020. Вып. 8. С. 97–105.
2. Все меры государственной поддержки в период пандемии. URL: <https://sk-news.ru/news/konsultatsii/62419/>.
3. Габов А. COVID-19 и договорное право // Комментарий для журнала «Закон». URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/07/covid-19_i_dogovornoe_pravo_kommentarij_dlya_zhurnala_zakon.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

5. Идрисов Х.В. Пандемия коронавируса 2019-nCoV (COVID-19) как обстоятельство непреодолимой силы // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 124–133.
6. Как COVID-19 влияет на выполнение договорных обязательств. URL: <https://iqdecision.com/kak-covid-19-vlijaet-na-vypolnenie-dogovornyh-objazatelstv/>.
7. Калинин И. Мать-одиночка из Новосибирска потеряла работу. Приставы выставили ее единственное жилье на торги. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2021/02/26/69783419/>.
8. Коронавирус и аннуляции: памятка для турагентов, которых пытаются «прижать» туристы. URL: <https://www.tourdom.ru/hotline/obzory-i-analitika/koronavirus-i-annulyatsii-pamyatka-dlya-turagentov-kotorykh-putayutsya-prizhat-turisty/>.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 17.02.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
10. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813.
11. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23.12.2015 № 173-14). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71210610/>.
12. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации «О приостановлении личного приема граждан в судах» от 18.03.2020 № 808 (утр. силу). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347974.
13. Постановление Правительства Российской Федерации «Положение об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 года включительно...» от 20.07.2020 № 1073. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74423621/>.
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» от 19.03.2020 № 670-р (ред. от 11.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348140/.

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества» от 03.04.2020 № 439. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73750806>.
16. Селиверстов А. Нет денег платить ипотеку: многодетный отец боится остаться на улице после смерти жены. URL: <https://ngs.ru/text/world/2021/02/20/69777602/>.
17. Суды начали отказывать в расторжении договора о реализации туристского продукта. URL: <https://chestniy-yurist.livejournal.com/905143.html>.
18. Тарапов А. COVID-19: юридические последствия для сторон договора. URL: <http://legalinsight.ru/legal-insight-%E2%84%96-03-89-2020/>.
19. Тюрин Н., Ивлева И. Комментарий к цивилистической части Обзора судебной практики № 1, утв. Президиумом ВС 21.04.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/04/23/kommentarij_k_civilisticheskoy_chasti_obzora_sudebnoj_praktiki__1_utv_prezidiumom_vs_21042020.
20. Указ Губернатора Нижегородской области «О введении режима повышенной готовности» от 13.03.2020 № 27 // Российская газета. 2020. 16 марта.
21. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» от 03.04.2020 № 106-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349323/.
22. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ. (ред. от 09.03.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/.

ГЛАВА 5. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЖИМОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ И РЕЖИМА ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ЗНАЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ COVID-19

Рассматривается природа таких административно-правовых режимов как режим чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации и повышенной готовности с сопоставлением основания их введения и применяемых в их рамках ограничений с фактическими обстоятельствами и порядком функционирования органов государственной власти в период эпидемии COVID-19 в Российской Федерации. Произведена оценка действий властей во время распространения инфекционного заболевания в соответствии с нормативно-правовой базой, дополнявшейся новыми положениями во время действовавшего режима самоизоляции.

Предложено отнесение введенного комплекса мер к отдельному правовому режиму, который бы позволил более эффективно организовать деятельность публичной власти в случае возможного повторения ситуации с коронавирусной инфекцией.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация, режим повышенной готовности, пандемия, порядок введения, правовой режим, ограничения.

В процессе хозяйственной и производственной деятельности человека нередко возникают ситуации, создающие социальную, экологическую и иную опасность, а также приносящие значительный материальный ущерб. В таком случае перед государством встает задача своевременного принятия мер по устранению такой опасности, в том числе минимизации рисков возникновения чрезвычайных ситуаций.

Для обозначения и характеристики таких ситуаций существует ряд терминов, которыми пользуется законодатель: «чрезвычайное положение», «особые условия», «чрезвычайная ситуация», «особый режим», «режим повышенной готовности» и т.д. В связи со сложившимися на данный момент условиями, особенно часто СМИ стали употреблять данные понятия, а среди населения сложилось стойкое представление о необходимости введения режима чрезвычайной ситуации [В России могут ввести режим ЧС, 2020]. Действительно ли это нужно? Какова сущность и реальные основания административно-правовых режимов, какие ограничения могут

устанавливаться властями при таких обстоятельствах? Чтобы разобраться в этом, для начала необходимо обратиться к самим понятиям.

Одной из функций Президента в Российской Федерации является введение чрезвычайного положения (далее – ЧП). Данной процедуре посвящен отдельный Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» (далее – ФКЗ № 3) [Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ, 2001]. Введение ЧП является временной мерой, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации. В соответствии со ст. 1 ФКЗ № 3 ЧП признается «вводимый на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей» [Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ, 2001]. В Стратегии национальной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации [Указ Президента РФ № 683, 2015] отмечается, что защита личности, общества, государства от чрезвычайных ситуаций является одной из важнейших составляющих национальных интересов государства. Современная обстановка в обществе, выражающаяся в политической нестабильности, экономическом и социальном кризисе, экологических бедствиях вызывает разную степень реакции граждан, что является причиной различных экстремальных ситуаций. Административно-правовой режим ЧП, являющийся достаточно сложным и многогранным институтом, как раз и призван охранять общество от подобных ситуаций. Его введение является актуальной темой для дискуссий на сегодняшний день ввиду такого события как пандемия коронавируса. В связи с этим, рассматривая вопрос с практической точки зрения, можно отметить недостаточную подготовленность органов государственной власти к экстремному и ускоренному реагированию на подобные ситуации.

Установление режима ЧП возможно лишь в случаях, установленных ст. 3 ФКЗ № 3:

1. Попытка насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захват или присвоение власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват

особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;

2. Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекших (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

Примечательно, что Всемирная организация здравоохранения признала распространение коронавирусной инфекции пандемией, то есть таким течением заболевания, при котором охват территории включает себя все континенты и страны [ВОЗ. Что такое пандемия?]. Несмотря на это, в Российской Федерации ЧП введено не было. При этом российское законодательство предполагает очень детализированный порядок его введения. ЧП на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях вводится Указом Президента Российской Федерации с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации Федерального Собрания РФ и Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Совет Федерации в срок, не превышающий 72 часов с момента обнародования Указа, рассматривает вопрос об утверждении и принимает соответствующее постановление.

Специальный порядок введения режима ЧП не является единственной его особенностью. В соответствии со ст. 29 ФКЗ № 3, устанавливающей гарантии граждан в период действия ЧП, за государством провозглашается обязанность возместить весь вред, который был причинен обстоятельствами введения данного режима, а, как известно, в период пандемии многие предприятия малого и среднего бизнеса были вынуждены прекратить свою деятельность. Но в то же время экономические субъекты не были избавлены от обязанности выплачивать зарплаты и налоги, а уровень безработицы значительно вырос. Именно поэтому, указанную обязанность многие исследователи рассматривают в качестве первостепенной причины,

породившей путаницу с правовой основой вводимых ограничений прав граждан, так как на бюджет государства легла бы значительная финансовая нагрузка в случае введения ЧП.

В контексте утверждения ЧП на региональном уровне, данный административно-правовой режим предполагает ограничение прав и свобод граждан и возложение на них дополнительных обязанностей только в пределах определенного субъекта государства. Надо понимать, что само по себе ЧП является более «тяжелой» формой организации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В таком случае, на территории региона возможно даже приостановление их полномочий (частичное или полное), в отношении населения – установление ограничений на свободу передвижения, особый режим труда, обучения, въезда и выезда из субъекта, а также проведение досмотра транспорта. «Тяжесть» и «сложность» такого положения заключается и в том, что срок его действий в отдельных местностях не должен превышать 60 суток (однако, он может продлеваться), а ограничение конституционных прав и свобод, предусмотренных ст. 20 (право на жизнь), ст. 21 (право на достоинство личности, запрет на жестокое обращение и медицинские опыты без согласия человека), ст. 40 (право на жилище) и др., невозможно. На период всей пандемии COVID-19, начавшейся в России в 2020 году, ЧП так же, как и на федеральном уровне, в субъектах (или областях) государства ни разу введено не было. Как отметил пресс-секретарь президента Д. Песков [В Кремле считают ..., 2020], «в борьбе с распространением коронавируса власти принимают те меры, которые считают наиболее эффективными и предпочтительными». Очевидно, что установление особого режима руководство страны посчитало не нужным в данной ситуации. Возможно, такой вывод был сделан как раз на основе того, что тогда бы пришлось приостанавливать деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также в значительной мере «урезать» права граждан на местах.

Другим важным понятием в рассмотрении данного вопроса является «чрезвычайная ситуация» (далее – ЧС), содержание и понимание которого не находят единогласного подхода в теории и на практике. Многие исследователи пытаются раскрыть данный термин через общественно-опасные последствия. Основываясь на последних, Б.Н. Порфирьев предлагает рассматривать ЧС как внешнюю, внезапно возникшую обстановку, которая отличается неопределенностью, напряженностью и стрессом со стороны населения, серьезным социально-экологическим и имущественным ущербом, но, главным образом, человеческими жертвами, затратами материальных и

временных ресурсов на осуществление аварийно-спасательных действий, локализацию масштабов и подавление многообразных негативно воздействующих факторов [Порфирьев, 1991]. Другие, напротив, выделяют риск наступления опасных последствий в качестве основного признака ЧС. В свою очередь, законодатель закрепляет определение чрезвычайной ситуации в ст. 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ о чрезвычайных ситуациях) [Федеральный закон № 68-ФЗ, 1994]. Он рассматривает ее как «обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей». Исходя из этого, можно вынести в качестве одного из оснований ЧС распространение заболевания, которое представляет опасность для жизни и здоровья граждан. Стоит отметить, что в период распространения коронавирусной инфекции Постановлением Правительства РФ от 31.01.2020 № 66 «О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих», указанный перечень был дополнен п. 16 со следующим содержанием: коронавирусная инфекция (2019-nCoV) [Постановление Правительства РФ № 66, 2020]. Согласно ст. 43 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «гражданам, страдающим заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, оказывается медицинская помощь и обеспечивается диспансерное наблюдение в медицинских учреждениях» [Федеральный закон № 323-ФЗ, 2011].

Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций достигается проведением органами исполнительной власти федерального и регионального уровней, а также органами местного самоуправления, совокупности различных процедур и мер. Все эти усилия осуществляются в рамках Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС). Регламент деятельности органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации ЧС вместе с основными действиями, реализуемыми перечисленными органами и силами, в таких режимах функционирования, как режим повседневной деятельности,

режим повышенной готовности или режим ЧС, устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Важно упомянуть, что Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ внес изменения в законодательство о чрезвычайных ситуациях, значительно расширив полномочия Правительства [Федеральный закон № 98-ФЗ, 2020]. Отныне законом предусмотрено, что Правительство, согласно ст. 10 ФЗ № 68, полномочно принимать «решение о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части в случае угрозы возникновения и (или) возникновения ЧС федерального или межрегионального характера». Кроме того, у него появилось право установления «обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности или ЧС». Власти поспешили воспользоваться этим, и уже 3 апреля 2020 года премьер-министром М. Мишустиним было подписано соответствующее постановление [Постановление Правительства Российской Федерации № 417, 2020]. Согласно ему, указанные правила устанавливаются органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. В это же время, граждане обязуются соблюдать общественный порядок, законы страны и санитарно-эпидемиологические требования. Все население должно подчиняться законным распоряжениям руководителей ликвидации ЧС, экстренных и оперативных служб. Кроме того, официальный интернет-портал (имеется в виду сайт Правительства РФ) отметил, что россиянам желательно иметь при себе документы, удостоверяющие личность. Более того, противозаконным является препятствование работе ликвидаторов последствий ЧС, сотрудников общественного транспорта, а также создание угрозы не только собственной безопасности, но и жизни и здоровью других людей и т.д.

В отношении регионального уровня, в соответствии с федеральным законодательством, также применимы положения ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Актуальным остается и Постановление Правительства Российской Федерации от 21.05.2007 № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Постановление Правительства Российской Федерации № 304, 2007], в котором ЧС регионального характера характеризуется тем, что зона ее действия не выходит за пределы субъекта, а количество пострадавших составляет более 50, но не свыше 500 человек. При этом в большинстве региональных законодательствах нет закрепленного стандарта и подхода к определению

чрезвычайных ситуаций. Такой вывод удалось сделать, в частности, на основе постановления администрации города Нижнего Новгорода от 31.10.2013 № 4209 «Об утверждении Положения о муниципальном звене территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Нижегородской области на территории города Нижнего Новгорода» с действующими изменениями [Постановление администрации города Нижнего Новгорода № 4209, 2013]. В постановлении отсутствует легальное закрепление характеристики ситуации, которая может быть отнесена к чрезвычайной, нормативный акт содержит лишь порядок организации и функционирования муниципального звена территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Остальные субъекты либо указывают исключительно сферу действия закона, либо ссылаются на идентичные с федеральным законодательством понятия, оговариваясь, что они применяются в том же значении. Также в нормативных документах субъектов могут учитываться особенности территории или проводиться разделение понятий в зависимости от вида ситуаций. Несмотря на это, механизмы реагирования регионального уровня определены относительно четко и проводятся через единую государственную систему предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Во время пандемии в различных субъектах органы власти устанавливали особый порядок использования резервов на случай возникновения чрезвычайной ситуации, в том числе, транспортных средств и средств оповещения [Мухаметшина, 2020]. Анализируя ход событий во время распространения коронавирусной инфекции, отметим, что в СМИ довольно часто упоминался так называемый «режим полной самоизоляции», который зачастую ассоциировался с приведением в действие определенных механизмов, характерных для ЧС. Так, 30 марта было сообщено о введении режима полной самоизоляции по московскому образцу в Санкт-Петербурге, а затем уже схожие меры стали применяться в Рязанской, Липецкой, Иркутской, Свердловской и Брянской областях, Татарстане и Адыгее, а спустя всего несколько часов самоизоляция была установлена более чем в 15 регионах. Основной проблемой стало то, что, несмотря на организованную работу органов государственной власти, регионы в большинстве своем принимали решение самостоятельно, информация о вводимых мерах поступала из разных источников, поэтому субъекты сами выработывали протокол последовательных шагов. По сообщениям чиновников, в данном случае было важно ситуационное реагирование с учетом количества заболевших, отсюда и необъявление

режима ЧС в подавляющем числе регионов. Как упоминалось, одним из инструментов режима ЧС является широкое применение средств оповещения, но, например, относительно использования сирен в Новосибирской области губернатор поспешил отметить, что такие меры не считаются чрезмерными и чрезвычайными. Такое заявление он сделал в прямом эфире программы «Время покажет» на Первом канале. Высшее должностное лицо области сослалось на то, что обеспечение каналов связи о соблюдении режима самоизоляции необходимо именно в условиях пандемии для информирования населения. Конкретные случаи введения ЧС происходили в различных регионах: от Центральной России, на юге страны, до Приморья. Если внутри государства такая ситуация была продиктована соображениями безопасности с целью предотвращения дальнейшего распространения коронавирусной инфекции, то на границе с Китайской Народной Республикой существовала реальная угроза инфицирования населения. 28 марта 2020 года режим ЧС был установлен в Череповце – основные ограничения, контроль за соблюдением которых был возложен на оперативные группы, в основном затрагивали изменения режимов работы кафе, ресторанов и торговых центров: они были закрыты до появления дальнейших распоряжений. В этот же день на сайте Интерфакса появилось аналогичное сообщение о приостановлении деятельности объектов массового скопления людей и пассажирских перевозок на территории города Элиста [Власти Калмыкии ввели режим ЧС, 2020]. Также на период режима ЧС не функционировали салоны красоты, массажные кабинеты, СПА, солярии, бани, сауны и другие объекты, предполагающие присутствие людей. Стоит отметить, что в такой ситуации продолжали работать объекты торговли продуктами питания и товарами первой необходимости. В Приморском крае в рамках режима ЧС, помимо ограничений, были открыты специальные изоляционные пункты для граждан КНР, а в Забайкалье – введены строгие карантинные меры из-за близости с российско-китайской границей. Уже на этом этапе власти решили о приведении в действие «домашнего» режима для лиц старше 65 лет, которым рекомендовалось соблюдать режим самоизоляции дома, в то время как администрации городов обязывались обеспечить старшее поколение лекарствами и всем необходимым.

Очевидно, самым актуальным для рассмотрения понятием на данный момент является режим повышенной готовности (далее – РПГ). Что под ним подразумевается? В соответствии пп. «б» п. 6 ст. 4.1 ФЗ о чрезвычайных ситуациях, это режим функционирования РСЧС и органов управления, основной целью которого является предупреждение возможности

возникновения чрезвычайных ситуаций. При этом порядок деятельности органов управления во время введения указанного режима устанавливается Правительством РФ. Упомянутое ранее Постановление распространило полномочия Правительства РФ и на введение РПГ, который, по своей сути, предшествует режиму ЧС и является его «облегченным» вариантом (даже исходя из смысла слов «повышенной готовности»). Вместе с тем, правовой акт о введении РПГ должен в обязательном порядке включать в себя указание на обстоятельства, рассматриваемые в качестве основания для необходимости его введения, границах территории действия, перечень принимаемых мер, ответственных за это должностных лиц и многое другое.

Указанные обстоятельства определяются с учетом фактической ситуации и классификации, закрепленной в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21.05.2007 № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Постановление Правительства Российской Федерации № 304, 2007]. Исходя из этого, вполне законным основанием введения РПГ на территории субъектов РФ является эпидемия коронавирусной инфекции. Именно это и сделали власти, когда к середине марта 2020 года на всей территории РФ было принято соответствующее решение.

Справочная информация, находящаяся в открытом доступе, предоставляет сведения о том, что в некоторых регионах ситуация с заболеванием была признана форс-мажором, о котором в Большом юридическом словаре говорится как о некой непреодолимой силе, освобождающей от исполнения обязательств (термин гражданского права). Так было, например, в Нижегородской области согласно Указу Губернатора Нижегородской области от 13.03.2020 № 27. Однако не все регионы переняли такую практику, в некоторых из них форс-мажорные обстоятельства приняты во внимание не были – в частности, в Краснодарском крае (РПГ введен с 15.03.2020 Постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 13.03.2020 № 129), в Свердловской области (РПГ введен Указом Губернатора Свердловской области от 18.03.2020 № 100-УГ) и в Хабаровском крае (РПГ введен Распоряжением Правительства Хабаровского края от 13.02.2020 № 120-рп).

Как отмечает В.Ю. Мельников, РПГ сделал возможным принятие высшими должностными лицами субъектов разного рода дополнительных мер, направленных на защиту граждан от ЧС, но среди них, по мнению автора, нельзя выделить обязательные для исполнения правила поведения и ограничения [Мельников, 2020]. Именно термин «режим повышенной

готовности» чаще всего упоминался во всевозможных СМИ, и именно с ним было связано соблюдение ограничений в отдельных субъектах. Вдобавок к ранее упомянутым правилам поведения, возможно и применение мер по обеспечению защиты населения в сложившихся условиях. Законом установлено, что при РПГ в пределах конкретных территорий может ограничиваться доступ людей и транспортных средств, устанавливаться порядок использования средств связи и оповещения, приостанавливаться деятельность организаций, оказавшихся в такой зоне. Помимо всего, возможно осуществление других мер, обусловленных развитием близкой к чрезвычайной ситуации, которые не ограничивают права и свободы граждан.

Так, Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 16.10.2020 № 31 [Постановление Главного государственного санитарного врача № 31, 2020] было утверждено обязательное ношение масок в местах массового пребывания (пространства, где может одновременно находиться более 50 человек), общественном транспорте, такси, на парковках и в лифтах. Впоследствии было также рекомендовано запретить проведение зрелищно-развлекательных мероприятий и оказание услуг общественного питания с 23:00 до 6:00. Почти во всех субъектах России население столкнулось с необходимостью соблюдения совершенно новых, непривычных для него правил и ограничений. Ситуация с коронавирусной инфекцией коснулась каждого – запреты были повсюду: от продажи алкогольной продукции с 14.00 до 18.00 часов дня, покупки товаров первой необходимости только в средствах индивидуальной защиты, изменения режима работы торговых центров до невозможности посещения мероприятий и даже закрытие общественных туалетов.

Для обеспечения соблюдения этих запретов властями почти молниеносно были приняты специальные меры. Так, уже 1 апреля 2020 года Кодекс об административных правонарушениях претерпел изменения – новая статья 20.6.1. предусматривала наказание для лиц, не соблюдающих правила поведения при РПГ, в виде штрафа до 30 000 руб., а если такое неповиновение причинило вред здоровью или имуществу – до 50 000 руб. Увеличение коснулось и штрафов в области нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства, сумма которых, в соответствии с ч. 2 ст. 6.3 КоАП, составляет от 15 000 до 40 000 руб. Это сразу же породило споры среди юристов законности действий властей в период введения РПГ: кто-то назвал такие меры «охотой» на граждан, кто-то посчитал их недостаточными и ратовал за установление режима ЧС. Единственный момент, на котором сошлись во мнениях практики, это то, что обязанность

следования режиму «с большей степенью вероятности» имеет рекомендательный характер. Вопрос остается в том, станут ли появившиеся нововведения лишь временной мерой или закрепятся в законе надолго.

Таким образом, в период распространения коронавирусной инфекции в России органами государственной власти был принят целый комплекс мер, который при этом сочетал механизмы и элементы разных режимов угрозы возникновения чрезвычайной ситуации. Несомненно, в какой-то степени властям удалось предотвратить страшные последствия, но об эффективности вводимых правил и положений можно будет судить еще не скоро. COVID-19 повлиял на многие сферы деятельности, и в том числе вынудило государство в скором порядке принимать решения о необходимости введения ЧС, ЧП или РПГ на территории Российской Федерации. Россия является одной из немногих стран, которая посчитала, что введение режима ЧП являлось преждевременной мерой. Однако режим самоизоляции, который по своей сути представлял РПГ, действовал на территории всех регионов. Можно предположить, что это связано с огромной площадью нашей страны. Кроме того, эпидемиологическая ситуация по-разному развивалась в каждом субъекте, что делало невозможным установление единого порядка и организации деятельности органов государственной власти на местах. Открытым остается вопрос применения ограничительных мер в большинстве регионов.

Предпринятый комплекс мер, использованных именно в условиях пандемии, равно как и сам режим самоизоляции можно было бы отнести к отдельному административно-правовому режиму. Если государству пришлось столкнуться с прецедентом, а прогнозы врачей свидетельствуют о возможности повторения такой ситуации, необходимо законодательно закрепить протокол действий органов власти и порядок поведения граждан при пандемии. Важным также является ориентация на международное законодательство, в том числе на решения ВОЗ (положительный опыт иностранных государств, следовавших им, говорит об их эффективности). Кроме того, ограничение прав и свобод граждан в связи с инфекцией напоминает природу режимов ЧС и ЧП, так что вполне четко усматриваются основания для выделения особого режима в случае распространения заболевания. В подтверждение данной точки зрения может служить и тот факт, что в Российской Федерации вступили в действия новые законодательные акты, которые отдельно регулировали именно данный вопрос. Также необходимо обратить внимание на то, что Российская Федерация, как и весь мир, впервые столкнулась с эпидемией коронавируса.

В связи с этим, новые ограничительные меры, направленные на ее препятствование, целесообразно относить к иному правовому режиму, отличному и от РПГ, и от ЧС.

Литература

1. В Кремле считают, что необходимости ограничивать передвижение граждан нет // Государственное информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10188591>.
2. Власти Калмыкии ввели режим ЧС в Элисте // Информационное агентство «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/701403>.
3. ВОЗ. Что такое пандемия? URL: https://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/pandemic/ru/.
4. Кеменова Е., Шевелев М. В России могут ввести режим ЧС. Что это значит? // Интернет-издание «МБХ медиа». URL: <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/v-rossii-mogut-vvesti/>.
5. Мельников В.Ю. Законодательство в период противодействия коронавирусной инфекции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 2. С. 24–35.
6. Мухаметшина Е. Как регионы самоизолируются от коронавируса // Сетевое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/30/826650-regioni-koronavirusa>.
7. Порфирьев Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях. М., 1991. С. 36.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.05.2007 № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 22 от 21.05.2007, ст. 2640.
9. Постановление Правительства РФ от 31.01.2020 № 66 «О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 6 от 10.02.2020, ст. 674.
10. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» от 2.04.2020 № 417 // Собрание законодательства Российской Федерации № 15. 2020, ст. 2247.
11. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 16.10.2020 № 31 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-19 в период сезонного

подъема заболеваемости острыми респираторными вирусными инфекциями и гриппом» // СПС Консультант плюс.

12. Постановление администрации города Нижнего Новгорода от 31.10.2013 № 4209 «Об утверждении Положения о муниципальном звене территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Нижегородской области на территории города Нижнего Новгорода» // СПС Консультант плюс.
13. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание Законодательства РФ № 1 (ч. II) от 4.01.2016, ст. 212.
14. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации № 23 от 4.06.2001, ст. 2277.
15. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 35 от 26.12.1994, ст. 3648.
16. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 48 от 28.11.2011, ст. 6724.
17. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 14 от 6.04.2020 (ч. I), ст. 2028.

ГЛАВА 6. ОГРАНИЧЕНИЯ, ВВОДИМЫЕ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассмотрены ограничения, вводимые против физических лиц и организаций в целях предотвращения распространения COVID-19. Выделены правовые основания введения данных ограничений, проанализировано их влияние на различные сферы жизни общества и изменение показателей заболеваемости. Произведена оценка действий органов государственной власти по введению ограничений относительно нормативно-правовых актов, содержание которых изменялось по мере роста заболеваемости.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, введение ограничений, режим самоизоляции, ограничение прав, действия органов государственной власти, режим повышенной готовности.

На сегодняшний день такая глобальная проблема, как пандемия COVID-19, полностью еще не преодолена человечеством, однако совместными усилиями всех стран мира постепенно сбавляет свой темп. Российские ученые уже создали и испытали несколько вакцин от COVID-19, которые широко используются как гражданами России, так и за рубежом. На примере Москвы и Московской области было проанализировано развитие законодательства, связанного с распространением COVID-19 в России.

Общеизвестно, что первые данные о новой, ранее неизвестной инфекции появились в декабре 2019 года в Китае, очагом заболевания стал город Ухань [Комарова, 2020]. После официального подтверждения данных о том, что новый вирус передается воздушно-капельным и контактным путем, и им уже заражена часть населения Китая, Россия вместе с большинством стран уже в январе предприняла оперативные меры по препятствованию широкого распространения COVID-19: закрыла авиасообщение с КНР и запустила первые тест-системы для обнаружения инфицированных. Однако уже 31 января 2020 года появилась информация о первых случаях заражения COVID-19 в России [Комарова, 2020]. До конца февраля 2020 года носителей новой инфекции удавалось оперативно выявлять и лечить без каких-либо осложнений. Тем не менее, в марте 2020 года и число зараженных стало постепенно расти.

Еще до того, как распространение COVID-19 стало критическим, 5 марта 2020 года Указом Мэра Москвы был введен режим повышенной готовности: граждан, возвращавшихся в Россию с территорий, где уже

зарегистрированы случаи заражения, обязали сообщать о своем прибытии и по возвращении соблюдать двухнедельную самоизоляцию в целях предотвращения распространения инфекции, когда сам ее носитель может об этом не догадываться; о новых случаях заражения немедленно предоставлять всю необходимую информацию; работодателям было поручено не допускать к работе лиц, заподозренных в заражении; департамент здравоохранения обязали подготовить медицинские организации к приему и лечению пациентов [Указ Мэра Москвы № 12-УМ, 2020]. Позднее Мэр Москвы установил запрет на проведение массовых мероприятий с большим количеством участников, работа кружков и секций была приостановлена [Указ Мэра Москвы № 26-УМ, 2020]. Была приостановлена работа общественного транспорта и введены меры материальной поддержки граждан, находящихся на самоизоляции: так, было положено снабдить их бесплатными лекарствами и обеспечить материальную помощь в виде установленной данным указом денежной суммы [Указ Мэра Москвы № 31-УМ, 2020].

Указом Президента РФ было объявлено об установлении нерабочих дней во всей Российской Федерации с 30 марта по 3 апреля 2020 года, но в силу усложнения общей ситуации с распространением COVID-19 режим нерабочих дней был продлен вплоть до 8 мая 2020 года [Указ Президента РФ № 206, 2020]. В этот период Указами Мэра Москвы не было введено каких-либо особо значимых изменений.

Указом Мэра Москвы приостановлено действие проездных билетов на все виды транспорта до 31 мая 2020 года с возможностью их последующего восстановления; также гражданам, потерявшим работу в период пандемии COVID-19 и признанным в установленном законом порядке безработными, были выплачены региональные компенсации за счет бюджета Москвы [Указ Мэра Москвы № 55-УМ, 2020].

Таким образом, при введении разного рода ограничений в связи с распространением COVID-19 власти приходилось в определенной мере ограничивать права человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ (например, право на свободу передвижения) [Конституция РФ, 1993], однако это было вынужденное действие, вызванное угрозой быстрого распространения COVID-19, и данные права были ограничены в разумных пределах.

Тем не менее, кроме вводимых ограничений были приняты и меры поддержки граждан. С 26 марта 2020 года была введена разовая адресная социальная помощь гражданам, соблюдающим режим самоизоляции, а

именно гражданам в возрасте старше 65 лет и гражданам, имеющим заболевания, указанные в приложении к Указу Мэра Москвы, в размере 2000 руб. после начала самоизоляции и в таком же размере по завершении указанного режима, при условии отсутствия систематических нарушений этого режима [Указ Мэра Москвы № 31-УМ, 2020]. Органы государственной власти старались минимизировать негативную сторону ограничений, вводя поощрения, постепенные послабления и так далее.

Кроме того, необходимо уделить особое внимание ограничениям, касающимся деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, установленным в Москве в период коронавирусной инфекции с целью предотвращения заражения граждан, так как бизнес в целом и некоторые его сферы в частности особенно сильно пострадали от введенных ограничений. Эти ограничения, так же, как и в ситуации с ограничениями для граждан, различаются от региона к региону вследствие по-разному складывающейся эпидемической ситуации.

Первое проявление антикоронавирусной политики в Российской Федерации с деятельностью организаций произошло 25 марта 2020 года с принятием Указа Президента РФ от 25 марта 2020 года [Указ Президента РФ № 206, 2020], установившим новые нерабочие дни с 30 марта по 3 апреля 2020 года, которые в будущем были продлены сроком до 11 мая 2020 года.

Кроме того, Указом был определен перечень организаций, на деятельность которых нерабочие дни действовать не будут. К ним относились: непрерывно действующие организации; медицинские и аптечные организации; организации, обеспечивающие население продуктами питания и товарами первой необходимости; организации, выполняющие неотложные работы в условиях чрезвычайных обстоятельств, в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия населения; организации, которые выполняют неотложные ремонтные и погрузочно-разгрузочные работы; организации, которые предоставляют финансовые услуги в части неотложных функций (в первую очередь услуги по расчетам и платежам); иные организации, определенные субъектами РФ, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 в своем регионе.

Ограничения в сфере бизнеса были приняты Указом Мэра Москвы от 10 марта 2020 года в качестве изменений и дополнений иных ограничений, принятых 5 марта 2020 года [Указ Мэра Москвы № 17-УМ, 2020].

Данным указом было утверждено временное приостановление различных сфер малого и среднего бизнеса, а также видов деятельности

различных специализаций, в связи с работой которых возможно скопление людей на определенных территориях и вследствие этого дальнейшее распространение коронавирусной инфекции и ухудшение статистики заболеваемости Москвы и региона в целом. Под действие этого указа попали рестораны, кафе, столовые, буфеты, бары, закусочные и иные предприятия общественного питания, работа которых была перенаправлена на вынос без посещения гражданами посещения таких предприятий. Кроме того, была временно приостановлена работа салонов красоты и иных косметических салонов, а также бань и саун, предусматривающих очное нахождение гражданина на их территориях [Указ Мэра Москвы № 31-УМ, 2020].

Ограничению также подлежали услуги каршеринга и услуги по перевозке пассажиров по заказу и услуг такси, за исключением компаний, имеющих разрешение на осуществление такой деятельности на территории города Москвы [Указ Мэра Москвы № 55-УМ, 2020]. Было временно приостановлено действие торгово-развлекательных центров и иных мест массового скопления граждан: саун, соляриев, салонов красоты, кружков и секций, религиозных объектов, а также закрыты для посещения кафе и рестораны – в период до 31 мая 2020 года они имели право осуществлять только доставку своей продукции на дом; приостановлена также работа большинства объектов розничной торговли, за исключением аптек и аптечных пунктов и некоторых специализированных объектов, а все образовательные организации были переведены на дистанционное обучение [Указ Мэра Москвы № 55-УМ, 2020]. Были приостановлены ремонтные работы в жилых и нежилых помещениях, за исключением неотложных, введен временный запрет на посещение территорий, зданий, строений, где осуществляется деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей (рис. 1).

Названным Указом утверждены также Требования к организации деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, при осуществлении которой не принято (отменено) решение о приостановлении посещения гражданами территорий, зданий, строений, сооружений (помещений в них), где осуществляется деятельность таких организаций и индивидуальных предпринимателей. Установлены также правила для организаций и ИП, имеющих право осуществлять свою деятельность в период пандемии COVID-19.

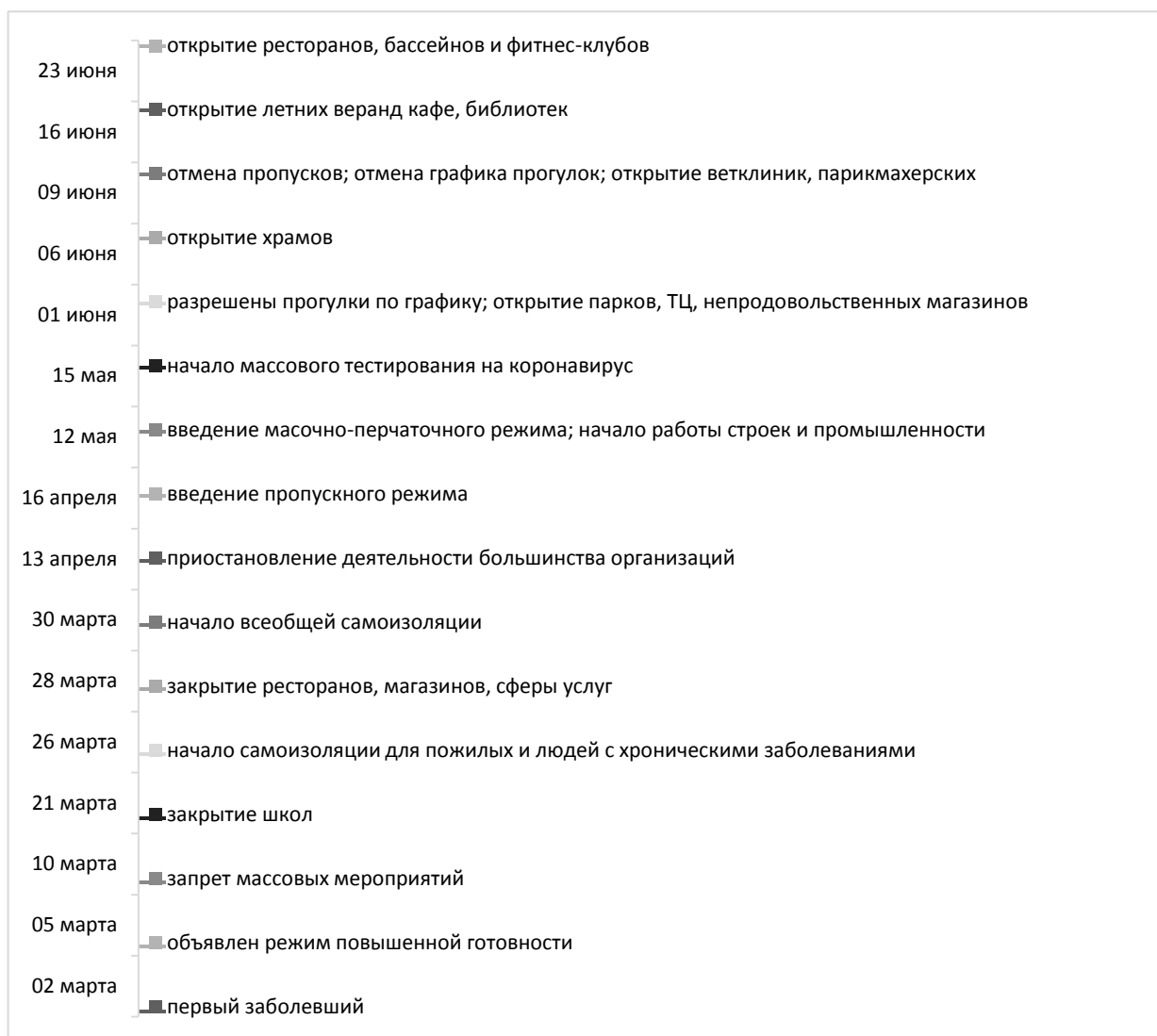

Рис. 1. Хронография вводимых ограничений
[Статистика заражения COVID-19 в Москве, 2020]

Следует также отметить, что Указ обязывал индивидуальных предпринимателей и организации, в отношении которых не приняты меры о приостановлении посещения, принять меры по минимизации очного присутствия граждан. Организации и индивидуальные предприниматели обязаны предоставлять информацию о количестве работников.

Также этим Указом были введены новые меры по отношению к различным организациям и индивидуальным предпринимателям для минимизации заболеваний COVID-19. К таким ограничениям относились введение и исполнение работниками обязательного масочного режима, а

также соблюдение социального дистанционирования от других людей не менее 1,5 метров. Следующим Указом от 27.05.2020 были продлены до 14 июня 2020 года временное приостановление деятельности любых мероприятий, подразумевающих участие большого количества граждан, и запрет на проведение спортивных, зрелищных, публичных мероприятий [Указ Мэра Москвы № 61-УМ, 2020]. То же самое касалось и перечисленных ранее объектов в Указе от 7 мая 2020 года, однако в отношении каршеринга с 25 мая 2020 года были допущены некоторые послабления – теперь его услуги разрешены при соблюдении следующих условий: обеспечение проверки наличия у получателя услуги цифрового пропуска, буквенно-числового кода для передвижения по территории города Москвы; предоставление в ГИС ЕРНИС сведений в порядке и сроки, установленные Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы; передача автомобилей новому получателю услуги только после проведения дезинфекции автомобиля, в том числе внутренних частей автомобиля и внешних поверхностей автомобиля, с которыми контактируют получатели услуг, а также соблюдение правил по предотвращению риска распространения COVID-19; указаны новые положения, обязывающие носить средства индивидуальной защиты.

Добавлены новые положения, в соответствии с которыми, с 1 июня 2020 года работа объектов розничной торговли и городской системы велопроката возобновляется при соблюдении определенных правил безопасности. Таким образом, Москва начала постепенно возвращаться к привычному образу жизни, при этом все еще соблюдая ограничительные меры.

Данные ограничения были направлены на минимизацию уровня заболеваемости, при этом серьезно повлияли на работу субъектов малого и среднего предпринимательства, а также на различные организации в целом. Вводимые ограничения смягчались мерами поддержки, которые были разработаны органами государственной власти Москвы.

Постановление Правительства РФ «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества» [Постановление Правительства РФ № 439, 2020] устанавливало меры поддержки бизнеса на территории города Москвы. В данном нормативном акте был выделен конкретный перечень помощи 22 видам деятельности, определенным Правительственной комиссией, а также добавлены меры поддержки торговле. К предприятиям в авиа, авто и образовательных сфер данные льготы не применялись.

Постановлением продлялся срок оплаты платежей по налогу на имущество за I квартал 2020 года до 31 декабря 2020 (включительно) для организаций, занимающихся торговлей, общественным питанием, туризмом, культурой, физической культурой и спортом, организацией досуга, предоставлением гостиничных и бытовых услуг.

Постановление устанавливало возможность освобождения от оплаты платежей по арендному договору по земельным участкам, которые находятся в собственности города Москва с первого числа месяца, положившего начало приостановки деятельности и до последнего календарного дня месяца, когда завершилась приостановка.

Цель предоставления недвижимости по договору аренды должна была соответствовать следующим видам деятельности: в сфере культуры, физической культуры и спорта, выставочной, развлекательной, просветительской, образовательной деятельности, организации досуга и социально-воспитательной работы с населением, туризма, предоставления гостиничных и бытовых услуг, услуг в сфере общественного питания.

Осуществлялись меры поддержки собственников зданий и торговых центров, а также отдельных помещений в торговых центрах или комплексах в том случае, если они снизили аренду не менее чем на 50%, и сумма арендных платежей снизилась на двукратный размер. На 50% должна была снизиться и плата по договорам на осуществление какой-либо деятельности в нестационарных объектах, и освобождены от уплаты лица, временно приостановившие работу указанных объектов.

Кроме того, в Постановлении Правительства от 2 апреля 2020 года были опубликованы меры для поддержки малого и среднего бизнеса. Исходя из этого, в период с 30 марта и 1 мая приостанавливались выездные проверки, с 30 марта на 6 апреля переносился срок выполнения и исполнения финансовой отчетности за 2019 год [Постановление Правительства № 409, 2020].

Постановление указывало, что последующие отсрочки будут предоставляться иными нормативными актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в соответствии с их поручениями.

Данным постановлением также регламентировалось, что поддержка по переносу сроков оплаты по налогам будет применяться только в том случае, если организации или индивидуальные предприниматели работают по основному виду деятельности.

Несмотря на большое количество ограничительных мер по отношению к бизнесу, которые были созданы с целью контроля уровня заболеваемости коронавирусной инфекцией, органы государственной власти г. Москвы разработали несколько пакетов поддержки малого и среднего бизнеса, благодаря которому многим организациям и индивидуальным предпринимателям удалось сохранить свой бизнес.

В целом, введение данных мер вызвало бурные обсуждения и даже протесты в обществе, как в Москве и Московской области, так и в регионах. Но данные меры были необходимостью в рамках сложившейся ситуации и принимались с учетом изменения уровня заболевших. Данные меры оказались действенными, несмотря на всю их противоречивость, и помогли не только остановить рост заболеваемости, но и снизить количество заболевших примерно в 6 раз за один месяц (рис. 2).

Однако не все граждане были готовы спокойно соглашаться с вводимыми ограничениями, и самые инициативные даже подавали административные коллективные иски. Граждане не столько добивались ослабления ограничений, сколько введения режима чрезвычайного положения, так как при введении такого режима государство должно было бы возместить убытки, понесенные гражданами в связи с введением данного положения. Жители Москвы пытались оспорить в суде пункт 9.3 (позже – 12.3) Указа Мэра от 29 марта 2020 года о введении запрета покидать место жительства, кроме как для ряда установленных целей: вынести мусор, погулять с собакой, сходить в магазин или аптеку и для выезда на работу, которая не приостановлена указом [Указ Мэра № 34-УМ, 2020]. Ссылаясь на ст. 6 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, истцы утверждали, что для введения именно таких ограничений на конец марта не было опубликовано необходимых постановлений главных санитарных врачей РФ и Москвы. Истцы считали, что запрет на выход из дома граждан, уже проживающих на территории, где есть угроза возникновения чрезвычайной ситуации, законом о ЧС не предусмотрен. Мосгорсуд принял решение [Решение Московского городского суда по делу № 3а-3877/2020, 2020] о соответствии Указов Мэра Москвы Конституции, сославшись на пп. «а», «м», «у», «ф» п. 1 ст. 11 Закона о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [Федеральный закон № 68-ФЗ, 1994], согласно которым к полномочиям органов государственной власти субъектов отнесено введение режима повышенной готовности для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также установление обязательных

для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении такого режима. Кроме того, как указано в решении, согласно пп. «а» п. 10 ст. 4.1 данного закон, при введении режима повышенной готовности руководитель ликвидации чрезвычайной ситуации, которым является высшее должностное лицо субъекта, вправе принимать дополнительные меры по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации. В свою очередь граждане обязаны такие правила соблюдать (пп. «а. 2» ст. 10 Закона о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и пп. «б» п. 3 Правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации [Постановление Правительства РФ № 417, 2020]. При этом понятие «ограничение доступа» включает в себя и ограничение передвижения людей и транспортных средств там, где существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, отметил Мосгорсуд.

Несложно заметить, что в своем решении Мосгорсуд ссылается на нормы, которые на момент издания Указа еще не существовали. Суд согласился с тем, что отдельные нормы, на которые он ссылался в своем решении, вступили в силу с 1 апреля 2020 года, уже после начала действия части оспариваемых положений Указов Мэра. В частности, речь идет о пп. «а.2» ст. 10, пп. «у», «ф» п. 1 ст. 11, абз. 5 ст. 19 Закона о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Однако данное обстоятельство, с точки зрения Мосгорсуда, не является основанием для признания недействующими соответствующих положений Указов Мэра, поскольку к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ и ранее было отнесено принятие нормативных актов в области защиты населения, в том числе направленных на ограничение права граждан на свободу передвижения в пределах территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации. При этом, подчеркнул суд, оспариваемые п. 9, 9.3 Указа Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ в редакции Указов от 29 и 31 марта 2020 года соответствуют действующему законодательству на момент рассмотрения дела.

В СМИ часто поднимался вопрос о правомерности и обоснованности вводимых ограничений. 11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила, что эпидемия вируса COVID-19, который впервые был идентифицирован в декабре 2019 года в городе Ухань в Китае, достигла

уровня пандемии. Отметив «вызывающие тревогу уровни распространения и тяжести», ВОЗ призвала государства принять неотложные и предельно решительные меры, чтобы обуздать распространение коронавируса. Сиракузские принципы прямо устанавливают, что вводимые ограничения как минимум:

- должны быть предусмотрены законом и осуществляться в соответствии с законом;
- должны преследовать законную цель, отвечающую насущной общественной необходимости;
- должны быть строго необходимыми в демократическом обществе для достижения такой цели;
- должны обеспечивать достижение такой цели при минимальных ущемлениях и ограничениях;
- должны основываться на научных фактах, а применение ограничительных мер не должно носить произвольного или дискриминационного характера;
- должны быть ограничены по времени, обеспечивать уважение человеческого достоинства и подлежать проверке [Комиссия ООН по правам человека, 1984].

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, участниками которого является большинство государств, признает за каждым человеком право на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» и обязывает правительства принимать эффективные меры для «предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними» [Международный пакт, 1966]. В основном, все претензии граждан к законности требований сводились к тому, что вводимые ограничения нарушают право на свободу передвижения. Требования истцов в коллективных административных исках, в которых они просили отменить ряд положений Указов Мэра Москвы мотивированы тем, что положения пунктов 3, 3.1 Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве нарушают право на свободу передвижения, предусмотренное ст. 1 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [Закон РФ № 5242-1, 2020]. В силу ст. 56 Конституции Российской Федерации, абз. 2 ст. 1 этого Закона,

ограничение права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации возможно только на основании закона. Указ Мэра Москвы не является законом, относится к числу подзаконных правовых актов. При получении и использовании «цифрового пропуска» необходимо было уведомлять третьих лиц о целях, местах и времени поездок, любых перемещениях, чем нарушается право на сохранение тайны личной жизни, предусмотренное статьями 23, 24 Конституции РФ. При принятии оспариваемого Указа не выяснены основания, послужившие для введения ограничительных мер, их целесообразность. Всеобщее принудительное введение «цифровых пропусков» не может повлиять на развитие коронавирусной инфекции и сдержать ее распространение. В силу ст. 56 Конституции РФ, пп. «д» п. 10 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», ограничение прав граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации возможно только на основании закона при введении чрезвычайного положения [Федеральный закон № 68-ФЗ, 1994]. На территории Москвы не было введено чрезвычайное положение. Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-19» [Постановление Главного государственного врача № 7, 2020] на территории Российской Федерации был введен карантин. Согласно п. 1.1 указанного постановления, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации обязаны обеспечить изоляцию всех лиц, прибывающих на территорию Российской Федерации, продолжительностью 14 календарных дней со дня их прибытия. Таким образом, карантин введен только для лиц, пребывающих на территорию Российской Федерации.

С учетом изложенного оспариваемые положения Указов Мэра Москвы не соответствуют нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу. В силу ст. 72 Конституции РФ, субъекты Российской Федерации не наделены полномочиями по регламентации прав и свобод человека и гражданина в рамках полномочий по защите прав и свобод при осуществлении мер по борьбе с эпидемиями и ликвидацией последствий. Согласно ст. 72 Конституции РФ, п. 1 ст. 3, пп. 33 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Федеральный закон № 184-ФЗ, 1999],

частей 3, 4, 5 ст. 41 Устава города Москвы [Устав, 1995], мэр Москвы не является лицом, который обладает достаточными полномочиями для принятия оспариваемого нормативного правового акта в части регулирования прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на свободу передвижения, сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Указ издан с нарушением порядка вступления в силу, предусмотренного п. 5 ст. 8 Федерального закона № 184-ФЗ, согласно которому нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации по вопросам защиты прав и свобод граждан вступают в силу не ранее, чем через десять дней после их официального опубликования.

Мэрия Москвы в судебных заседаниях отрицала факт нарушения конституционного права на свободу передвижения, ссылаясь на нормы закона о праве граждан на свободу передвижения и выбор места пребывания (от 1993 г.) [6], которые предусматривают возможность ограничений на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности. В соответствии с пп. «в» п. 2 Указа Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Указ Президента № 239, 2020], высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации необходимо обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, в том числе установить особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств, за исключением транспортных средств, осуществляющих межрегиональные перевозки.

Как следует из преамбул Указов:

- Указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» принят в связи с угрозой распространения в городе Москве новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) и в соответствии с пп. «б» п. 6 ст. 4.1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;
- Указ Мэра Москвы от 11.04.2020 № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для

передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве» принят в связи с угрозой распространения в городе Москве новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) и введением в городе Москве режима повышенной готовности.

В соответствии с пп. «б» п. 6 ст. 4.1 Федерального закона № 68-ФЗ, органы управления и силы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций функционируют в режиме повышенной готовности при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации.

В силу п. 7 ст. 4.1 Федерального закона № 68-ФЗ, порядок деятельности органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и основные мероприятия, проводимые указанными органами и силами в режиме повседневной деятельности, повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Согласно п. 7 Положения о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.12.2003 № 794, координационными органами единой системы являются на региональном уровне (в пределах территории субъекта Российской Федерации) – комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности субъектов Российской Федерации [Постановление Правительства РФ № 794, 2003].

Комиссия Правительства Москвы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности была образована Постановлением Правительства Москвы «О Комиссии Правительства Москвы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности» [Постановление Правительства Москвы № 180-ПП, 2004]. Председателем Комиссии является мэр Москвы, который руководит деятельностью Комиссии.

В силу п. 24 Положения о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденного постановлением Правительства РФ № 794, решениями руководителей федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, на территории которых могут возникнуть или возникли чрезвычайные ситуации, либо к полномочиям

которых отнесена ликвидация чрезвычайных ситуаций, для соответствующих органов управления и сил единой системы может устанавливаться, в том числе, режим повышенной готовности при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций.

Положения п. 1 ст. 17 Федерального закона № 184-ФЗ предусматривают, что в субъекте Российской Федерации устанавливается система органов исполнительной власти во главе с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Закона г. Москвы «Устав города Москвы», высшим должностным лицом города Москвы, возглавляющим высший исполнительный орган государственной власти города Москвы, является мэр Москвы.

Отношения в сфере защиты населения и территорий города Москвы от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера регулируются Законом г. Москвы «О защите населения и территорий города от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Закон г. Москвы № 46, 1997]. Согласно ст. 1 этого закона, предупреждение чрезвычайных ситуаций – комплекс мероприятий, проводимых заблаговременно и направленных на максимально возможное уменьшение риска возникновения чрезвычайных ситуаций, а также на сохранение здоровья людей, снижение размеров ущерба окружающей среде и материальных потерь в случае их возникновения. В силу пунктов «а, б» ч. 2 ст. 5 Закона г. Москвы № 46 к полномочиям мэра Москвы отнесено:

- принимает решения, определяющие в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и Уставом города Москвы основные направления политики и организации защиты населения и территорий города от чрезвычайных ситуаций (п. «а»);
- в случаях, угрожающих безопасности и здоровью жителей, нормальному функционированию систем жизнеобеспечения города, принимает необходимые меры по ликвидации чрезвычайных ситуаций и поддержанию правопорядка на территории города Москвы, вводит режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил МГСЧС (п. «б»).

В силу п. 25 Положения о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.12.2003 № 794, решениями

руководителей федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций о введении для соответствующих органов управления и сил единой системы режима повышенной готовности или режима чрезвычайной ситуации определяются, в том числе перечень мер по обеспечению защиты населения от чрезвычайной ситуации или организации работ по ее ликвидации.

Согласно пп. «б» п. 28 Положения о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.12.2003 № 794, основными мероприятиями, проводимыми органами управления и силами единой системы, в режиме повышенной готовности являются, в том числе принятие оперативных мер по предупреждению возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, снижению размеров ущерба и потерь в случае их возникновения, а также повышению устойчивости и безопасности функционирования организаций в чрезвычайных ситуациях.

В соответствии с пп. 8–9 п. 1 ст. 13 Устава города Москвы, к полномочиям города Москвы по предметам ведения субъектов Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относится охрана общественного порядка и обеспечение безопасности граждан, решение городских вопросов здравоохранения.

Согласно п. 4 ст. 41 Устава города Москвы по вопросам своей компетенции мэр Москвы издает обязательные для исполнения на всей территории города Москвы указы и распоряжения и осуществляет контроль за их исполнением.

В силу п. 5 ст. 41 Устава города Москвы указы мэра Москвы – правовые акты, издаваемые мэром Москвы по вопросам нормативного характера, а также по иным вопросам, предусмотренным федеральными законами и законами города Москвы.

На основании приведенных норм федерального и регионального действующего законодательства к полномочиям мэра Москвы, как высшего должностного лица города Москвы, возглавляющего высший исполнительный орган государственной власти города Москвы, отнесено: введение режима повышенной готовности; принятие нормативных правовых актов в области защиты населения; принятие решений, определяющих основные направления политики и организации защиты населения и территорий города от чрезвычайных ситуаций; принятие оперативных мер по

предупреждению возникновения и развития чрезвычайных ситуаций; определение перечня мер по обеспечению защиты населения от чрезвычайной ситуации или организации работ по ее ликвидации; установление обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности; принятие дополнительных мер по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации.

С учетом изложенного, мэр Москвы обладает достаточными полномочиями и компетенцией для принятия оспариваемых Указов от 5.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности», в том числе в последующих его редакциях, и Указа от 11.04.2020 № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве». Процедура принятия оспариваемых нормативных правовых актов не нарушена. Указы Мэра Москвы имеют наибольшую юридическую силу среди подзаконных правовых актов, принимаемых (издаваемых) органами исполнительной власти города Москвы (должностными лицами), поэтому требования к форме и виду оспариваемых нормативных правовых актов также соблюдены.

В соответствии с ч. 2 ст. 19 Закона г. Москвы «О правовых актах города Москвы», официальным опубликованием правового акта считается первая публикация его полного текста в официальном издании органа государственной власти (электронной версии данного издания) или первое размещение (опубликование) его полного текста на официальном сайте органа государственной власти в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Закон г. Москва № 25, 2009].

Оспариваемые Указы Мэра Москвы были официально размещены соответственно в день их принятия на официальном портале Мэра и Правительства Москвы <http://www.mos.ru> и впоследствии опубликованы в официальном издании «Вестник Мэра и Правительства Москвы».

Исходя из этого, несмотря на, казалось бы, очевидность нарушения конституционных прав, суды встали на сторону государственной власти, принимая во внимание, что вводимые ограничения были необходимым ответом на рост заболеваемости COVID-19.

Кроме того, за указанный период граждане Москвы не только подавали иски, но и осознанно нарушали вышеназванные ограничения. К примеру,

30 июля 2020 года Орехово-Зуевский городской суд вынес пять постановлений по делу граждан, нарушивших режим самоизоляции. Мужчины были задержаны в состоянии алкогольного опьянения, позже в объяснении каждый из них указал, что хотел прогуляться и вместе с друзьями выпить спиртного. Вина каждого из них была официально подтверждена, но в силу смягчающих обстоятельств (признание вины) и отсутствия законных источников дохода к ним применилось наказание в виде предупреждения [Постановления Орехово-Зуевского суда от 30.07.2020].

Также за 24 июля 2020 году Орехово-Зуевским городским судом было вынесено четыре постановления по нарушению самоизоляции. В причинах своих действий нарушители указали желание купить спиртное и прогуляться [Постановления Орехово-Зуевского суда от 24.07.2020].

Далее, 28 апреля 2020 года Видновским городским судом был подвергнут штрафу гражданин, устроивший импровизированную дискотеку в жилом дворе без соблюдения самоизоляции и социальной дистанции [Постановление Видновского суда от 28.04.2020]. В целом, судя по данной судебной практике, никого, кто не провоцировал нарушений карантина и социальной дистанции, не осудили, а применение мер к нарушителям порядка было своевременным и справедливым.

Судебная практика показывает, что пандемия стала ключевым фактором при разрешении многих гражданско-правовых споров, где сторонами разбирательства являлись не только физические лица, но и организации. Так, решением Щелковского городского суда были удовлетворены требования истца о признании недействительными решения общего собрания собственников помещений. В многоквартирном доме был вывешен протокол об общем собрании собственников. Истцом было выяснено, что в силу пандемии и соблюдения установленного порядка, жители не могли собираться на очном собрании, не общались между собой, не обменивались бланками решений. Проведение такого общего собрания грозило бы штрафом его инициатору.

Также суд, учитывая коронавирусные ограничения, удовлетворил просьбу заявителя о продлении срока добровольной ликвидации ООО на шесть месяцев. Ликвидатор пытался уладить возникшие разногласия с налоговым органом, однако введение нерабочих дней с 4 по 30 апреля 2020 года лишило его возможности ликвидировать предприятие, так как были введены жесткие ограничения на передвижение по Москве. Принимая во внимание данную ситуацию, суд постановил удовлетворить требование заявителя и продлить срок ликвидации.

Кроме того, решением от 30 июля 2020 года было отменено постановление об административном правонарушении ООО «ОНИКС», предусмотренного статьей 15.43 КоАП РФ, и восстановлен срок обжалования в силу коронавирусных ограничений.

В целом, это одни из немногих дел, возникших в судебной практике в период пандемии COVID-19. В основном они касались либо послаблений при принятии судом решений, или применения наказаний к нарушителям самоизоляции, которые также нельзя назвать несправедливыми. Наказания за данные нарушения относились к административным, самыми распространенными среди них являлись штраф и предупреждение.

Относительно физических лиц были введены следующие ограничения: запрет массовых мероприятий, введение режима пропусков, блокирование проездных, закрытие школ и университетов, перевод работников на удаленный режим. Благодаря этому многое стало можно делать из дома: продлевать пособия, оформлять больничные листы стало быстрее и проще. Также были введены обязательное ношение масок и перчаток и соблюдение социальной дистанции.

Относительно юридических лиц введенными ограничениями стали: закрытие фитнес-клубов, кафе, ресторанов, но были созданы также и меры поддержки, чтобы сохранить предприятия.

Еще раз подчеркнем, что на момент издания Указов некоторые их положения нарушали такие нормативно-правовые акты как: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», закон о праве граждан на свободу передвижения и выбор места пребывания, также региональное законодательство о предоставлении льготного проезда пенсионерам и школьникам, которое было заморожено на определенный период времени. Блокировкой социальных карт для категории граждан с определенными заболеваниями были нарушены положения ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», так как осведомленность органов государственной власти о заболеваниях людей нарушает их право на врачебную тайну, закрепленное в ст. 17 данного Федерального закона.

Однако большинство указанных пробелов было устранено законодателем впоследствии, что сыграло большую роль в рассмотрении судами дел об оспаривании рассмотренных Указов.

Отметим, что вводимые ограничения были направлены на стабилизацию сложившейся эпидемиологической ситуации, что оправдывает их резкое введение. Эпидемиологическая ситуация улучшилась за период

с 7 мая по 14 июня 2020 года, вследствие чего жители Москвы и Московской области смогли постепенно начать возвращаться к привычной жизни (рис. 2).

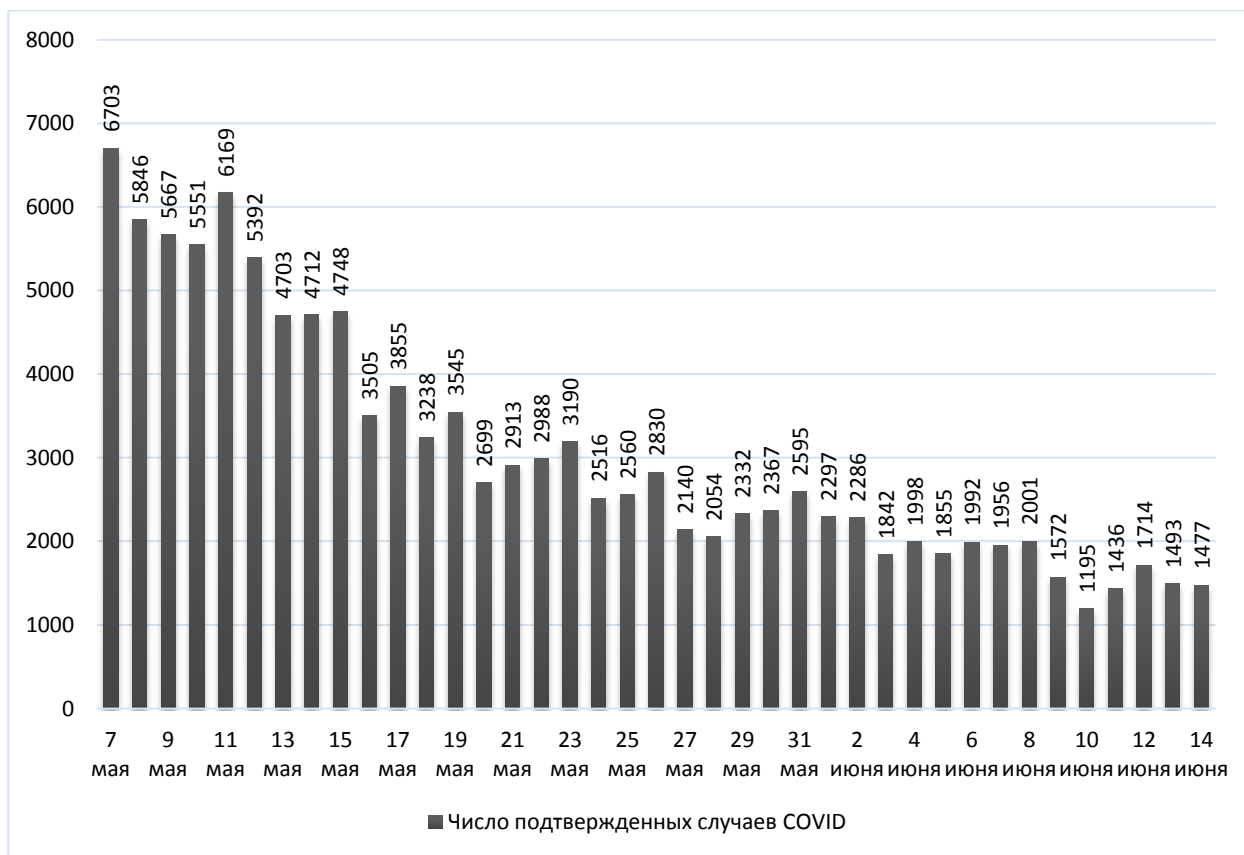

Рис. 2. Количество подтвержденных случаев COVID-19 по датам [Статистика заражения COVID-19 в Москве, 2020]

Возникшая ситуация с пандемией сыграла положительную роль в развитии законодательства, обозначив его пробелы. Также пандемия стала важным толчком к развитию цифровизации и компьютеризации образования, сферы услуг, был ускорен переход к электронному документообороту многими организациями, суды стали проводить судебные разбирательства с использованием видеоконференцсвязи, что стало большим прорывом для судебной системы. Несмотря на то, что пандемия плохо сказалась на экономике и бизнесе, можно отметить, что она также привнесла в жизнь граждан и организаций много полезных изменений и новшеств.

Литература

1. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 08.12.2020) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места

- пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ». 12.08.1993. № 32. ст. 1227.
2. Закон города Москвы от 05.11.1997 № 46 «О защите населения и территорий города от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Ведомости Московской Думы. № 2. 1998.
 3. Закон города Москвы от 8.07.2009 № 25 «О правовых актах города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 21.07.2009. № 90.
 4. Комарова А.Н. Коронавирус: Хроника распространения // Российская газета от 03.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html>
 5. Комиссия ООН по правам человека, Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах. 28.09.1984. E/CN.4/1985/4. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/4933d0b22.html>.
 6. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.
 7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966) // United Nations, Treaty Series, vol. 993, pp. 35–43.
 8. Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 (ред. от 12.10.2020) «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.01.2004. № 2. ст. 121.
 9. Постановление Правительства РФ от 2.04.2020 № 409 (ред. от 07.11.2020) «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» (вместе с «Правилами предоставления отсрочки (рассрочки) по уплате налогов, авансовых платежей по налогам и страховых взносов», «Перечнем видов экономической деятельности для целей применения подпункта «г» пункта 1 постановления Правительства Российской Федерации от 2.04.2020 № 409»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349463/.
 10. Постановление Правительства РФ от 2.04.2020 № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.04.2020. № 15. ст. 2274.
 11. Постановление Правительства РФ от 3.04.2020 № 439 «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349463/.

12. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18.03.2020 № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-19». URL: <https://rg.ru/2020/03/20/rospotrebnadzor-post7-reg-dok.html>.
13. Постановление Правительства Москвы от 30.03.2004 № 180-ПП «О Комиссии Правительства Москвы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности» (ред. от 31.10.2017) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 14.04.2020. № 23.
14. Постановление Видновского городского суда от 28.04.2020 по делу № 5-363/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3PWdlksKTsrW/>.
15. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 24.06.2020 по делу № 5-773/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V10kqfsACWgV/>.
16. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 24.06.2020 по делу № 5-784/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rjnqpBF7y4Wj/>.
17. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 24.06.2020 по делу № 5-794/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BvXAXb5BofUw/>.
18. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 24.06.2020 по делу № 5-814/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EC6gZRUx8ilU/>.
19. Постановление Орехово-Зуевского городского суда № 5-873/2020 от 30.06.2020 по делу № 5-873/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vj4jdWVGF4L1/>.
20. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 30.07.2020 по делу № 5-884/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7ufn5rdAvmml/>.
21. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 30.07.2020 по делу № 5-887/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pywGmgUliFd1/>.
22. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 30.07.2020 по делу № 5-889/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/k4nzaloTtcJC/>.
23. Постановление Орехово-Зуевского городского суда от 30.07.2020 по делу № 5-906/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8dBsirtP91rJ/>.
24. Решение Московского городского суда от 28.04.2020 по делу № 3а-3877/2020 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений указов Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ, от 29.03.2020 № 34-УМ, от 31.03.2020 № 35-УМ, от 02.04.2020 № 36-УМ, от 04.04.2020 № 39-УМ, от 10.04.2020 № 42-УМ, от 18.04.2020 № 44-УМ, от 11.04.2020 № 43-УМ». URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/first-admin/details/2e810f30-8a52-40a9-ad1e-47e7dede5f18?participants=%D0%A8%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87+%D0%94. +%D0%98>.
25. Решение Щелковского городского суда от 29.07.2020 по делу № 2-3173/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WC2DJ5UEQ2ZT/>.

26. Статистика заражения COVID-19 в Москве. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/moskva/>.
27. Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.03.2020. № 13. ст.1898.
28. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/.
29. Указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 10.03.2020. № 14. ст. 3.
30. Указ Мэра Москвы от 10.03.2020 № 17-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 17.03.2020. Спецвыпуск № 13. ст. 3.
31. Указ Мэра Москвы от 16.03.2020 № 26-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 19.03.2020. № 16. ст. 3.
32. Указ Мэра Москвы от 23.03.2020 № 31-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 31.03.2020. № 18. ст. 8, ст. 13.
33. Указ Мэра Москвы от 29.03.2020 № 34-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ» // Вестник мэра и Правительства Москвы. 07.04.2020. № 19.
34. Указ Мэра Москвы от 7.05.2020 № 55-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 12.05.2020. № 26, том 1. ст. 3.
35. Указ Мэра Москвы от 27.05.2020 № 61-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5.03.2020 № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 02.06.2020. № 31. ст. 3.
36. Устав города Москвы // Ведомости Московской городской Думы. № 4. 1995.
37. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 26.12.1994. № 35. ст. 3648.
38. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. ст. 5005.

ГЛАВА 7. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В РОССИИ

Осуществлен анализ влияния пандемии COVID-19 на центральное звено системы органов внутренних дел России – полицию. В основу работы положен анализ полуформализованных интервью с действующими сотрудниками об их отношении к изменившимся в 2020 году условиям работы. Несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться сотрудникам полиции в связи с необходимостью осуществлять контроль за соблюдением режима самоизоляции и иных ограничительных мер, возможность сохранить рабочее место и, как следствие, стабильность финансового положения сбалансировала вновь возникшие профессиональные риски.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, COVID-19, коронавирусная инфекция, пандемия, режим самоизоляции

Любое общество на каждом этапе своего исторического развития нуждается в упорядочении общественных отношений. Современное общество не является исключением. Большое значение в данной деятельности играет работа правоохранительных органов, которые стоят на страже общественного порядка, обеспечивают защиту прав и законных интересов граждан.

Центральным звеном правоохранительной системы России является полиция, которая, в свою очередь, входит в единую централизованную систему Министерства Внутренних Дел России [Указ Президента РФ № 699, 2016].

Повышение эффективности работы системы МВД России является вопросом, который всегда находится под пристальным вниманием как высших органов власти государства, так и представителей науки и общественности. В 2010–2011 гг. была проведена масштабная реформа системы МВД РФ, в результате которой были пересмотрены критерии оценивания работы сотрудников органов внутренних дел и квалификационные требования к ним, на 20% сокращен личный состав, а также принят новый Федеральный закон «О полиции». С того момента прошло 10 лет, однако неоконченный характер реформы и необходимость продолжения изменений находят свое подтверждение и в трудах исследователей [Гришай, Тищенко, Костюк, 2020], и в оглашаемых законодательных инициативах [Законопроект № 955380-72, 2020].

Однако на пути многим планируемым реформам в 2019–2021 гг. встала вирусная инфекция COVID-19 (коронавирусная инфекция), которая стала

одним из сильнейших вызовов всему человечеству. О масштабности проблемы свидетельствует придание данному заболеванию статуса пандемии – эпидемии, происходящей во всем мире или на очень большой территории, пересекающей международные границы и обычно затрагивающей большое количество людей [Heath Kelly, 2011].

Пандемия COVID-19 привела к необходимости введения режима самоизоляции граждан, ограничениям передвижений не только внутри страны, но и по всему миру, к переходу на дистанционный формат работы тех организаций, для которых это является возможным. Многие компании не смогли продолжать работу в сложившихся условиях, в результате чего часть населения России лишилась рабочих мест и способности обеспечивать свое существование. Данная ситуация негативно отразилась не только на экономической ситуации в стране, но и на материальном и, как следствие, психологическом состоянии граждан [Ульянова, 2020]. Дополнительные расходы на лекарства и продукты питания, потребность в которых увеличилась в связи с постоянным пребыванием дома, только усугубляли сложившееся положение.

Масштабное распространение вируса не могло не повлиять и на деятельность полиции. Следует выделить два направления анализа влияния пандемии на работу органов внутренних дел, в частности полиции:

- 1) реализация задач, связанных с обеспечением ограничительных мер для предотвращения распространения вируса COVID-19;
- 2) выполнение традиционных задач по обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека, общественной безопасности, охране общественного порядка и противодействию преступности.

Согласно Указам Президента РФ от 02.04.2020 № 239 [Указ Президента РФ № 239, 2020] и от 11.05.2020 № 316 [Указ Президента РФ № 316, 2020], высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации было поручено разработать и реализовать совокупность ограничительных мер, направленных на преодоление распространения коронавирусной инфекции. В ряде субъектов – в Москве, Московской, Ленинградской, Волгоградской областях и др. распространение COVID-19 признали обстоятельством непреодолимой силы, которое нельзя было предвидеть или избежать и которое не зависит от воли и желания отдельных субъектов. В Нижегородской области, например, был введен режим повышенной готовности, запрещены большинство массовых мероприятий, приостановлены многие виды деятельности (работа ресторанов, кафе, салонов

красоты, музеев, театров, ночных клубов, объектов спорта и т.д.) [Указ Губернатора Нижегородской области № 27, 2020]. Пандемия привела к тому, что основные усилия личного состава ОВД РФ были перенаправлены на контроль за соблюдением режима самоизоляции, масочного режима, а также правил поведения в общественных местах и на транспорте.

В связи со сложившейся ситуацией актуальным является не только оценка работы полиции со стороны общества, что выражается согласно Федеральному закону «О полиции», в степени доверия граждан к ней, но и определение отношения самих полицейских к изменившимся условиям работы.

Эмпирическую базу исследования «Условия труда и быта сотрудников органов внутренних дел» (сентябрь 2020 – февраль 2012) составили полуформализованные интервью действующих сотрудников полиции (N=31), в рамках которых респондентам был задан ряд вопросов, связанных с влиянием пандемии COVID-19 на их профессиональную деятельность. В выборку включены респонденты в возрасте от 25 до 50 лет, из них 17 мужчин и 14 женщин, работающих в разных подразделениях полиции РФ. Для обработки был использован метод контент-анализа с привлечением специализированного программного обеспечения ЛЕКТА (количество лексем в массиве – 86780, количество использованных фильтров – 185, количество полученных факторов – 20). Группировка полученных факторов позволила определить особенности осуществления полицейскими своих профессиональных обязанностей в период пандемии COVID-19.

Увеличение объема работы. Распространение новой инфекции в мире и в России полицейские встретили, как и большая часть населения, с тревогой. Сразу возникло понимание того, что объем работы будет увеличиваться, так как необходимо осуществлять повсеместный контроль за соблюдением введенных ограничений. Данное ожидание нашло свое подтверждение в первые же дни работы в новых условиях. Некоторые респонденты указали, что использовать накопленные отгулы за 2020 год им так и не удалось.

Патрулирование улиц и других общественных мест в период пандемии. Увеличилось количество времени на патрулирование улиц и объектов, на которые распространялись ограничения по массовому пребыванию людей. Перед полицейскими не ставилась задача привлекать к административной ответственности всех, кто нарушал режим самоизоляции. В первую очередь с гражданами проводились разъяснительные беседы и делались предупреждения, так как административное наказание в виде штрафа, например, могло усугубить и так сложную финансовую ситуацию, которая

сложилась во многих семьях. Однако не всегда такое лояльное отношение полицейских к нарушителям общественного порядка находило понимание со стороны последних.

Изначально население двояко реагировало на просьбу предъявить документы и объяснить причину пребывания на улице (в период особо строгих ограничений). В связи с этим решение о том, привлекать ли граждан к административной ответственности за нарушение режима самоизоляции рассматривалось с учетом готовности лица, нарушившего режим самоизоляции, исправить сложившуюся ситуацию и отправиться домой. Позднее, как отмечают полицейские, с быстрым ростом количества заболевших COVID-19, население стало привыкать к необходимости соблюдать установленные ограничения и стало реагировать на проверки полиции более доброжелательно и активно, что существенно упростило ее работу.

Условия труда. Респонденты отмечают, что на данный момент они обеспечены достаточным количеством защитных масок, перчаток и антисептиков. В начале пандемии этих средств защиты не хватало, однако такая ситуация сложилась в рамках всей страны, а не только в отдельных властных структурах и организациях. Производители не были готовы к резко возросшему спросу на такую специфическую категорию товаров, что привело к их дефициту. Поэтому полицейские относились к сложившейся ситуации снисходительно и старались, по возможности, обеспечить свою безопасность за счет личных средств. Дефицит масок, перчаток и антисептиков был достаточно быстро устранен, и сотрудники органов внутренних дел постепенно были обеспечены всем необходимым.

Семья и быт. Служба в полиции является работой, детерминирующей повседневность, поэтому увеличение объема работы и изменение ее специфики не могло не отразиться на социальном самочувствии как самих полицейских, так и членов их семей. С одной стороны, невозможность перейти на дистанционный режим работы и повышение в связи с этим риска заболеть новой коронавирусной инфекцией порождали тревожность и нарушали обыденный микроклимат в семье, который уже сформировался за годы службы одного из членов семьи в органах внутренних дел. С другой стороны, респонденты отмечали, что на фоне прекращения деятельности ряда организаций и индивидуальных предпринимателей и потери из-за этого многими гражданами рабочих мест, в семьях полицейских существовало осознание стабильности их финансового положения, что частично

нивелировало возросшие от развивающейся пандемии негативные издержки от работы.

Выполнение традиционных рабочих задач в период пандемии COVID-19. Несмотря на то, что ограничительные меры, введенные вследствие распространения коронавирусной инфекции, могли поначалу несколько снизить уровень преступности в стране [Криминогенная ситуация, 2020], в долгосрочной перспективе такое снижение не подтверждается. Если говорить об общей тенденции, то пандемия способствовала открытию новых способов совершения противоправных действий, а также в некотором роде выступила импульсом для совершения традиционных правонарушений [Мещерин, Рясов, 2020]. Данная позиция находит свое подтверждение и в оценках респондентов. Многие из них отмечают, что с распространением COVID-19 изначально многие ресурсы полиции были перенаправлены на контроль за соблюдением режима самоизоляции граждан, в том числе, зараженных новым вирусом. Были сокращены контакты с населением, проводилось меньше обысков, допросов. Работа была переориентирована на анализ имеющихся в распоряжении полицейских документов. Однако с постепенным сокращением распространения заболевания на территории России и активным проведением вакцинации возникла необходимость возвращаться к решению традиционных рабочих задач в приоритетном режиме.

Результаты исследования показали, что пандемия COVID-19 оказала определенное влияние на деятельность органов внутренних дел, в частности, сотрудников полиции. Объем работы, выполняемый ими в рассматриваемый период, увеличился, основные усилия были направлены на контроль соблюдения режима самоизоляции и иных введенных ограничительных мер. Такая ситуация сопровождалась повышением уровня тревожности у самих полицейских и их семей, связанной с риском заболеть коронавирусом и заразить своих родственников. Однако ощущение стабильности профессионального и финансового положения помогли сгладить многие отрицательные особенности работы полицейских в 2020 году.

Литература

1. Гришай В.Н., Тищенко А.В., Костюк А.В. Отношение населения к полиции: значение и основные факторы формирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2020. № 1 (254). С. 84–89.

2. Законопроект № 955380-7 от 13.05.2020 О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» (направлен на усиление гарантий защиты прав граждан и уточнение полномочий полиции) // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/955380-7>.
3. Криминогенная ситуация в Российской Федерации остается стабильной. Информационное сообщение от 14.05.2020 // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/20164906/>.
4. Мещерин А.И., Рясов А.В. К вопросу о профилактике преступности в условиях возникновения пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией (COVID-19) // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 141.
5. Указ Губернатора Нижегородской области от 13.03.2020 № 27 «О введении режима повышенной готовности» // Официальный сайт Правительства Нижегородской области. URL: <https://www.government-nnov.ru/?id=274234>.
6. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 19.02.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/.
7. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/.
8. Указ Президента РФ от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352133/.
9. Ульянова А.А. Криминологическая характеристика преступности в Хабаровском крае в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 2020. № 4, том 2. С. 141–149.
10. Heath Kelly The classical definition of a pandemic is not elusive // Bulletin of the World Health Organization 2011; 89:540-541. doi: 10.2471/BLT.11.088815. URL: <https://web.archive.org/web/20200623211059/http://www9.who.int/bulletin/volumes/89/7/11-088815/en/>.

ГЛАВА 8. УПРАВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Рассмотрены проблемы, с которыми столкнулись вузы в условиях пандемии коронавируса. Показана необходимость перехода образования на дистанционное обучение. Раскрыты особенности организации самостоятельной работы студентов в вузах. Представлены уроки «стресс-теста» вузов в условиях пандемии.

Ключевые слова: пандемия, самостоятельная работа, дистанционное обучение, мотивация, образовательный процесс.

Пандемия как проблема образования

В начале 2020 года человечество столкнулось с пандемией, вызванной распространением коронавирусной инфекции. Закрылись государственные границы. В большинстве стран, включая Россию, для большей части населения был введен режим самоизоляции. Привычный ритм работы всех без исключения отраслей экономики был нарушен. Замерла культурная жизнь [Охлупина, 2020].

Образование не явилось исключением. В марте–апреле 2020 г. системы образования в мире не просто столкнулись с трудностями. Всего за несколько недель 95% студентов университетов в разных странах мира были вынуждены перейти в дистанционный или смешанный формат обучения. Вузы оказались в чрезвычайной ситуации, которая стала настоящим «стресс-тестом» для системы высшего образования [Уроки «Стресс-теста», 2020].

Дистанционный формат обучения стал реальностью для миллионов студентов нашей страны в течение первых двух недель марта 2020 года. При этом вопрос цифровых компетенций у студентов не стоял. Несмотря на это, острым оказался вопрос о новых правилах обучения и инструментов коммуникации. Примерно в 15% вузов не существовало никакой электронной коммуникации со студентами. Во многих вузах студенты были нечетко информированы о новом расписании и о новых требованиях [Уроки «Стресс-теста», 2020].

Начиная с конца января 2020 г. Минобрнауки РФ принимает ряд решений в области безопасности образовательных организаций в связи с коронавирусной инфекцией. Одним из таких решений в сложившейся

непростой ситуации стал переход к дистанционному обучению. Уже 14 марта 2020 года Минобрнауки России создает оперативный штаб по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации и приказывает вузам:

- усилить меры по обеспечению безопасных условий обучения и воспитания обучающихся;
- при реализации образовательных программ предусмотреть возможность индивидуальных каникул для обучающихся, организацию контактной работы студентов и преподавателей только в электронной информационно-образовательной среде [Приказ Минобрнауки РФ № 397; Клягин, Макарьева, 2020].

Система высшего образования и отдельные университеты максимально оперативно отреагировали на форс-мажорную ситуацию и изменили условия работы, внедрили меры и практики, которые нацелены на снижение распространения коронавирусной инфекции и поддержание работы сотрудников и обучения студентов [Шторм первых недель, 2020].

Столь стремительный переход к обучению на расстоянии стал для многих вузов непростым испытанием. Возникли сложности и неувязки как технического, так и психологического характера.

Непривычный формат повлиял и на социально-психологический климат обучения. Более 40% отмечали нехватку очного общения с преподавателями и однокурсниками как основную сложность организации обучения в дистанционном формате. Кроме того, некоторые студенты испытывали смущение и дискомфорт, когда преподаватель просил включить веб-камеру, а части студентов было сложно задавать вопросы преподавателю онлайн. Все это свидетельствует о трудностях изменения форматов вербальной и невербальной коммуникации.

Также более 40% студентов отмечали существенное увеличение учебной нагрузки, в том числе увеличением доли самостоятельной работы.

Кроме того, многие студенты отмечали недостаток навыков самоорганизации, при этом это обстоятельство вызывало более сильное беспокойство у студентов младших курсов [Уроки «Стресс-теста», 2020].

НИУ ВШЭ оказался наиболее подготовленным вузом для проведения онлайн-занятий. Еще в 2018 году в НИУ ВШЭ одним из первых было принято решение отказаться от чтения лекций в аудитории в пользу онлайн и заранее записанных курсов. Тогда ректор Я. Кузьминов рассказал “Ъ”, что традиционные лекции превратились в «профанацию», а у преподавателей нет

времени на исследовательскую работу из-за аудиторной нагрузки [Трудности на дистанции, 2020].

Директор по связям с общественностью НИУ ВШЭ Андрей Лавров в интервью газете «Коммерсантъ» сказал, что в ВШЭ «давно прогнозировали цифровую революцию в образовании и готовились к ней, воспринять новую реальность оказалось легче, чем многим (вузам. – “Ъ”)». А. Лавров предполагает, что после карантина «устаревшие форматы – такие как традиционные лекции – не вернутся назад», а некоторые курсы полностью останутся в онлайн [Трудности на дистанции, 2020].

Переход в онлайн выявил плюсы и минусы дистанционной системы обучения. «Главный плюс заключается в том, что для многих студентов экран гаджета снимает психологический блок. Они охотнее начинают участвовать в обсуждении. Те, кто вчера, сидя в аудитории, предпочел бы отмолчаться, теперь проявляют активность. Минус – требование высокой самодисциплины от учащихся» [Трудности на дистанции, 2020].

Управление самостоятельной работой и ее эффективность

В условиях дистанционного обучения особое внимание уделяется управлению самостоятельной работой студентов.

Существует множество определений понятия «самостоятельная работа студентов», но, по сути, они сводятся к тому, что самостоятельная работа студентов – это планируемая индивидуальная или коллективная учебная и научная работа, выполняемая в рамках образовательного процесса под методическим и научным руководством и контролем со стороны преподавателя.

Самостоятельная работа рассматривается как высшая форма учебной деятельности, которая носит интегральный характер, и, по сути, есть форма самообразования.

Термин «управление» шире привычно используемого понятия «организация», поскольку включает в себя как саму организацию, так и другие функции управления (*организация, мотивация, контроль*).

Самостоятельная работа студентов является не только формой образовательного процесса и видом учебной деятельности, но и мощным средством саморазвития личности, основой формирования профессионального мышления. Именно в этом состоит цель самостоятельной деятельности студентов. И достижение такой цели возможно только при

условии эффективного управления как самой самостоятельной работой студентов, так и образовательным процессом в целом [Городнова, 2020].

Основные задачи, которые должен ставить преподаватель при организации самостоятельной работы обучающихся:

- создать в процессе обучения условия для развития мышления и интеллектуальной инициативы;
- научить студентов осмысленно и самостоятельно, работая вначале с учебным материалом, а затем и с научной информацией, находить и использовать необходимые данные;
- формировать у обучающихся основы самоорганизации и самовоспитания;
- привить обучающимся навыки познавательной активности и самообразования;
- развивать в обучающихся лучшие качества, присущие будущему профессионалу [Григорян, Химич, 2009].

Планирование самостоятельной работы осуществляется в рамках каждой основной образовательной программы. Организация самостоятельной работы должна быть направлена на выполнение всех планируемых заданий всеми обучающимися точно в срок и с нужным уровнем качества. На уровне факультета в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами совместно с кафедрами определяется общий бюджет времени, в том числе количество аудиторных занятий и часы на самостоятельную работу обучающихся. Затем на уровне кафедры определяются часы аудиторных занятий и самостоятельной работы по каждой дисциплине, отдельно разрабатывается и соответствующее методическое обеспечение. Планирование самостоятельной работы обучающихся осуществляется преподавателем и должно отражаться в рабочих программах каждой конкретной дисциплины.

Документальное оформление результатов самостоятельной работы является одним из условий ее эффективной организации, а также формой ее планирования и контроля. Студент должен иметь план и график освоения каждой дисциплины. Особенно это важно при модульной организации учебного процесса, когда режим занятий становится достаточно напряженным, требующим высокого уровня ответственности как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов [Городнова, 2020].

Эффективность использования самостоятельной работы обучающихся зависит от соблюдения целого ряда условий. К их числу относятся:

- предварительное проектирование преподавателем самостоятельной работы обучающихся, определение их места в структуре учебного процесса, уточнение целей и задач их выполнения;
- насыщение учебного процесса разнообразными типами самостоятельных работ (по образцу, реконструктивными, эвристическими, творческими), а также использование различных их форм (контрольные, курсовые, проектные, выпускные квалификационные работы и др.) в рамках как аудиторных, так и внеаудиторных занятий;
- формирование у обучающихся навыков выполнения самостоятельной работы.

Специфика самостоятельной работы заключается в том, что принципиально меняет положения участников учебного процесса – преподавателя и обучающихся, функции и содержание их деятельности (табл. 1).

Эффективность самостоятельной работы обучающихся во многом зависит от преподавателя, а именно:

- от его профессиональной компетенции;
- от умения формировать отношение обучающегося к самостоятельной работе;
- от умения передавать профессиональные навыки обучающимся и управлять процессом формирования у них профессиональных навыков;
- от умения работать с обучающимися индивидуально или в творческом коллективе.

Эффективность всей самостоятельной работы обучающихся во многом определяется уровнем самоконтроля. Основным объектом самоконтроля обучающихся в системе их труда могут быть:

- планирование самостоятельной работы и выполнение индивидуального плана;
- изучение дисциплины согласно учебной программе;
- выполнение контрольных, тестовых, курсовых и выпускных квалификационных работ.

Содержание деятельности преподавателя и обучающегося
при выполнении самостоятельной работы

Основные характеристики	Деятельность преподавателя	Деятельность обучающегося
Цель выполнения самостоятельной работы	<ul style="list-style-type: none"> – Объясняет цель и смысл выполнения самостоятельной работы; – Дает развернутый или краткий инструктаж о требованиях, предъявляемых к самостоятельной работе, и способах ее выполнения; – Демонстрирует образец выполнения самостоятельной работы. 	<ul style="list-style-type: none"> – Понимает и принимает цель самостоятельной работы как лично значимую; – Знакомится с требованиями к самостоятельной работе
Мотивация	<ul style="list-style-type: none"> – Раскрывает теоретическую и практическую значимость выполнения самостоятельной работы, тем самым формирует у обучающегося познавательную потребность и готовность к выполнению самостоятельной работы; – Мотивирует обучающегося на достижение успеха. 	<ul style="list-style-type: none"> – Формирует собственную познавательную потребность в выполнении самостоятельной работы; – Формирует установку и принимает решение о выполнении самостоятельной работы.
Управление	<ul style="list-style-type: none"> – Осуществляет управление путем целенаправленного воздействия на процесс выполнения самостоятельной работы; – Дает общие ориентиры выполнения самостоятельной работы. 	<ul style="list-style-type: none"> – На основе владения обобщенным приемом сам осуществляет управление самостоятельной работой (проектирует, планирует, рационально распределяет время и т.д.).

<p>Контроль и коррекция выполнения самостоятельной работы</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Осуществляет предварительный контроль, предполагающий выявление исходного уровня готовности обучающегося к выполнению самостоятельной работы; – Осуществляет итоговый контроль конечного результата самостоятельной работы. 	<ul style="list-style-type: none"> – Осуществляет текущий пооперационный самоконтроль за ходом выполнения самостоятельной работы; – Выявляет, анализирует и исправляет допущенные ошибки и вносит коррективы в работу, отслеживает ход выполнения самостоятельной работы; ведет поиск оптимальных способов выполнения самостоятельной работы; – Осуществляет рефлексивное отношение к собственной деятельности; – Осуществляет итоговый самоконтроль выполнения самостоятельной работы.
<p>Оценка</p>	<ul style="list-style-type: none"> – На основе сравнения результата с образцом, заранее заданными критериями дает оценку самостоятельной работы; – Выявляет типичные ошибки, подчеркивает положительные и отрицательные стороны, дает методические советы по выполнению самостоятельной работы, намечает дальнейшие пути выполнения самостоятельной работы; – Устанавливает уровень и определяет качество продвижения обучающегося и тем самым формирует у него мотивацию достижения успеха в учебной деятельности. 	<ul style="list-style-type: none"> – На основе соотнесения результата с целью дает самооценку самостоятельной работе, своим познавательным возможностям, способностям и качествам.

Для успешного осуществления самостоятельной работы обучающихся необходимы:

- комплексный подход к организации самостоятельной работы по всем формам аудиторной работы;
- сочетание всех уровней самостоятельной работы;
- обеспечение контроля качества выполнения (требования, консультации).

Таким образом, самостоятельная работа осуществляется каждым обучающимся в индивидуальном порядке и пока еще представляет собой наименее управляемую часть учебного процесса и требует дальнейшей разработки [Городнова, 2020].

Особенности самостоятельной работы студентов в условиях онлайн-обучения

Самостоятельная работа обучающихся, как особый вид образовательной деятельности, организуется преподавателем, осуществляется при его методическом руководстве. В современных условиях, когда организация образовательного процесса в вузах осуществляется в рамках электронно-образовательной среды, важнейшим вопросом становится качественная организация самостоятельной работы [Охлупина, 2020].

Дистанционное обучение уже на первых этапах показало, что примерно 8–10% обучающихся столкнулись с техническими затруднениями. Чаще всего среди них встречалась невозможность постоянного доступа к источникам информации в связи с низкой скоростью сетевых соединений, отсутствие персонального компьютера.

Новую остроту приобрели проблемы, связанные с различным уровнем готовности студентов к самостоятельной работе, с мотивацией обучаемых, выбором оптимальных методов самостоятельных занятий.

С увеличением объема самостоятельной работы студентов возникают сложности с освоением ими большого объема учебного материала. Все дело в том, что навык такой работы школой практически не сформирован, алгоритмизация познавательной деятельности у обучающихся не развита.

Чтобы самостоятельная работа была эффективная, студенту надо привить умения систематического труда с рациональным распределением времени, «научить учиться», вооружить исследовательским аппаратом на основе знаний, полученных ранее, поощрять креативный подход, учитывать индивидуальные особенности обучаемого.

Следовательно, независимо от формата обучения, каждое занятие и задание следует начинать с четкой постановки преподавателем задачи, дающей ответы на вопросы: «Что сделать?», «Для чего?» и «Как?».

Любое задание в рамках самостоятельного изучения нового материала должно завешаться контролем, анализом и обсуждением результатов. То есть успешная самостоятельная работа может и должна строиться при опосредованном управлении со стороны преподавателя.

Преподавателю необходимо помнить, что задания, предлагаемые студентам, должны быть посильными, чтобы не ослабить их уверенность в своих силах. А уровень требований к результатам самостоятельной работы студентов должен соответствовать уровню способностей обучающихся, быть не ниже его.

Как организовать контроль знаний в нестандартных условиях? Ведь одно дело – использовать онлайн-форматы по потребности, другое – практически не иметь альтернативы. Ответ на этот вопрос заключается в большем, чем в ходе аудиторных занятий, насыщении контента вопросами для самоконтроля знаний, а также в реализации продуманной системы удаленных контрольных мероприятий.

Особенно важно стимулировать высокую учебно-познавательную активность студентов, добиться ее повышения по мере освоения учебного курса. Именно это, пожалуй, наиболее сложный аспект дистанционного обучения.

В НИУ ВШЭ в 2019 году была разработана модель, позволяющая прогнозировать активность студентов онлайн-курсов. Модель позволяет отслеживать активность студента внутри курса, например, просмотрит ли он видеолекцию и прочтет ли необходимый материал. Исследование с использованием модели выявило, что 65% студентов имеют нулевую активность уже на второй неделе обучения, и только у 5% студентов активность в ходе обучения повышается [Трудности на дистанции, 2020].

В условиях дистанционного обучения студенты больше, чем когда либо, нуждаются в конкретных рекомендациях преподавателя по организации самостоятельной работы.

Все возникающие вопросы необходимо разрешать во время индивидуальных дистанционных консультаций, проведение которых способствует получению обратной связи и рефлексии.

Для самостоятельной работы необходимо выделять особое время, составив свой учебный план. Полезно заниматься совместно с кем-то (например, с товарищем удаленно), объясняя материал друг другу.

Написание своего рода шпаргалок – справочного материала для практических занятий – также способствует запоминанию ключевых положений учебного курса. Также следует помнить и о переключении внимания.

Мотивирующие факторы самостоятельной работы

Огромную роль при организации самостоятельной работы играет мотивация к учебному труду. Студент должен, прежде всего, усвоить, что дисциплина и рациональное распределение времени – это залог успеха. Повышению мотивации к обучению способствуют профессионально ориентированные задания.

Одним из наиболее важных факторов познавательной деятельности обучающегося является уровень его мотивации. Еще К.Д. Ушинский писал, что «приохотить» человека к учению – гораздо более достойная задача, чем «приневолить» [Вербицкий, Кругликов, 1998].

Мотивация не исчерпывается побуждением личности к познавательной деятельности, но охватывает его многосторонние связи и отношения – социально-психологические, нравственно-этические, социально-экономические. Мотивация выступает одним из сложных механизмов соотнесения внутренних и внешних факторов личностного поведения, которые определяют возникновение, направленность и способы осуществления конкретных форм деятельности [Вербицкий, Кругликов, 1998].

Активным стимулом в процессе выполнения самостоятельной работы является наличие значимой и устойчивой мотивации (рис. 1).

Рис. 1. Мотивирующие факторы самостоятельной работы

Сильнейшим мотивирующим фактором является необходимость подготовки к ответственной самостоятельной профессиональной деятельности. Рассмотрим ряд мотивирующих факторов самостоятельной работы.

Полезность выполняемой работы. Если обучающийся знает, что результаты его самостоятельной работы формируют его профессиональные знания и навыки, необходимые в его практической деятельности, то отношение к выполнению задания существенно изменяется и качество выполняемой работы повышается. При этом важно психологически настроить обучающегося, продемонстрировать ему реальную значимость выполняемой работы [Григорян, Химич, 2009].

Индивидуализация всех видов учебных заданий, постоянное их обновление. Самостоятельная работа должна быть максимально индивидуализирована и иметь систематический, непрерывный и усложняющийся характер, соответствующий определенному этапу освоения одной из основных образовательных программ [Рубаник, Большакова, Тельных, 2005]. Постепенная индивидуализация заданий и их углубление могут и должны приводить к закономерному учебному результату в виде высококачественных курсовых, а затем и выпускных квалификационных работ, и диссертационных исследований.

Участие обучающихся в творческой, научной и методической деятельности под руководством преподавателя. Это может быть участие в научно-исследовательской, проектной или методической работе. Мотивация самостоятельной работы существенно возрастает, если обучающийся знает, что ее результаты будут использованы в подготовке лекционного курса, методического пособия, лабораторного практикума, публикаций или иным образом, оставляя его творческий след в более высоком интеллектуальном труде, чем просто учеба [Городнова, 2020].

Поощрение обучающихся за успехи в учебе и творческой деятельности (стипендии, премирование, поощрительные баллы) и санкции за плохую учебу. Например, за работу, выполненную раньше срока, можно выставить повышенную оценку, а в противном случае ее можно снижать.

Мощным мотивационным фактором в учебном процессе, в том числе в самостоятельной работе, является *личность преподавателя*. Ю.М. Лотман в работе «Воспитание души» высказал мнение о создании в современном университете нового типа отношений между преподавателями и студентами: «Университетское образование, как и всякое высшее образование, означает новую ступень по сравнению со средней школой. И одна из особенностей

этой ступени в том, что здесь уже нет верха и низа – учителей и учеников, - здесь все коллеги, т.е. люди, которые работают вместе. Ведь работа высшего учебного заведения состоит в сотрудничестве, т.е. когда одни *хотят* учиться, а другие им *помогают* в этом. Принуждение, обязательный «насильственный» контроль остались на низшей ступени образования. И отношение преподавателей к студентам будет иное. Это будет отношение коллеги к младшему коллеге». Развитие личности без подавления воли, без принуждения – это и есть педагогика сотрудничества, которую полезно использовать во всех видах взаимодействия преподавателя с обучающимися, в том числе и в самостоятельной работе. Преподаватель во всех отношениях должен стать примером для обучающегося. Он обязан помочь обучающемуся раскрыть свой творческий потенциал, определить перспективы своего внутреннего роста. Значительную роль при этом играют индивидуальные собеседования преподавателя с обучающимся. Личное обращение к обучающемуся имеет более сильное влияние на него, чем при работе преподавателя с аудиторией [Лотман, 2003].

Важным мотивационным фактором является *интенсивная педагогика*. Она предполагает введение в учебный процесс активных методов обучения, в основе которых лежат инновационные и организационно-деятельностные игры. В таких играх происходит переход от односторонних частных знаний к многосторонним знаниям об объекте, его моделирование с выделением ведущих противоречий, а не просто приобретение навыка принятия решения. Первым шагом в реализации такого подхода являются деловые или ситуационные формы проведения занятий, в том числе с использованием новых информационных технологий.

Использование мотивирующих факторов контроля знаний (накопленные оценки, рейтинги, тесты, нестандартные экзаменационные процедуры). Эти факторы при последующем публичном сравнительном анализе результатов могут вызвать стремление к состязательности в коллективе обучающихся, что само по себе является сильным мотивирующим фактором самосовершенствования обучающегося.

Некоторые уроки пандемии

Итак, можно констатировать, что переход к дистанционному обучению стал адекватным ответом на вызовы, брошенные системе образования пандемией. Механическая пауза в работе учебных заведений была исключена. Вузы избежали коллективного стресса и дезорганизации, их коллективы

сохранили работоспособность. Уникальная ситуация, сложившаяся в вузах в период пандемии, показала, что дистанционное обучение не может полностью заменить традиционные аудиторные занятия, но способно служить их эффективным дополнением.

Настройка образовательного процесса на новые реалии, по мнению научного руководителя Института образования НИУ ВШЭ И. Фрумина, должна носить комплексный характер. Он также отметил, что в тех вузах, где практиковались самостоятельные работы, студенческие проекты и выбор курсов, быстрый переход в дистанционный формат произошел значительно легче. «Главный урок как раз и состоит в том, что такую проблему надо решать системно. Нельзя просто раздать компьютеры и посадить всех в Zoom. Нужно подумать и о бедных студентах, и о лабораторных работах, и о подготовке преподавателей» [Губернаторов, 2020].

В то же время дистанционное обучение и дистанционный контроль самостоятельной работы делают возможным индивидуальный подход к каждому студенту. Преподаватель должен пройти путь от ментора к наставнику-коллеге.

В новых условиях стало более очевидным, что роль самостоятельной работы, как при дистанционном, так и при традиционном обучении исключительно высока.

Студент учится выбирать необходимую информацию в информационном потоке, вырабатывает самостоятельность, приучается к интеллектуальному труду. В итоге у обучающегося вырабатывается способность к непрерывному самообразованию на протяжении всей профессиональной деятельности как специалиста.

Навыки самостоятельной работы, заложенные ранее, в условиях дистанционного обучения должны активно применяться и развиваться для достижения успешного результата в освоении учебно-программного материала каждым студентом.

Профессиональные качества будущего специалиста находятся в зависимости от его способности к самообразованию. В реалиях современного мира знания и способность к постоянному их получению, грамотному применению становятся отличительной чертой специалиста, конкурентоспособного на рынке труда.

Мотивация самостоятельной работы значительно возрастает, если студент знает, что ее результаты будут использованы им в процессе преддипломной практики, при выступлениях на конференциях, подготовке

докладов, публикаций, научно-исследовательских работ, при написании выпускной квалификационной работы.

Таким образом, роль самостоятельной работы в современных условиях высока. Благодаря самостоятельной работе формируется весь процесс обучения, идет овладение знаниями, навыками, приобретаются самостоятельность в принятии решений, формируется ответственность, готовность к профессиональному росту и творческий подход к деятельности, развиваются критическое мышление, усердие и толерантность к труду.

Необходимо учиться принимать и использовать для своего собственного развития новшества современного общества, ориентироваться в информационном потоке, гибко реагировать на изменения в образовательном процессе, личностном и общественном, повышая свои компетенции. Сегодня образование становится личностно-ориентированным, главной задачей на передний план выходит необходимость обучить студента способности к самостоятельному принятию решений и их реализации.

Пандемия показала важность развития навыков самоорганизации и самообучения у студентов. Нужны новые формы самостоятельной работы, новые методы ее педагогической поддержки. Необходимо обучение первокурсников основам самоорганизации обучения, построению индивидуальных траекторий, умению учиться. Полезны будут специальные адаптационные курсы для первокурсников по освоению новых цифровых инструментов и цифровой грамотности [Уроки «Стресс-теста», 2020].

Литература

1. Вербицкий А., Кругликов В. Контекстное обучение: формирование мотивации // Высшее образование в России. 1998. № 1. С. 101–102.
2. Григорян В.Г., Химич П.Г. Роль преподавателя в организации самостоятельной работы студентов // Высшее образование в России. 2009. № 12. С. 109–113.
3. Городнова А.А. Самостоятельная работа обучающихся в образовательной организации высшего образования: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 190 с.
4. Губернаторов Е. «Стресс-тест» пандемии выявил главные недостатки российских вузов. Как должна измениться система образования, чтобы не откатиться к доцифровому формату // РБК. 03.07.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5efdf6e09a794734267c9521>.

5. Клягин А.В., Макарьева А.Ю. Кейсы быстрых реакций вузов в период пандемии / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с. (Современная аналитика образования. Экспресс-выпуск).
6. Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб.: Питер, 2003. 237 с.
7. Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 14.03.2020 № 397.
8. Охлупина О.В. Вузы перед лицом пандемии: актуальные аспекты организации самостоятельной работы студентов в условиях дистанционного обучения // Высшее образование сегодня. 2020. № 7. С. 24–28.
9. Рубаник А., Большакова Г., Тельных Н. Самостоятельная работа студентов // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 120–124.
10. Трудности на дистанции. Была ли российская система образования готова к переходу в онлайн из-за коронавируса // Коммерсантъ. 28.03.2020. URL: www.kommersant.ru/doc/4307297.
11. Уроки «стресс-теста». Вузы в условиях пандемии и после нее: Аналитический доклад // Минобрнауки РФ. М., 2020. 50 с.
12. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии / А.В. Клягин [и др.]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с. (Современная аналитика образования. № 6 (36)).

ГЛАВА 9. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК СУБЪЕКТИВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ К ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ВНЕДРЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ

Представлены результаты исследования взаимосвязи психологического благополучия преподавателей российских университетов и их психологической готовностью к организационным изменениям, связанным с введением дистанционных форм обучения.

Результаты исследования показали, что преподаватели российских университетов хорошо информированы о предстоящих изменениях, связанных с введением дистанционных форм обучения, проявляют отрицательное отношение к вводимым изменениям, дают высокую оценку собственных знаний, необходимых для внедрения изменений, и выражают уверенность в собственных силах для их реализации. Было выявлено наличие связи психологического благополучия и готовности преподавателей университетов к организационным изменениям; психологическое благополучие может выступать предиктором готовности преподавателей университетов к нововведениям.

Ключевые слова: благополучие, психологическое благополучие, готовность к организационным изменениям, преподаватели университетов.

В последние годы в мире сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как «самый масштабный в истории квазиэксперимент по резкой трансформации условий труда и занятости» [Абрамов и др., 2020]. Речь идет о вступлении человечества в цифровую эпоху жизни, а также о глобальных потрясениях природного и техногенного характера, среди которых пандемия COVID-19 занимает центральное место. Динамичность, постоянные изменения профессионального ландшафта требуют от человека не просто способности к адаптации, но готовности в этих условиях к саморазвитию.

В системе высшего образования на протяжении последних десятилетий происходят существенные изменения, затрагивающие вопросы содержания образования, модификации организационных форм деятельности, способов и приемов преподавания. Эти изменения приобрели статус привычных трансформаций, определяя последовательную модернизацию образовательной системы. Однако события последнего года – переход на дистанционное обучение в условиях пандемии COVID-19 – потребовали от

преподавателей мобилизации своих профессиональных и личностных ресурсов для выполнения действующих образовательных программ. Развитие ситуации показало, что дистанционное обучение перестало быть формой образовательного процесса, имеющего локальный временной характер: не только заочная форма высшего образования, но и очное образование насыщается учебными дисциплинами в формате дистанционного обучения; не только факультативные дисциплины, дисциплины по выбору студента, но и базовые учебные курсы переносятся в онлайн-формат. Кроме того, стала очевидной необходимость системных изменений образовательного процесса высшей школы и, соответственно, деятельности преподавателей в условиях цифровизации образования с использованием широкого круга технических устройств, форм отбора содержания, конструирования визуальных, слуховых и даже тактильных образов обучающихся (например, посредством различных симуляторов в онлайн среде).

Изменения в организации образовательного процесса в вузах, внедрение нового содержания и форм обучения, связанных с применением цифровых технологий, были восприняты педагогическим сообществом неоднозначно: 87% преподавателей отметили, что цифровые технологии уже включены в учебный процесс, 79% сообщили, что использовали цифровые технологии в своей практике в той или иной степени [Абрамов и др., 2020]. Понимание преподавателями вузов необходимости изменений обусловлено ориентацией на удовлетворение уже сложившихся и формирование новых потребностей ключевых заказчиков – абитуриентов, родителей, студентов, работодателей. Именно эти группы определяют требования к качеству, результатам образовательного процесса. Однако уровень готовности к работе в условиях перемен у преподавателей вузов не отвечает задаче модернизации современного высшего образования: несмотря на то, что 92% респондентов понимали содержание и сущность вводимых изменений, подавляющее большинство преподавателей (80,2%) негативно отнеслись к ним, около трети преподавателей (28,7%) не хотели участвовать в нововведениях и поддерживать их, 27,7% занимали нейтральную позицию в этом вопросе. Эти данные свидетельствуют о сопротивлении преподавателей высшей школы вводимым изменениям, однако причины подобной низкой готовности к организационным изменениям изучены недостаточно.

Исследование проблемы организационных изменений

Проблема организационных изменений, как процесс преобразования организации, основанный на внедрении инноваций (новшеств) в организационные процессы, широко дискутируется научным сообществом. Несмотря на большое количество подходов к классификации организационных изменений, традиционно выделяют четыре типа изменений: изменения в товарах и услугах, изменения стратегии и структуры, изменения культуры, изменения технологии [Дафт, 2001]. Особое место в этом ряду занимает проблема внедрения новых технологий, форм и методов деятельности [Мкртычян, Исаева, 2015].

Отношение к изменениям как освоению новых идей, форм поведения, адекватных характеру изменений внешней среды, часто изучается на индивидуальном, групповом и организационном уровнях.

На организационном уровне внимание исследователей занимают вопросы выбора надежных способов и технологий формирования готовности сотрудников организации к изменениям [Наумцева, 2020]. Самым многочисленным направлением исследований является изучение факторов, формирующих готовность к организационным изменениям и условий их реализации: соответствие ценностей и норм личности и организации [Vakola, 2013; Terry, Hogg, 1996; Jimmieson, White, Peach, 2004], взаимосвязь организационной идентификации и отношения сотрудников к организационным изменениям [Ellemers, 2003; Drzensky et al., 2012; Наумцева, 2020], особенности координации и взаимодействия в организации в период трансформаций, создание атмосферы доверия, а также выбор стиля руководства для принятия решений в ситуации организационных изменений [Vakola, 2013; Наумцева, 2020; Бетанова, 2017; Гринберг, Бэйрон, 2004].

На социально-групповом уровне фокус исследователей сконцентрирован на изучении отношения к изменениям под влиянием группы и межличностных коммуникаций человека. Основная идея этих исследований связана с тем, что готовность к изменениям обусловлена реакцией на изменения, зависящей от того, какие отношения у человека сложились в производственном коллективе. Такие факторы, как потеря друзей и дружеских отношений, страх давления со стороны членов группы, несоответствие нормам и ценностям группы, занимают главенствующую роль [Hossein, 2011; Vakola, 2013].

На индивидуальном уровне рассматриваются личностные особенности человека, влияющие на отношение к изменениям. В своей работе Д. Холт

рассматривает готовность сотрудников к организационным изменениям с точки зрения психологических и структурных факторов [Наумцева, 2020]. Психологические факторы – факторы, отражающие степень, с которой сотрудники когнитивно или эмоционально склонны принять и осуществить изменение (например, эффективность, целесообразность, поддержка руководством компании, личная валентность, коллективная приверженность и коллективная эффективность), и структурные факторы – факторы, отражающие степень, с которой обстоятельства повышают или понижают активность сотрудников в принятии и внедрении изменений (знания, навыки и способности, необходимые для реализации изменений, расхождение между актуальным состоянием и желаемым состоянием дел).

Кроме того, на индивидуальном уровне рассматривается дихотомия «готовность к изменениям» – «сопротивление изменениям». Среди факторов сопротивления изменениям часто выделяют потерю стабильности на работе, угрозу финансовой безопасности, автономии, свободы и контроля на рабочем месте, чувство физической или эмоциональной невозможности делать работу с использованием новых технологий, представление о ненужности новых методов или невозможности обучиться новым навыкам на новой позиции, страх потери позиции и престижа работы, страх того, что придется работать больше и энергичнее, страх недостатка информации о том, как работать в новой системе и т.п. К факторам, влияющим на высокий уровень готовности к реализации организационных изменений, относят психологическое благополучие [Hossein, 2011; Наумцева, 2020; Vakola, 2013].

Отличительной особенностью всех этих исследований является то, что респондентами являются представители бизнеса. Отметим, что среди этих исследований готовность к изменениям у преподавателей, в том числе высшей школы, рассматривается крайне редко, в единичном числе работ.

Исследование проблемы готовности к организационным изменениям

Феномен «готовности к деятельности» достаточно изучен в психологии и определяется в нескольких концептуальных традициях. В рамках деятельностного подхода «готовность» понимается как условие или способность к успешной деятельности. С позиций личностного подхода «готовность» выступает как настрой на определенное поведение, установка на активные действия. В контексте инновационного подхода «готовность» – это условие успешного нововведения, совокупность личностных, психологических, групповых социально-психологических, организационных

социально-экономических факторов [Брынза, 2015]. Правомерность использования того или иного подхода для анализа организационных изменений определяется характером, масштабом, содержанием деятельности, о готовности к которой идет речь.

Социально-психологический подход к рассмотрению «готовности к изменениям» предполагает изучение этого явления как категории субъективной психологической реальности, которая, с одной стороны, является последствием или результатом поискового волевого поведения (ведущего к активации ресурсной, мотивационной, энергетической сфер психики), с другой стороны, причиной осознания и поведения, изменяющих субъективную и объективную реальности человека [Чирков, 1996]. Этот подход отражает приобретающую все более устойчивую традицию современных исследований, связанную с субъектной парадигмой изучения современного человека.

С.С. Бетанова, подчеркивая неоднородность профессиональной готовности у субъектов труда, показывает, что разные уровни и стороны этой готовности актуализируются в том случае, если «личность является активным субъектом трудовой деятельности» [Бетанова, 2017]. В исследованиях показано, что субъектность как интегративное основание различных видов профессиональной деятельности определяет успешность ее осуществления и может выступать субъективной предпосылкой готовности к изменениям. Средовые воздействия субъект-субъектного типа обуславливают развитие субъектности человека.

Предварительный обзор исследований по проблеме готовности к изменениям именно у преподавателей высшей школы показал, что готовность к изменениям может быть связана с образом мира педагога, характеристиками опыта его профессиональной деятельности и их отражением в сознании преподавателя с влиянием социально-психологического климата педагогических коллективов вузов.

Однако исследований, направленных на изучение психологического благополучия педагогов высшей школы как предпосылок готовности к организационным изменениям, нам обнаружить не удалось.

Исследование проблемы психологического благополучия

Интерес к феномену психологического благополучия возник несколько десятилетий назад и был связан, прежде всего, с исследованиями и практическими разработками в области позитивной психологии,

направленными на выявление факторов, способствующих переживанию людьми счастья и благополучия. Ученые исходили из доказанного факта, что счастье и благополучие невозможно достичь лишь путем устранения проблем. Позитивная динамика жизни человека не сводима к зеркальному отражению ее негативной динамики. Позитивная динамика жизни имеет свои закономерности и пути развития. Многочисленные исследования понятия «счастья» констатировали его размытость и многозначность, что затрудняло его применение в научных исследованиях. Попытки операционализировать понятие «счастье» привели к появлению в начале 1970-х годов понятия «субъективное благополучие» как сравнительно четко определяемого и измеримого аналога понятия «счастье», а чуть позже стало использоваться понятие «психологическое благополучие» как набор личностных характеристик, предсказывающих счастье [Леонтьев, 2020].

Одним из первых самостоятельных исследований психологического благополучия стало исследование (1968) Н. Брэдберна, в котором он создал модель структуры «психологического благополучия» как баланс, достигаемый при непрерывном взаимодействии позитивных и негативных аффектов [Водяха, 2012].

В 1976 г. Ф. Эндрюс и С. Уизи представили структуру «субъективного благополучия», состоящую из трех компонентов (эта структура сейчас общепризнана): удовлетворенность жизнью, позитивные эмоции и негативные эмоции [Andrews, Withey, 1976].

В 80-90-е гг. XX века в психологии возникли теоретические попытки изучения счастья на основе античных подходов – гедонизма и эвдемонизма, идущих от Эпикура и Аристотеля, которые впоследствии получили эмпирическое подтверждение. Первый подход отождествлял счастье с максимумом удовольствия и минимумом страдания; второй подход связывал счастье с душевной деятельностью. Уотерман пояснял, что эвдемония возникает, когда жизнь человека и его деятельность не просто вызывают положительные эмоции, а согласуются с его глубинными ценностями, при этом человек не только получает удовольствие, но и реализует свое подлинное «Я» [Waterman, 1993].

Эти теоретические подходы легли в основу объяснения субъективного и психологического благополучия. Исследователи субъективного благополучия в логике гедонистического подхода акцентируют внимание на его аффективной составляющей, указывая на позитивные аспекты восприятия. Обобщенной характеристикой благополучия в логике этого подхода является удовлетворенность жизнью как достижение удовольствия и

избегание неудовольствия, ощущение счастья [Аргайл, 2003]. В концепции Э. Динера субъективное благополучие понимается как удовлетворенность человека различными сферами жизни. Если человек часто испытывает удовлетворенность своей жизнью и редко – неприятные чувства, то он имеет высокий уровень благополучия. У человека с доминирующими отрицательными эмоциями, редко испытывающего чувства радости и счастья – низкий уровень субъективного благополучия. Однако этот подход имеет, на наш взгляд, некоторые ограничения, а именно, преувеличенность эмоциональной составляющей, которая, несомненно, выступает надежным индикатором благополучия человека [Diener, 1984].

Психологическое благополучие рассматривается учеными с позиций эвдемонистического подхода. Одним из первых и наиболее значимых исследований в этом направлении стала теория К. Рифф.

К. Рифф противопоставила эмоциональному балансу идею позитивного функционирования, опирающегося на определенные личностные характеристики. Благополучие в понимании К. Рифф – это объективная оснащенность необходимыми психологическими особенностями, позволяющими субъекту функционировать во всех отношениях более успешно, чем при их отсутствии.

Структура психологического благополучия включает шесть характеристик:

- позитивное отношение к себе и своей жизни (самопринятие);
- отношения с другими, наполненные заботой и доверием (позитивные отношения с окружающими);
- способность выполнять требования повседневной жизни (компетентность, управление окружающей средой);
- наличие целей и занятий, придающих жизни смысл (цель в жизни);
- чувство непрекращающегося развития и самореализации (личностный рост);
- способность следовать собственным убеждениям (автономия) [Ryff, 1995].

Последователи эвдемонистического подхода рассматривают благополучие с точки зрения полноты самореализации личности в конкретных жизненных обстоятельствах и условиях, в гармоничном синтезе запросов социального окружения и развития собственной индивидуальности [Deci, Olafsen, Ryan, 2017; Ryff, Keyes, 1995; Фаерман, 2007].

В книге М. Селигмана «Прцветай!» вводится конструкт «благополучие» по аналогии с конструктами «погода», «свобода», которые нельзя измерить непосредственно, но можно изучить каждый компонент, из которых состоят эти конструкты. В конструкт благополучие были включены пять компонентов: позитивные эмоции, увлеченность, позитивные отношения, смысл и достижения (модель PERMA) [Селигман, 2013].

Анализ работ отечественных исследований, посвященных проблеме благополучия, показывает разнообразие подходов к трактовке и объяснению этого явления [Бахарева, 2004; Головей и др., 2018; Прохоров, 2004; Созонтов, 2006; Шевеленкова, 2005].

Я.И. Павлоцкая, П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленкова, анализируя теорию К. Рифф, подчеркивают высокую значимость разработанной ею методики [Павлоцкая, 2014], предлагают свою концепцию психологического благополучия как целостного переживания, включающего субъективную оценку человеком себя и своей жизни (Э. Динер) и позитивное личностное функционирование (К. Рифф) [Фесенко, 2005; Шевеленкова, 2005].

Целый ряд работ направлен на выяснение возможных точек соприкосновения между сложившимися подходами к изучению благополучия. Корреляция между позитивностью эмоциональной жизни и самореализацией личности была продемонстрирована эмпирически, несмотря на акцентуацию различных ее аспектов. Согласно системному подходу, в отечественной психологии психологическое благополучие связывается с системой отношений человека, причем позитивные отношения транслируются как важнейшие компоненты психологического благополучия.

А.Л. Журавлев и А.В. Юревич представляют психологическое и субъективное благополучие как взаимозаменяемые синонимичные понятия [Журавлев, Юревич, 2014]. А.И. Подольский и О.А. Идобаева подчеркивают различия этих понятий: «Психологическое благополучие больше связано с характеристиками поведения, чем с аффектами и чувствами, оно характеризует не достигнутую цель, а процесс ее достижения» [Подольский, Идобаева, 2017].

Д.А. Леонтьев рассматривает психологическое благополучие, или позитивное функционирование, как предиктор субъективного благополучия, который характеризует меру зрелости и оптимальности личностных механизмов саморегуляции жизнедеятельности. «Позитивное функционирование выступает модератором связи между внешними условиями (ресурсами) и субъективным благополучием: высокий уровень психологического благополучия позволяет извлечь максимум позитива из

наличных ресурсов и смягчить негативные эффекты неблагоприятных условий; низкое психологическое благополучие делает индивида уязвимым в ситуации дефицита ресурсов и мешает в полной мере воспользоваться благоприятными условиями». Реальность, близкую по значению психологическому благополучию описывает личностный потенциал [Леонтьев, 2020].

Исследованию психологического благополучия в профессиональной сфере посвящены работы М.Ю. Бояркина, О.А. Долгополовой, С.А. Дружилова, Д.М. Зиновьева, Н.В. Лукьянченко и др. [Бояркин, Долгополова, Зиновьев, 2007; Дружилов, 2016; Лукьянченко, 2016]. Подчеркивается, что психологическое благополучие все чаще рассматривается как универсальная личностная детерминанта успешности человека в профессиональной деятельности, основа его профессионального благополучия [Аргайл, 2003; Куликов, 2004; Шамионов, 2006].

Таким образом, анализ, систематизация и обобщение исследований в области благополучия показывают, что наблюдаются тенденции к сближению понятий субъективного и психологического благополучия, поиск их взаимосвязей. Однако в большей степени исследуется феномен субъективного благополучия.

В авторском исследовании психологическое благополучие человека понимается как совокупность психологических механизмов позитивного функционирования субъекта и субъективная оценка меры близости его актуального состояния к состоянию желаемому, удовлетворенность актуальным уровнем жизни.

Целью исследования явилось изучение взаимосвязи психологического благополучия и готовности преподавателей вузов к организационным изменениям, связанным с введением дистанционных форм обучения.

В исследовании принял участие 101 преподаватель (12,9% мужчин, 87,1% женщин) из высших учебных заведений РФ (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Псков, Сургут, Челябинск, Саратов) таких областей профессиональной деятельности как менеджмент, экономика, психология, педагогика, право. Из них:

21 человек (20,8%) – преподаватели без ученой степени,

69 человек (68,3%) – преподаватели с ученой степенью «кандидат наук»,

11 человек (10,9%) – преподаватели с ученой степенью «доктор наук»,

24 человека (23,7%) – моложе 30 лет,
34 человека (33,7%) – преподаватели в возрасте 40-49,
13 человек (12,9%) – в возрасте 30-39 лет,
30 человек (29,8%) – старше 50 лет,
2 человека (2,0%) работают в вузе менее года,
9 человек (8,9%) – педагогический стаж составляет 1-3 года,
8 человек (7,9%) – стаж от 3 до 5 лет,
27 человек (26,7%) – от 5 до 8 лет,
55 человек (54,5%) – более 8 лет.

Для оценки психологической готовности преподавателей вузов к внедрению нововведений была использована методика «Готовность к организационным изменениям» (ГОИ) Д. Холта в адаптации Е. Наумцевой. Респондентам предлагалось также заполнить авторскую анкету, оценив степень своего согласия с утверждениями, описывающими специфику проводимых в вузе изменений – введение дистанционных форм обучения, используя 5-балльную шкалу (где 5 – полностью согласен, 4 – согласен, 3 – сложно сказать, не могу определить для себя, 2 – не согласен, 1 – совершенно не согласен).

Для измерения психологического благополучия была использована шкала К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной [Жуковская, Трошихина, 2011]. Анализ данных осуществлялся с использованием программного пакета SPSS 25.0 for Windows.

Результаты исследования взаимосвязи психологического благополучия и готовности преподавателей вузов к организационным изменениям, связанным с введением дистанционных форм обучения

На первом этапе было проведено исследование восприятия преподавателями вузов проводимых организационных изменений (внедрение дистанционных форм обучения, обусловленных пандемией), а также оценка их готовности к внедрению изменений в вузе.

Результаты исследования (табл. 1) показывают высокий уровень информированности преподавателей вузов о сути предстоящих изменений – активном внедрении дистанционной формы обучения – понимания потенциальных рисков, если изменений не произойдет (отметил 92% респондентов).

При этом отношение преподавателей к вводимым организационным изменениям скорее отрицательное (38,6% – отрицательное и 41,6% – нейтральное отношение). Только пятая часть преподавателей (19,8%) положительно относятся к вводимым организационным изменениям. У почти трети преподавателей (28,7%) нет желания участвовать в нововведениях и поддерживать их, и примерно столько же преподавателей (27,7%) занимают нейтральную позицию в этом вопросе.

Т а б л и ц а 1

Отношение преподавателей вузов к нововведениям

Утверждение	Шкала оценки, количество чел. (%)				
	1 совершенно не согласен	2 не согласен	3 сложно сказать, не могу определить для себя	4 согласен	5 полностью согласен
Есть понимание того, в чем суть нововведения и зачем это нововведение нужно именно сейчас	3 (3,0%)	5 (5,0%)	18 (17,8%)	26 (25,7%)	49 (48,5%)
Отношение к нововведению – дистанционной форме работы и обучения студентов	Положительное – 20 (19,8%) Отрицательное – 39 (38,6%) Нейтральное – 42 (41,6%)				
Есть желание участвовать в нововведениях и поддерживать их	17 (16,8%)	12 (11,9%)	28 (27,7%)	28 (27,7%)	16 (15,8%)
Достаточно имеющейся базы знаний для внедрения нововведений	3 (3,0%)	10 (9,9%)	21 (20,8%)	46 (45,5%)	21 (20,8%)
Высоко оценивают свои способности, навыки и модели поведения, требуемые в новых условиях работы	1 (1,0%)	7 (6,9%)	30 (29,7%)	39 (38,6%)	24 (23,8%)

Вместе с этим уровень знаний для внедрения нововведений оценивается преподавателями как более, чем достаточный (от 7,9 до 12,9% не уверены в своих силах, оценивают уровень имеющихся знаний и своих способностей достаточными для внедрения нововведений).

Таким образом, можно заключить, что преподаватели вузов готовы и способны справиться с актуальной задачей современной действительности – переходу на дистанционные формы обучения, хотя и не воодушевлены этой перспективой – личное отношение к данному организационному изменению скорее негативное.

В таблице 2 представлены результаты диагностики готовности преподавателей вузов к внедрению организационных изменений.

Т а б л и ц а 2

Готовность к организационным изменениям
преподавателей вузов (N=101)

Готовность к организационным изменениям	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение
Уместность изменений	0,00	62,00	37,79	40,00	13,60
Поддержка руководства	0,00	35,00	24,87	25,00	5,54
Реализуемость изменений	0,00	35,00	25,31	26,00	6,10
Личное Отношение	0,00	33,00	21,16	21,00	6,21

В результате анализа были выделены три группы преподавателей вузов в соответствии с их уровнем готовности к организационным изменениям:

1. первая группа – 18 человек (17,8%) – группа преподавателей с *высокой готовностью* к внедрению организационных изменений (все значения компонентов ГОИ выше медиан);

2. вторая группа – 16 человек (15,8%) – группа преподавателей с *низкой готовностью* к внедрению организационных изменений (все значения компонентов ГОИ ниже медиан);

3. третья группа – 67 человек (66,4%) группа преподавателей, в которой встречаются значения компонентов ГОИ как ниже, так и выше медиан (группа со средней ГОИ).

В таблице 3 представлены результаты диагностики психологического благополучия у преподавателей с разным уровнем готовности к внедрению организационных изменений.

Т а б л и ц а 3

Особенности психологического благополучия
у преподавателей с разным уровнем ГОИ

Характеристики	Готовность к организационным изменениям						Вся выборка 101 человек	
	низкая 16 человек (15,8%)		средняя 67 человек (66,4%)		высокая 18 человек (17,8%)			
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Психологическое благополучие								
Автономность	28,31	8,44	30,94	3,78	32,50	4,10	30,80	4,95
Компетентность	29,81	9,01	31,62	4,73	33,00	5,23	31,58	5,70
Личностный рост	32,93	9,82	36,01	4,37	37,61	4,16	35,81	5,65
Позитивные отношения	32,31	10,89	34,25	5,93	37,44	4,30	34,51	6,82
Жизненные цели	32,50	9,88	35,28	4,19	37,05	4,38	35,15	5,59
Самопринятие	33,00	9,68	34,40	4,33	35,27	4,52	34,33	5,51
Общий показатель психологического благополучия	188,87	53,86	202,52	18,36	212,88	21,70	202,21	28,04

Как показывают результаты исследования, общий показатель психологического благополучия преподавателей вузов находится в пределах средних значений ($M=202,21$, $\sigma=28,04$), что свидетельствует о достаточно позитивном функционировании преподавателей, их субъективном ощущении психологического благополучия.

Средние значения всех шкал психологического благополучия имеют тенденцию связи с уровнем готовности к организационным изменениям: самые низкие значения у преподавателей с низким уровнем готовности к организационным изменениям, и самые высокие – у преподавателей с высоким уровнем готовности к организационным изменениям. Однако различия в средних значениях не достигают значимых величин.

Корреляционный анализ данных готовности к организационным изменениям и особенностей психологического благополучия преподавателей вузов показал наличие значимых связей между ними (табл. 4).

Взаимосвязь готовности к организационным изменениям
с психологическим благополучием у преподавателей вузов

Шкалы готовности к организационным изменениям	Шкалы психологического благополучия сотрудников вузов						
	Автономность	Компетентность	Личностный рост	Позитивные отношения	Жизненные цели	Самопринятие	Общий показатель
Уместность изменений	-0,011	0,00	0,095	0,077	0,096	-0,052	0,037
Поддержка руководства	0,142	0,168*	0,230*	0,282**	0,254**	0,203*	0,292**
Реализуемость изменений	0,042	0,262**	0,351**	0,189*	0,231*	0,232**	0,279**
Личное отношение	0,346**	0,244**	0,128	0,072	0,168*	0,157	0,198*

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Было обнаружено, что две шкалы опросника готовности к организационным изменениям (шкала «Поддержка руководства» и шкала «Реализуемость изменений») имеют связь с параметрами психологического благополучия:

компетентностью ($r_1=0,168^*$ и $r_2=0,262^{**}$ соответственно при $p<0,05$), личностным ростом ($r_3=0,230^*$ и $r_4=0,351^{**}$ соответственно при $p<0,05$), позитивными отношениями ($r_5=0,282^{**}$ и $r_6=0,189^*$ соответственно при $p<0,05$),

жизненными целями ($r_7=0,254^{**}$ и $r_8=0,231^*$ соответственно при $p<0,05$),

самопринятием ($r_9=0,203^*$ и $r_{10}=0,232^{**}$ соответственно при $p<0,05$), общим показателем психологического благополучия ($r_{11}=0,292^{**}$ и $r_{12}=0,279^{**}$ соответственно при $p<0,001$).

Также обнаружены значимые связи между значением шкалы «Личное отношение к организационным изменениям» и автономностью личности

($r_{13}=0,368^{**}$, $p < 0,001$), компетентностью ($r_{14}=0,244^{**}$, $p < 0,001$), а также общим уровнем психологического благополучия ($r_{15}=0,198^{***}$, $p < 0,05$).

Эти данные дают возможность утверждать, что личное отношение преподавателей вузов к нововведениям напрямую зависит от уровня самоопределения преподавателей (чем выше уровень самоопределения, тем выше готовность к организационным изменениям), способности противостоять социальному давлению, мыслить и вести себя независимо, самому регулировать свое поведение, а также от уровня компетентности преподавателя.

Восприятие преподавателями руководства вузов как приверженного изменениям, готового их поддерживать, и оценка собственных возможностей для реализации предлагаемых нововведений связаны с рядом характеристик психологического благополучия сотрудников: наличием цели в жизни, ощущением осмысленности своего прошлого и настоящего, позитивным отношением к себе и принятием себя; способностью к эмпатии и установлению доверительных отношений с другими, пониманием необходимости идти на уступки во взаимоотношениях; компетентностью преподавателей, их способностью выбирать или создавать подходящий контекст для реализации личных потребностей и ценностей; наличием чувства продолжающегося развития и реализации своего потенциала, открытостью преподавателей новому опыту.

При этом между оценкой преподавателями вузов уместности организационных изменений и их психологическим благополучием значимых связей выявлено не было.

Организационные изменения, которые последние годы постепенно внедрялись в российских вузах, воспринимались педагогической общественностью как социальный эксперимент глобального характера, отвечающий вызовам современности, характеризующийся определенной логикой и последовательностью. Имплицитно полагалось, что готовность преподавателей высшей школы принять эти изменения и обеспечить на их основе эффективное функционирование образовательных организаций будет наращиваться постепенно с помощью традиционных форм повышения квалификации. Вынужденные изменения весной 2020 года приобрели обязательный и всеобщий характер, что потребовало не просто оценить уровень готовности преподавателей к этим изменениям, но и спрогнозировать связанные с ними риски нарушения функционирования образовательной системы.

Известно, что внешние факторы стимулируют готовность к организационным изменениям и в тоже время актуализируют личностные барьеры и трудности преподавателей. Однако в ряде случаев предлагаемые инновации не только не снижают познавательную и трудовую активность, но, напротив, стимулируют ее. Это связано, на наш взгляд, с наличием у преподавателя развитой субъектной позиции, активного восприятия и участия во внедрении инноваций.

Субъектность, как активное деятельное начало, составляет основу для преобразований окружающего мира и себя в соотношении с ним, выступая условием поступательного развития человека. Это обстоятельство позволяет рассматривать субъектность как принцип создания современных образовательных систем и как условие преодоления сопротивлений изменениям в них. Устойчивость, саморегуляция, мотивация, инструментальные ресурсы выступают предпосылками готовности человека в ситуации организационных изменений. Это своеобразный потенциал, набор личностных ресурсов, использование которого определяет готовность к организационным изменениям. Субъектность является интегратором этих ресурсов, определяя возможность их использования, особенно в ситуации кризисной, экстренной. Отношение к себе как к деятелю помогает человеку мобилизоваться и реализовывать себя в форс-мажорных обстоятельствах.

Рассматривая субъективные предпосылки готовности к организационным изменениям, авторы исследования обращают особое внимание на психологическое благополучие как личностный ресурс, который, по мнению К. Рифф [Ryff, Keyes, 1995], дает возможность человеку реализовать себя, переживая при этом чувство удовлетворенности и счастья. При этом у человека складываются позитивные отношения с социумом, ясные жизненные цели и ценности, которыми он руководствуется в своих поступках и в поведении.

Результаты проведенного исследования показали, что личное отношение преподавателей к внедряемым организационным изменениям тесно связано с такими личностными структурами, как автономность, компетентность и жизненные цели. Видеть преимущества новой ситуации (удобство, скорость и точность как результаты цифровизации основных образовательных процессов, доступ к различным информационным источникам, возможность повторов при дистанционном обучении и онлайн-образования в целом и др.); прогнозировать ее возможные положительные последствия оказались способными преподаватели с выраженными характеристиками субъектности. Эти преподаватели отличались

независимостью суждений и поступков, не боялись противопоставить свое мнение окружающим, могли дать оценку себе, другим людям, происходящим событиям, опираясь на собственные предпочтения, имели нестандартное мышление и поведение. Они имели четкие цели в жизни, отличались чувством осмысленности существования, понимали ценность тех событий, которые происходили в прошлом, происходят в настоящем и будут происходить в будущем. У этих преподавателей были выработаны навыки эффективного управления окружающими, они были способны к преодолению трудностей на пути реализации собственных целей. Общий уровень психологического благополучия у этих преподавателей был высоким.

Реализуемость изменений и поддержка руководства вуза в вопросах внедрения организационных изменений у преподавателей имеет схожие связи и структуру в контексте психологического благополучия. Реализуемость изменений и поддержка руководства определяется выраженностью всех компонентов психологического благополучия, кроме компонента автономности. Иными словами, поддержка руководства в ситуации изменений и представления о реалистичности и реализуемости изменений в собственной деятельности и деятельности вуза определяются наличием жизненных целей, умением управлять своим социальным окружением и строить позитивные отношения с людьми, самопринятием и тенденцией к личностному росту. Способность к независимым суждениям и поступкам не связана с представлениями о реалистичности и реализуемости изменений и поддержкой руководства.

Уместность изменений, представление об их своевременности и целесообразности включения в контекст конкретной образовательной организации оказались не связанными с психологическим благополучием респондентов: ни одна из характеристик психологического благополучия не коррелировала с этим компонентом готовности к организационным изменениям. Это может быть связано с разными причинами, одна из которых определяется характером угроз и рисков ситуации пандемии. Можно предположить, что отсутствие связи компонента «уместность изменений» и характеристик психологического благополучия является своеобразным индикатором растерянности и некоторой дезориентации преподавателей высшей школы в ситуации пандемии, особенно ее начального этапа. Кроме того, возможно, характер деятельности преподавателя высшей школы в целом не предполагает оценку любых нововведений как уместных или неуместных, в отличие, например, от деятельности высших менеджеров в сфере бизнеса,

принимающих решения об уместности и необходимости введения тех или иных изменений.

Вместе с тем, три из четырех компонентов готовности к организационным изменениям связаны у преподавателей высшей школы с их психологическим благополучием. Проведенное исследование показало, что психологическое благополучие может рассматриваться предиктором готовности преподавателей высшей школы к организационным изменениям; оно может предсказывать, насколько сотрудник готов к внедрению организационных изменений, однако делать это парциально и при описанных выше условиях.

Возможно, что существуют иные субъективные предпосылки, вклад которых в предсказательную способность соизмеримо выше. Возможно, дополнительные исследования выявят готовность к внедрению изменений, обусловленных иными причинами, не только субъективного характера. Выдвинутые предположения являются, по мнению авторов, важной исследовательской задачей.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют говорить о возможности трансформировать индивидуальную готовность преподавателей вуза в общее стремление поддержать перемены и нововведения, в уверенность в успехе начинаний, если учитывать при этом их личностные ресурсы и ограничения.

Литература

1. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А., Захарова У.С., Григорьева А.В. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 59–74.
2. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 623 с.
3. Бахарева Н.К. Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Хабаровск, 2004. 22 с.
4. Бетанова С.С. Детерминанты профессиональной готовности психолога к работе с детьми-инвалидами: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.03. Москва, 2017. 26 с.
5. Бояркин М.Ю., Долгополова О.А., Зиновьева Д.М. Психологическое и профессиональное благополучие государственных служащих. Волгоград: ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. 216 с.

6. Брынза И.В. Готовность к изменениям как психологический ресурс личности в достижении благополучия // *Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology*. 2015. Vol. 3 (31), Issue 61. Pp. 69–73.
7. Водяха С.Л. Современные концепции психологического благополучия личности // *Дискуссия*. 2012. № 2(20). С. 132–138.
8. Головей Л.А., Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Савенышева С.С., Муртазина И.Р. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров // *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Т. 26. № 4. С. 8–26.
9. Гринберг, Дж., Бэйрон, Р. Организационное поведение: от теории к практике. М.: Вершина, 2004. 878 с.
10. Дафт Р. Менеджмент. СПб.: Питер, 2011. 864 с.
11. Дружилов С.А. Профессиональное благополучие человека и психологические аспекты профессиональной адаптации и профессиональных деструкций // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 12. С. 1236–1246.
12. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // *Психологический журнал*. Т. 32. № 2. 2011. С. 82–93.
13. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // *Психологический журнал*. 2014. № 1. Т. 35. С. 5–25.
14. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
15. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 1 (155). С. 14–37.
16. Лукьянченко Н.В. Взаимосвязь профессионально значимых качеств личности и рабочей мотивации руководителей с их психологическим благополучием // *СПЖ*. 2016. № 62. С. 14–18.
17. Мкртычян Г.А., Исаева О.М. Причины сопротивления персонала организационным изменениям: взгляд менеджеров как агентов перемен // *Организационная психология*. 2015. Т. 5. № 1. С. 22–33.
18. Наумцева Е.А. Психологическая готовность к организационным изменениям и ее социально-психологические предикторы // *Социальная психология и общество* 2020. Т. 11. № 4. С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110411>.
19. Павлоцкая Я.И. Психологическое благополучие личности: существующие подходы и возможность их интеграции // *Тенденции развития педагогики и психологии: материалы Межд. научно-практ. конф. (Уфа, 5 мая 2014 г.)* / под ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2014. С. 68.

20. Подольский А.И., Идобаева О.А. Психология развития. Психоэмоциональное благополучие детей и подростков. М.: Юрайт, 2017. 113 с.
21. Прохоров О.А. Определение понятия «психологическое состояние» // Психология состояний: хрестоматия. СПб., 2004. С. 34–39.
22. Рифф К. Психологическое благополучие во взрослой жизни // Современные направления в психологической науке. 1995. № 4. С. 18.
23. Селигман М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия / пер. с англ. Е. Межевич, С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 422 с.
24. Созонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105–114
25. Фаерман М.И. Комплексный социально-психологический подход к предупреждению сопротивлений нововведениям персонала (на примере организаций малого и среднего бизнеса). Ярославль, 2007. 24 с.
26. Фесенко П.П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005. 24 с.
27. Чирков В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116–132.
28. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия. Саратов, 2006. 180 с.
29. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
30. Andrews F.M., Whitey S.S. (1976) Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality. New York: Plenum Press. URL: <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>.
31. Deci E.L., Olafsen A.H., Ryan R.M. Self-determination theory in work organizations: the state of a science. In: Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2017. Vol. 4. No. 1. Pp. 19–43.
32. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 95. Pp. 542–575.
33. Drzensky F., Egold N., van Dick R. Ready for a Change? A Longitudinal Study of Antecedents, Consequences and Contingencies of Readiness for Change // Journal of Change Management. 2012. № 12(1). P. 95.
34. Ellemers N. Identity, culture, and change in organizations: a social identity analysis and three illustrative cases // Social Identity at Work: Developing Theory for Organizational Practice. 2003. P. 191.
35. Hossein M.M.J. Evaluation effect of management information system implementation on personnel resistance causes in Isfahan power plant

management corporation in Iran. Mahboubeh Delshad Dastjerdia, *Procedia Computer Science*. 2011. No. 3. Pp. 1296–1303.

36. Jimmieson N.L., White K.M., Peach M. Employee readiness for change: Utilizing the theory of planned behavior to inform change management // *Academy of Management Best Conference Paper Proceedings*. N.Y.: Academy of Management. 2004.
37. Terry D. J., Hogg M. A. Group norms and the attitude-behavior relationship: A role for group identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. 22. P. 776.
38. Vakola M. Multilevel Readiness to Organizational Change: A Conceptual Approach // *Journal of Change Management*. 2013. № 13(1). P. 96.
39. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69 (4). Pp. 719–727.
40. Waterman A. S. (1993) Two Conceptions of Happiness: Contrasts of Personal Expressiveness (Eudaimonia) and Hedonic Enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 64. No. 4. Pp. 678–691. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.4.678>.

ГЛАВА 10. ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРАХ АКТИВНОСТИ ЖЕНЩИН НА САМОИЗОЛЯЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

На этапе пилотного исследования была поставлена цель выявления динамики изменений в сферах активности женщин в период самоизоляции пандемии COVID-19 с акцентом на семейную сферу, поскольку семья выступает в качестве социального капитала личности в ситуации угрозы и связанной с ней неопределенностью. В пилотном исследовании принимали участие 162 женщины в возрасте от 25 до 58 лет. Респонденты заполняли авторскую анкету по выявлению специфики их форм активности в период самоизоляции пандемии COVID-19. Все сферы активности показали средний уровень динамики изменений активности женщин, кроме сферы «Отношения с мужем/партнером», которая оказалась на низком уровне. В сферах «Отношения с мужем/партнером» и «Отношения с ребенком/детьми» были выделены наиболее значимые для их общей динамики аспекты, которые показали важность процесса коммуникации в обеих подструктурах семейной системы – супружеской и детско-родительской.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, самоизоляция, женщины, сферы активности, семья.

В настоящее время одними из важнейших социально-экономических задач в России являются укрепление института семьи и улучшение демографической ситуации. Трансформация современной семьи коснулась многих ее аспектов, в частности, распределения гендерных ролей, изменения структуры отношений в супружеской и детско-родительской подсистемах, увеличения количества разводов и одиноких материнских семей и т.д. В связи с этим, семья является объектом исследования многих наук: философии, социологии, истории, этнологии, демографии, культурологии, экономики, медицины, юриспруденции, педагогики и, безусловно, психологии.

Одним из главных психологических подходов считается системный подход к изучению семьи. Этого направления придерживаются большинство современных отечественных и зарубежных исследователей, изучающих различные семейные феномены. Системный подход заявляет позицию, в соответствии с которой не существует правильных и неправильных моделей семьи, и при вынесении суждения о семейном здоровье необходимо опираться на два основных постулата: в семье должны существовать условия для удовлетворения потребностей ее членов; семья должна обладать способностью к модификации и развитию. Семья как система, по мнению,

С. Минухина и Ч. Фишмана [Минухин, Фишман, 1998] делится на три базовые семейные подсистемы: подсистема супружеской пары; подсистема родителей; подсистема детей (сестринская). Формирование подсистем происходит постепенно по мере прохождения семьей ее жизненного пути.

Необходимо отметить также, что семья в начале своего формирования представляет собой союз двух людей, изъявивших свою свободную волю при его заключении. Каждый из них несет в себе неповторимый жизненный опыт, уникальную, характерную только для него, структуру личностных характеристик, определенные жизненные позиции и мировоззрение. Следовательно, необходимо изучать семейную систему с позиций того, что особенности процессов, имеющих место внутри нее, будут находиться в прямой зависимости от характеристик субъектов, составляющих ее. Причем Ф.А. Мустаева [Мустаева, 2012] подчеркивает, что именно женщина является ведущим субъектом самоопределения семьи.

Современное общество переживает кризис, вызванный пандемией COVID-19, который, по мнению мирового научного сообщества, является серьезным вызовом человечеству, последствия которого будут определять его судьбу в ближайшем будущем. В настоящее время накоплен большой объем данных отечественных и зарубежных исследований о ситуации пандемии COVID-19, в которых объектом изучения является женщина, а предметом – изменение ее физических или психологических характеристик, психическое самочувствие, специфика профессиональной деятельности, особенности восприятия ситуации самоизоляции, отношения в семье и т.д. Так, «зонами повышенного внимания» исследователей являются следующие темы:

- Отношение к ситуации пандемии [Макарова, Цветкова, 2020; Hogan, Atta, Anderson et al., 2020; Wang, Tang, 2020; Caci, Miceli, Scrima et al., 2020];
- Поведенческая адаптация и поведенческие нарушения [Феденок, Буркова, 2020; Котова, 2020; Thompson, Fraser, Perez, 2020; Sampson, Ettman, Abdalla, 2021; Anderson, Stockman, 2021];
- Психологическое самочувствие [Сидячева, Губанов, Зотова, 2020; Логинова, Вишнякова, Наркевич, 2020; Gao, Sai, 2020; Nienhuis, Lesser, 2020];
- Психическое здоровье и психологические изменения личности [Ениколопов и др., 2020; Власенко, 2020; Быховец, Коган-Лернер, 2020; Almeida, Shrestha, Stojanac et al., 2020; Lee, Cadigan, Rhew, 2020];

- Проблема гендерного неравенства [Chen, Bougie, 2020; Carli, 2020; Johnston, Mohammed, van der Linden, 2020];
- Женское лидерство [Piscopo, 2020; Aldrich, Lotito, 2020; Bauer, Kim, Kweon, 2020; Funk, 2020];
- Трансформация условий трудовой деятельности [Utoft, 2020; Oakman, Kinsman, Stuckey, 2020; Gonzalez-Bernal, Santamaria-Pelaez, Gonzalez-Santos, 2020; da Costa Lemos, Barbosa, Monzato, 2020];
- Психологическое состояние женщины в пре- и постнатальном периодах [Molgora, Accordini, 2020; Gildner, Laugier, Thayer, 2020; Mortazavi, Mehrabadi, KiaeeTabar, 2021; Kumari, Ranjan, Sharma, 2021];
- Супружеские отношения и взаимодействие с детьми [Бонкало и др., 2020; Николаева, Дунаевская, Калабина, 2020; Ивченкова, 2020; Kroshus, Hawrilenko, Tandon, 2020; Reizer, Koslowsky, Geffen, 2020; Whiley, Sayer, Juanchich, 2021];
- Домашнее насилие [Sediri, Zgueb, Ouanes, 2020; Marques, de Moraes, Hasselmann, 2020; Gebrewahd, Gebremeskel, Tadesse, 2020; Fawole, Okedare, Reed, 2021].

Рассмотрев различные сферы поведения женщины в пандемию COVID-19, авторы обратили особое внимание на семейную сферу, выступающую в качестве социального капитала личности в ситуации угрозы и связанной с ней неопределенностью [Елисеева, 2020].

В исследовании Т.И. Бонкало, Т.Ю. Мариновой, С.В. Феоктистовой, С.В. Шмелевой были выявлены достоверные взаимосвязи между диадическими копинг-стратегиями супругов и их субъективным восприятием специфики изменения семейных отношений в период самоизоляции [Бонкало, Маринова, Феоктистова, Шмелева, 2020].

Изучением основных теоретических подходов к выделению причин супружеских конфликтов и форм супружеского насилия в условиях самоизоляции занималась М.А. Ивченкова. Автором были представлены следующие факторы самоизоляции, приводящие к росту напряженности в семьях: стресс в качестве условия психической напряженности; угроза здоровью; ограничение мобильности; уменьшение доходов; безработица и/или риск потери работы; ограничение разнообразия досуговой деятельности. Конфликты между супругами могут проявляться в разных формах и с разной интенсивностью, например, угроза, обвинение, оскорбление, физическое насилие [Ивченкова, 2020].

В работе А. Reizer, М. Koslowsky, L. Geffen рассматривалось влияние страха перед вирусом COVID-19 на симптомы стресса, самооценку здоровья и удовлетворенность браком у замужних израильских женщин с детьми. Результаты показали, что страх перед COVID-19 отрицательно связан с самооценкой здоровья и с удовлетворенностью браком, при этом он положительно связан с симптомами психологического стресса. Кроме того, психологический стресс опосредовал связь между страхом перед COVID-19 и феноменами самооценки здоровья и удовлетворенности браком [Reizer, Koslowsky, Geffen, 2020].

L. Whiley, H. Sayer, M. Juanchich в своем исследовании обратили внимание на работающих в Великобритании женщин-феминисток с детьми, которые, оказавшись в ситуации самоизоляции, обнаружили, что берут на себя роли, которые «расходятся» с их феминистской идентичностью. Авторы высказывают мнение о возникновении у таких женщин чувства вины перед собой от потери данной идентичности, поскольку в период пандемии сократилось их рабочее время, а многие матери вынуждены были совсем уйти с работы, чтобы заниматься детьми. Исследователи предлагают включить в феминистскую идентичность новую норму – «воспитание детей» как семейную ценность и социально-значимую «работу», поддерживаемую обществом [Whiley, Sayer, Juanchich, 2021].

Е.И. Николаева, Э.Б. Дунаевская, И.А. Калабина, изучая совокупность проблем, возникших у родителей при переходе школ на дистанционный формат обучения в связи с пандемией, определили, что высокое образование родителей, наличие компьютера и гаджетов выступают важными факторами, оказывающими позитивное влияние на процесс дистанционного обучения. Как правило, вследствие небольшого количества детей в таких семьях, взрослые оказывают им более действенную помощь, при этом такие родители быстрее осознают и эффективнее адаптируют для своего ребенка учебный материал [Николаева, Дунаевская, Калабина, 2020].

Е. Kroshus, M. Hawrilenko, P. Tandon выявляли планы американских родителей относительно очного обучения их детей, а также их связь с социально-экономическими характеристиками семьи и убеждениями родителей по поводу возвращения их детей к очной форме обучения. Мнения родителей относительно посещения школы их ребенком разделились поровну: половина семей готовы вернуть детей в школу, а половина – нет. К социально-экономическим факторам, связанным с планами родителей оставить детей дома, относятся: низкий доход, безработица, гибкий график работы. К факторам, связанным с убеждениями родителей относительно

посещения школы в период пандемии, авторы отнесли следующие: страх перед COVID-19, страх перед мультисистемным воспалительным синдромом, уровень доверия к школе, проблемы домашнего обучения. При этом расовая и этническая принадлежность не имели существенной связи с планами родителей оставить детей в формате домашнего обучения [Kroshus, Nawrilenko, Tandon, 2020].

Основываясь на обзоре работ отечественных и зарубежных исследователей, авторы сконструировали модель собственного исследования, включающую в себя два этапа: пилотный и основной. Целью пилотного исследования было выявление динамики изменений в сферах активности женщин в период самоизоляции с акцентом на семейную сферу. Основным этапом преследовалась цель изучения роли женщины в супружеской и детско-родительской диадах в период пандемии.

Выборка исследования

В пилотном исследовании (Нижний Новгород, май 2020) принимали участие 162 женщины в возрасте от 25 до 58 лет ($M=41,5$), из них: 119 респондентов (73,4 %) имеют мужа/партнера; 11 респондентов (6,7%) имеют совершеннолетних детей; 5 респондентов (3,1%) имеют детей дошкольного возраста, остальные – детей школьного возраста.

Метод исследования

Респонденты заполняли авторскую анкету по выявлению специфики их форм активности на самоизоляции пандемии в период COVID-19. Статистическая обработка полученных данных проводилась на основе программы SPSS 23.0 for Windows с использованием χ^2 -критерия Фишера.

Результаты исследования

На первом этапе исследования было составлено описание выборки по критерию возраста и критерию профессиональной деятельности (рис. 1, 2).

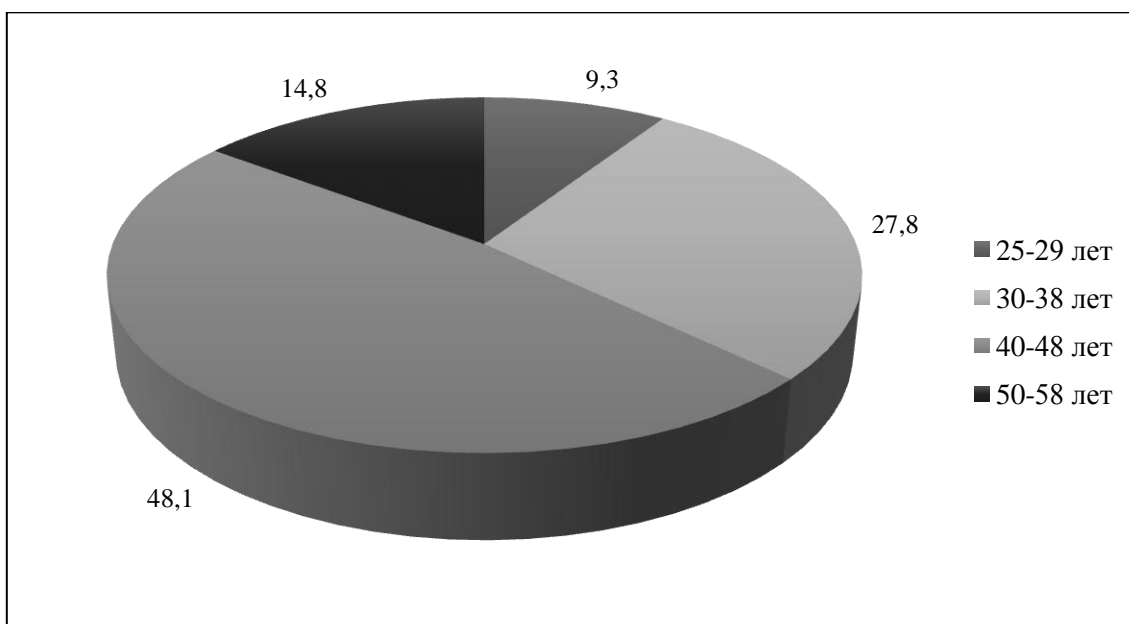

Рис. 1. Распределение выборки по возрасту, %

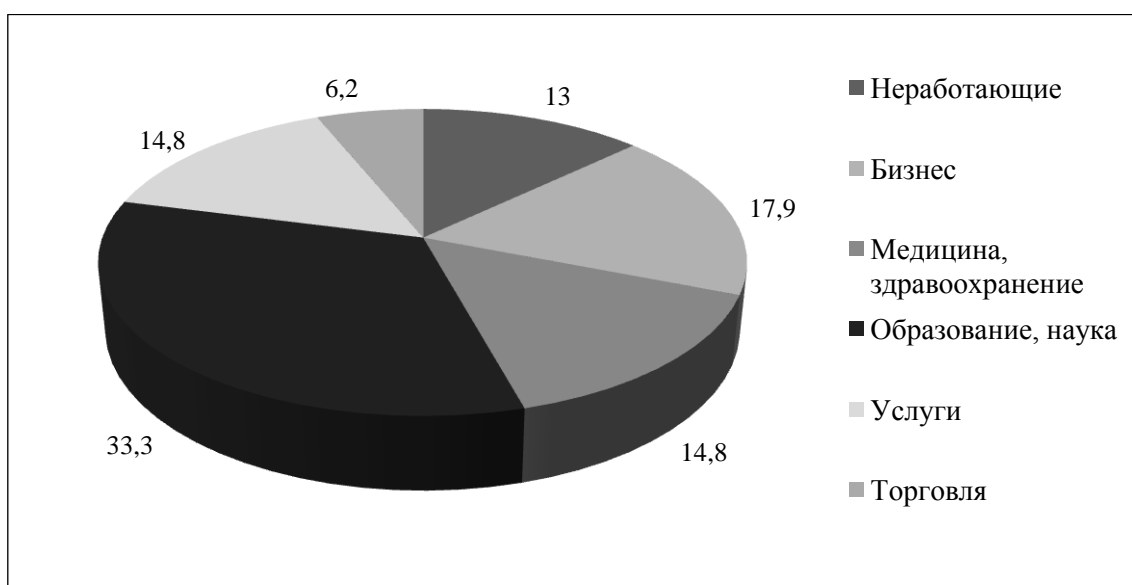
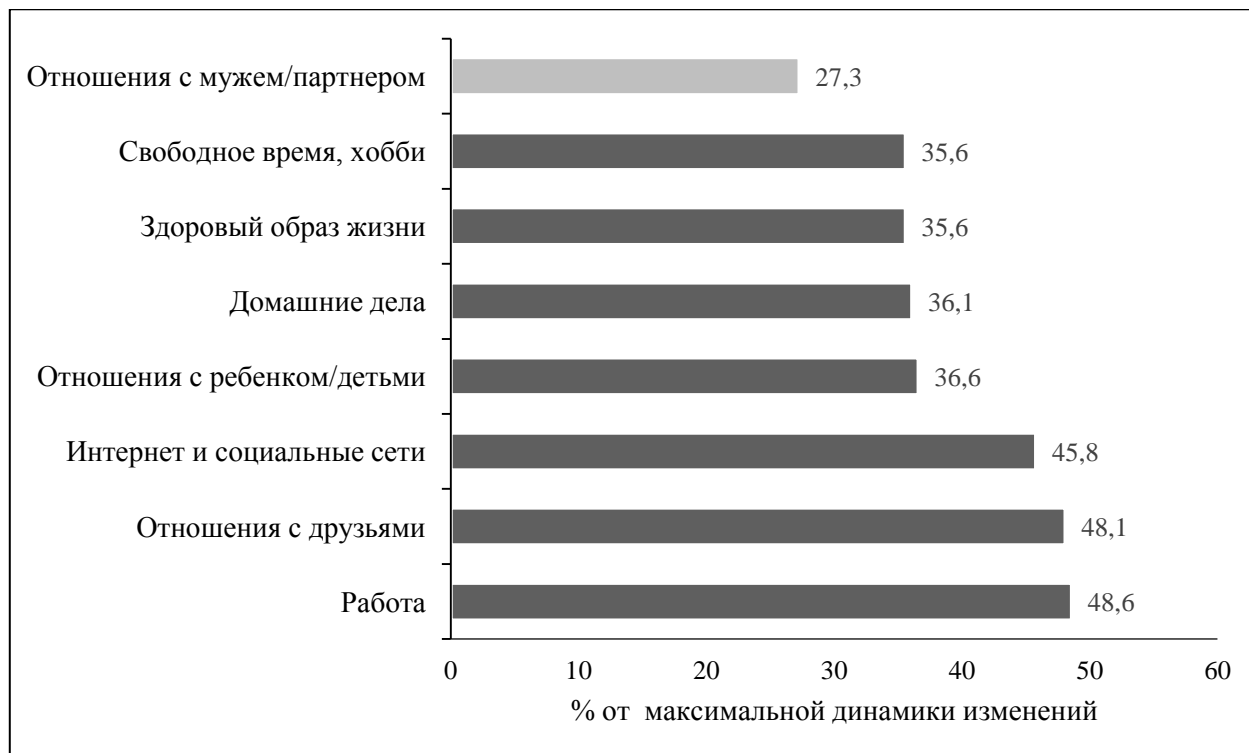

Рис. 2. Распределение выборки по профессиональной деятельности, %

Следует отметить, что в исследовании приняли участие женщины разного возраста, почти половину из которых составили женщины в возрасте 40–48 лет. Среди респондентов были как неработающие женщины, так и женщины, занятые в разных сферах деятельности: бизнес, медицина, здравоохранение, образование, наука, услуги, торговля. Около трети респондентов работают в образовательных и/или научных учреждениях.

Авторская анкета включала в себя перечень утверждений, сгруппированных по основным сферам активности женщины. Процесс заполнения анкеты состоял в том, что респонденты на основе самоанализа

своего поведения в период самоизоляции формировали положительный или отрицательный ответ на предложенное высказывание. В процессе обработки данных анкетирования были определены уровни динамика изменений в каждой из сфер активности (рис. 3).

Примечание: 0% – 33,3% низкий уровень динамики изменений;
 33,4% – 66,6% средний уровень динамики изменений;
 66,7% – 100% высокий уровень динамики изменений.

Рис. 3. Уровни динамики изменений в сферах активности женщин в период самоизоляции пандемии COVID-19, %

На основе самоотчетов женщин *низкий уровень* динамики изменений их активности был выявлен в сфере «Отношения с мужем/партнером». Это говорит о том, что кризисная ситуация самоизоляции не оказывает существенного влияния на изменение отношений женщины с мужем/партнером. Можно предложить следующие варианты интерпретации причин описанной ситуации. Во-первых, для семей с устойчивой функциональной системой супружеских/партнерских взаимоотношений самоизоляция не является пороговым фактором дестабилизации системы. Во-вторых, семьи с неустойчивой дисфункциональной системой супружеских/партнерских взаимоотношений в период самоизоляции не предпринимают попыток развития семейной структуры, упуская возможность

использования ресурсов ситуации. В-третьих, причиной данной ситуации может являться переключение внимания женщины со сферы «Отношения с мужем/партнером» на другие сферы ее активности.

Остальные сферы активности женщины характеризуются *средним уровнем* динамики изменений. Респонденты, анализируя свои отношения с детьми и друзьями, свое поведение в рабочее и свободное время, работу по дому, следование здоровому образу жизни и интернет-активность, отмечают изменения в этих сферах, но характер этих изменений – умеренный.

Высокий уровень динамики изменений активности респондентов в выделенных сферах не был обнаружен. Ситуации, когда женщины отмечают отсутствие «экстремальных» изменений в своем поведении и отношениях, говорят об их эмоциональной устойчивости, толерантности к неопределенности и адаптивности к кризисной ситуации.

Поскольку в пилотном исследовании был сделан акцент на семье, то особое внимание уделялось следующим сферам активности женщины: «Отношения с мужем/партнером» и «Отношения с детьми». В каждой из сфер был выделен ряд аспектов. Так, при изучении отношений женщины с мужем/партнером, рассмотрены: конфликты с мужем/партнером; перераспределение семейных обязанностей; выстраивание отношений с мужем/партнером; поддержка и внимание со стороны мужа/партнера (рис. 4).

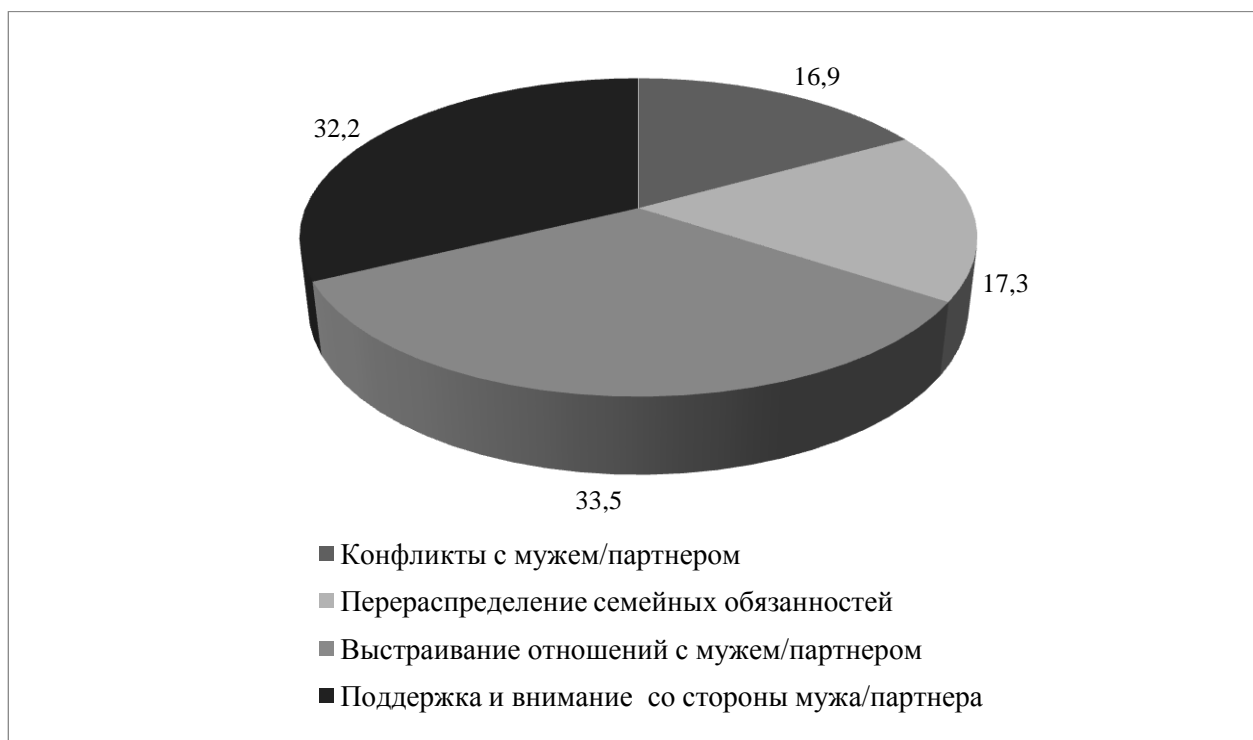

Рис. 4. Выраженность динамики изменений отдельных аспектов сферы «Отношения с мужем/партнером», %

Доминирующее влияние на общую динамику изменений активности женщин в сфере «Отношения с мужем/партнером» оказывают два аспекта: выстраивание отношений с мужем/партнером; поддержка и внимание со стороны мужа/партнера. При этом указанные аспекты достоверно ($p \leq 0,01$) отличаются от остальных. Полученный результат можно объяснить тем, что транзакции между женщиной и мужчиной в семье являются основным агентом изменений в супружеской диаде. Взаимное внимание выстраиванию отношений в период самоизоляции, возможно, позволило парам, в целом, сохранить прежний уровень конфликтности и радикально не менять схему распределения семейных обязанностей.

Анализируя отношения женщин с детьми, были рассмотрены такие аспекты как: времяпрепровождение с ребенком/детьми; оказание помощи ребенку/детям в связи с дистанционным обучением; недостаточность воспитательных навыков; конфликты с ребенком/детьми (рис. 5).

Рис. 5. Выраженность динамики изменений отдельных аспектов сферы «Отношения с ребенком/детьми», %

Результаты исследования продемонстрировали преобладание влияния времяпрепровождения с ребенком/детьми и оказания помощи ребенку/детям

в связи с дистанционным обучением на общую динамику изменений сферы активности женщины «Отношения с ребенком/детьми». При этом указанные аспекты достоверно ($p \leq 0,01$) отличаются от остальных. Ситуация самоизоляции «вынудила» женщину интенсивнее включиться в процесс взаимодействия с собственным ребенком/детьми, в том числе и в его школьное обучение в связи с введением системы дистанционного образования. Все это способствовало выстраиванию позитивных отношений матери с ребенком/детьми на фоне прежнего уровня конфликтогенности в детско-родительских отношениях. При этом необходимо заострить внимание на том факте, что респонденты не «ощутили» существенного недостатка воспитательных навыков при высокой вовлеченности в процесс взаимодействия с собственным ребенком.

Ситуация самоизоляции в период пандемии COVID-19 предопределила изменчивость поведения женщины в ее основных сферах активности. В ходе пилотного исследования был получен ряд данных, свидетельствующих о специфике этих изменений. Были выделены уровни динамики изменений в следующих сферах: «Работа», «Отношения с мужем/партнером», «Отношения с ребенком/детьми», «Отношения с друзьями», «Интернет и социальные сети», «Домашние дела», «Здоровый образ жизни», «Свободное время, хобби». Все обозначенные сферы показали средний уровень динамики изменений активности респондентов, кроме сферы «Отношения с мужем/партнером», которая оказалась на низком уровне. Высокий уровень динамики изменений активности женщин не был обнаружен ни в одной из представленных сфер. Низкий уровень динамики изменений в сфере «Отношения с мужем/партнером» можно объяснить различными вариантами характера супружеской/партнерской системы или переключением внимания женщины со сферы «Отношения с мужем/партнером» на другие сферы ее активности. Причиной отсутствия высокого уровня динамики изменений активности женщин, принявших участие в исследовании, выступают такие их личностные характеристики, как эмоциональная устойчивость, толерантность к неопределенности и адаптивность к кризисной ситуации самоизоляции.

В сферах «Отношения с мужем/партнером» и «Отношения с ребенком/детьми» были выделены наиболее значимые для их общей динамики аспекты, которые показали важность процесса коммуникации в обеих подструктурах семейной системы – супружеской и детско-родительской.

Самоизоляция, являясь кризисной ситуацией, может актуализировать личностные ресурсы членов семьи, что приводит к росту функциональности семейной структуры. Результаты пилотного исследования могут быть

полезны при разработке программ развития и поддержки семьи в посткарантинный период, закрепляя позитивные и корректируя негативные последствия самоизоляции.

Литература

1. Бонкало Т.И., Маринова Т.Ю., Феоктистова С.В., Шмелева С.В. Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 35–50.
2. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской Академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2 (18). С. 29–308.
3. Власенко А.И. Психологические изменения состояния личности в депривационных условиях режима самоизоляции // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 4. С. 88–103.
4. Елисеева Н.Д. Семья как социальный капитал личности в эпоху пандемии // Человеческий капитал. 2020. № 10 (142). С. 132–144.
5. Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 2. С. 108–126.
6. Ивченкова М.А. К вопросу о влиянии режима самоизоляции в условиях пандемии на обострение супружеских конфликтов // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). С. 38–41.
7. Котова Е.В. COVID-19: профилактика поведенческих и эмоциональных нарушений // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Том 8. № 3. С. 28–42.
8. Логинова И.О., Вишнякова Н.Н., Наркевич А.Н. Психологические реакции людей с различной устойчивостью жизненного мира в период пандемии COVID-19 // Сибирское медицинское обозрение. 2020. № 6 (126). С. 101–107.
9. Макарова Е.Ю., Цветкова Н.А. Психологические особенности реакций на стресс, обусловленный режимом самоизоляции в период пандемии COVID-19 // E-SCIO. 2020. № 10 (49). С. 145–157.
10. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии / пер. с англ. А.Д. Иорданского. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 304 с.

11. Мустаева Ф.А. Самоопределение семьи в условиях трансформации российского общества: автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Екатеринбург, 2012. 41 с.
12. Николаева Е.И., Дунаевская Э.Б., Калабина И.А. Факторы, влияющие на успешность поддержки родителями детей при дистанционном обучении // Комплексные исследования детства. 2020. Том 2. № 4. С. 235–245.
13. Сидячева Н.В., Губанов А.В., Зотова Л.Э. Социально-психологические детерминанты психологического самочувствия в период пандемии COVID-19: данные международного исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 82–98.
14. Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40.
15. Aldrich A.S., Lotito N.J. Pandemic Performance: Women Leaders in the COVID-19 Crisis // *Politics & Gender*, 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 960–967.
16. Almeida M., Shrestha A.D., Stojanac D. and etc. The impact of the COVID-19 pandemic on women's mental health // *Archives Of Womens Mental Health*, 2020. Vol. 23. No. 6. Pp. 741–748.
17. Anderson K.M., Stockman J.K. Staying Home, Distancing, and Face Masks: COVID-19 Prevention among US Women in The COPE Study // *International Journal Of Environmental Research And Public Health*, 2021. Vol. 18. No. 1.
18. Bauer N.M., Kim J.H., Kweon Y. Women Leaders and Policy Compliance during a Public Health Crisis // *Politics & Gender*, 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 975–982.
19. Caci B., Miceli S., Scrima F. and etc. Neuroticism and Fear of COVID-19. The Interplay Between Boredom, Fantasy Engagement, and Perceived Control Over Time // *Frontiers In Psychology*, 2020. Vol. 11 (early access).
20. Carli L.L. Women, Gender equality and COVID-19 // *Gender In Management*, 2020. Vol. 35. No. 7. Pp. 647–655.
21. Chen I., Bougie O. Women's issues in pandemic times: Gender inequity exacerbated for women in Canada and around the world as a result of COVID-19 // *Journal Of Obstetrics And Gynaecology Canada*, 2020. Vol. 42. No. 12. Pp. 1460–1462.
22. Da Costa Lemos A.H., Barbosa A.O., Monzato P.P. Women In Home Office During The COVID-19 Pandemic And The Work-Family Conflict Configurations // *Rae-Revista De Administracao De Empresas*, 2020. Vol. 60. No. 6. Pp. 388–399.
23. Fawole O.I., Okedare O.O., Reed E. Home was not a safe haven: women's experiences of intimate partner violence during the COVID-19 lockdown in Nigeria // *BMC Womens Health*, 2020. Vol. 21. No. 1. (early access).

24. Funk K.D. Local Responses to a Global Pandemic: Women Mayors Lead the Way // *Politics & Gender*, 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 968–974.
25. Gao G., Sai L. Towards a 'virtual' world: Social isolation and struggles during the COVID-19 pandemic as single women living alone // *Gender Work And Organization*, 2020. Vol. 27. No. 5. Pp. 754–762.
26. Gebrewahd G.T., Gebremeskel G.G., Tadesse D.B. Intimate partner violence against reproductive age women during COVID-19 pandemic in northern Ethiopia 2020: a community-based cross-sectional study // *Reproductive Health*, 2020. Vol. 17. No. 1. (early access).
27. Gildner T.E., Laugier E.J., Thayer Z.M. Exercise routine change is associated with prenatal depression scores during the COVID-19 pandemic among pregnant women across the United States // *Plos One*, 2020. Vol. 15. No. 12. (early access).
28. Gonzalez-Bernal J.J., Santamaria-Pelaez M., Gonzalez-Santos J. and etc. Relationship of Forced Social Distancing and Home Confinement Derived from the COVID-19 Pandemic with the Occupational Balance of the Spanish Population // *Journal Of Clinical Medicine*, 2020. Vol. 9. No. 11. (early access).
29. Hogan C., Atta M., Anderson P. and etc. Knowledge and attitudes of us adults regarding COVID-19 // *International Journal Of Emergency Medicine*, 2020. Vol. 13. No. 1. (early access).
30. Johnston R.M., Mohammed A., van der Linden C. Evidence of Exacerbated Gender Inequality in Child Care Obligations in Canada and Australia during the COVID-19 Pandemic // *Politics & Gender*, 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 1131–1141.
31. Kroshus E., Hawrilenko M., Tandon P.S. and etc. Plans of US Parents Regarding School Attendance for Their Children in the Fall of 2020: A National Survey // *Jama Pediatrics*, 2020. Vol. 174. No. 11. Pp. 1093–1101.
32. Kumari A., Ranjan P., Sharma K.A. Impact of COVID-19 on psychosocial functioning of peripartum women: A qualitative study comprising focus group discussions and in-depth interviews // *International Journal Of Gynecology & Obstetrics*, 2021. Vol. 152. No. 3. Pp. 321–327.
33. Lee C.M., Cadigan J.M., Rhew I.C. Increases in Loneliness Among Young Adults During the COVID-19 Pandemic and Association With Increases in Mental Health Problems // *Journal Of Adolescent Health*, 2020. Vol. 67. No. 5. Pp. 714–717.
34. Marques E.S., de Moraes C.L., Hasselmann M.H. and etc. Violence against women, children, and adolescents during the COVID-19 pandemic: overview, contributing factors, and mitigating measures // *Cadernos De Saude Publica*, 2020. Vol. 36. No. 4. (early access).

35. Molgora S., Accordini M. Motherhood in the Time of Coronavirus: The Impact of the Pandemic Emergency on Expectant and Postpartum Women's Psychological Well-Being // *Frontiers In Psychology*, 2020. Vol. 11. (early access).
36. Mortazavi F., Mehrabadi M., KiaeeTabar R. Pregnant women's well-being and worry during the COVID-19 pandemic: a cross-sectional study // *BMC Pregnancy And Childbirth*, 2021. Vol. 21. No. 1. (early access).
37. Nienhuis C.P., Lesser I.A. The Impact of COVID-19 on Women's Physical Activity Behavior and Mental Well-Being // *International Journal Of Environmental Research And Public Health*, 2020. Vol. 17. No. 23. (early access).
38. Oakman J., Kinsman N., Stuckey R. and etc. A rapid review of mental and physical health effects of working at home: how do we optimise health? // *BMC Public Health*, 2020. Vol. 20. No. 1. (early access).
39. Piscopo J.M. Women Leaders and Pandemic Performance: A Spurious Correlation // *Politics & Gender*, 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 951–959.
40. Reizer A., Koslowsky M., Geffen L. Living in fear: The relationship between fear of COVID-19, distress, health, and marital satisfaction among Israeli women // *Health Care For Women International*, 2021. Vol. 1. No. 1. (early access).
41. Sampson L., Ettman C.K., Abdalla S.M., Lane K.J., Galea S. Financial hardship and health risk behavior during COVID-19 in a large US national sample of women // *SSM - Population Health*, 2021. Vol. 13. No. 1. (early access).
42. Sediri S., Zgueb Y., Ouanes S. and etc. Women's mental health: acute impact of COVID-19 pandemic on domestic violence // *Archives Of Womens Mental Health*, 2020. Vol. 23. No. 6. Pp. 749–756.
43. Thompson J.A., Fraser S.L., Perez R.M. Girls and Young Women Negotiate Wellbeing during COVID-19 in Quebec // *Girlhood Studies-An Interdisciplinary Journal*, Vol. 13. No. 3. Pp. 48-63.
44. Utoft E.H. All the single ladies' as the ideal academic during times of COVID-19? // *Gender Work And Organization*, 2020. Vol. 27. No. 5. Pp. 778–787.
45. Wang G., Tang S. Perceived psychosocial health and its sociodemographic correlates in times of the COVID-19 pandemic: a community-based online study in China // *Infectious Diseases Of Poverty*, 2020. Vol. 9. No. 1. (early access).
46. Whiley L.A., Sayer H., Juanchich M. Motherhood and guilt in a pandemic: Negotiating the "new" normal with a feminist identity // *Gender Work And Organization*, 2021. Vol. 1. No. 1. (early access).

ГЛАВА 11. ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ, ВЫЗВАННОЙ ПАНДЕМИЕЙ COVID-19: ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Представлены результаты исследования, посвященного восприятию женщинами условий вынужденной домашней самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19. Основной гипотезой исследования явилось предположение о том, что ситуация самоизоляции затронула ключевые стороны жизненного уклада российских женщин и их семей, и влияние это имело преимущественно негативный характер. Результаты исследования продемонстрировали противоречивость и неоднозначность восприятия женщинами сложившейся ситуации: с одной стороны – общие тревожные настроения, опасения за будущее семьи и экономики страны в целом, жалобы на материальные трудности, трудности в новых условиях труда и быта, осложнения в семейных отношениях, с другой стороны – российские женщины проявили терпимость в отношении временных сложностей, нового формата удаленной работы, ответственно отнеслись к соблюдению режима самоизоляции. Но, несмотря на некоторую долю оптимизма в ответах респонденток, более половины опрошенных в целом демонстрируют негативные и пессимистические настроения.

Ключевые слова: жизненный уклад, социальная изоляция, самоизоляция, коронавирусная инфекция, пандемия, семья, система ценностей.

Как известно, человек – существо социальное. Вся его жизнь протекает в тесном взаимодействии с другими членами общества, с социумом. С самого детства человек учится жить в обществе, коммуницировать с другими людьми, воспринимает ценность живого человеческого общения. Этот процесс взаимодействия с внешним миром и с ближайшим окружением оказывает ключевое влияние на всю жизнь человека, во многом определяя его жизненный уклад.

Однако в силу определенных причин может сложиться ситуация, следствием которой станет изоляция человека от широкого социального окружения, будут прерваны непосредственные контакты с отдельными членами семьи, друзьями и другими референтными для личности группами. Чаще всего такие ситуации индивидуальны и касаются отдельного человека и его ближайшего окружения (например, тюремное заключение или долгосрочная дальняя командировка). Но, как показала современная действительность, внезапно может возникнуть необходимость существенно

ограничить или совсем прекратить многие социальные контакты подавляющему большинству населения планеты. Такой причиной стала угроза распространения по всему миру в 2020 году вируса COVID-19.

В попытках остановить набирающую силы пандемию правительства разных стран, в том числе и России, принимали различные меры государственного регулирования для контроля за эпидемиологической ситуацией, сопряженные с ограничением социальных контактов граждан: введение карантинных мероприятий, режима самоизоляции, режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Люди, оказавшиеся в силу обстоятельств в подобной, абсолютно новой для себя реальности, были вынуждены существенным образом перестроить свою привычную жизнь, изменив сложившийся годами ежедневный уклад. При этом необходимо отметить, что психологическая адаптация личности к новым условиям – динамичное явление, проходящее в своем функционировании ряд стадий, последовательность и продолжительность разворачивания которых будет различна в зависимости от гендерных особенностей, присущим мужчинам и женщинам соответственно. Можно предположить, что именно на женщину лягут основные трудности адаптации, и именно на ее жизненном укладе в большей степени отразятся изменения, вызванные необходимостью ограничения контактов ближайшего окружения пределами дома и семьи в ситуации самоизоляции.

В социологии и смежных науках сложно найти определение термина «самоизоляция», так как само по себе явление достаточно новое. В Википедии и на различных сайтах информационных агентств присутствует практически единственное определение самоизоляции – «комплекс ограничительных мер для населения, которые вводит правительство на определенный срок для борьбы с распространением опасного заболевания» [Что значит режим самоизоляции для всех с юридической точки зрения, 2020].

Близким по смыслу должно быть значение термина «социальная изоляция». В Новейшем социологическом словаре [Новейший социологический словарь, 2010] читаем следующее определение: «социальная изоляция – это социальное явление, при котором происходит отторжение индивида или социальной группы от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимоотношений». Наиболее близкой к изучаемой ситуации является такая разновидность социальной изоляции как изоляция физическая, когда человек «не имеющий возможности (желания) личной

встречи свободно общается через технические средства связи – телефон, почту, Интернет». По критерию инициатора изоляции в данном случае имеет место, с одной стороны – добровольная изоляция, которая, как правило, «происходит под действием двух факторов: 1) по собственному желанию или убеждению [Арефьев, Лисовенко, 1995]; 2) из-за влияния субъективных факторов», с другой – изоляция принудительная, так как такой вид изоляции активно пропагандируется и контролируется государством, в отдельных случаях даже предусматриваются наказания за его нарушение.

Если тема индивидуальной принудительной, например, существование человека в условиях одиночного тюремного заключения [Лапшин, 2007; Човдырова, 2000; Scharff, 2009], или добровольной социальной изоляции девиантной личности [Ishikawa, 2006; Teo et al., 2015; Кляйненберг, 2014] является достаточно изученной как в отечественной, так и в зарубежной, чаще всего психологической, литературе, то явлению так называемой групповой изоляции посвящено значительно меньшее количество работ. Так, на настоящий момент, специальных научных работ, посвященных социально-психологическим особенностям изолированных групп и коллективов, не имеется. Многие вопросы, относящиеся к компетенции социальной психологии, рассматривались авторами на фоне психофизиологических или медико-биологических разработок проблемы в конкретных условиях групповой изоляции. В таких работах содержится интересный фактический материал, который, однако, носит преимущественно описательный характер, поскольку, как правило, основан на данных невключенного наблюдения [Хрящева, 2000; Широкова, 1983; Волков и др., 1976].

В социологической и психологической литературе советского периода можно встретить описания совместной деятельности и психологического взаимодействия групп людей, работающих в относительной изоляции вахтовым методом (например, полярников [Баженова, 1974; Борискин, 1973; Бундзел, 1972], сотрудников высокогорных гидрометеостанций [Бизюк, 1979], космонавтов [Горбов, 1964], экипажей морских судов [Вересоцкий, Парохин, 1986; Богатина, Гладкова, 1973; Еремеева, 1986]); популярная и достаточно изученная тема – групповая изоляция в воспитательных и исправительных колониях, иных местах лишения свободы [Маслов, 1970; Cochran, Mears, 2013].

В 60-х годах прошлого века учеными в лабораторных условиях осуществлялись эксперименты, посвященные изучению взаимного сосуществования малых групп в замкнутом пространстве [Горбов, 1966, 1964; Горбов и др., 1963]. В ходе исследований ученые выявили особенности

динамики групповых процессов, характерные для условий длительной изоляции, такие как неустойчивость и нестабильность отношений, увеличение конфликтности, обострение потребности в уединении, повышение роли неформального общения [Новиков, 1981; Китаев-Смык, 1977; Дикая и др., 1985]. Были выдвинуты экспериментально обоснованные рекомендации по комплектованию психологически совместимых малых групп [Гришина, 1980].

Современной ситуации самоизоляции также присущи вышеперечисленные негативные групповые процессы. В то же время присутствуют и значимые отличительные особенности. Сегодня самоизоляция происходит: а) добровольно-принудительно; б) в пределах собственного дома (квартиры); в) как правило, в семейном окружении; в) с возможностью использования сети Интернет (что определяет дополнительную специфику ситуации). Каков характер влияния этих особенностей на самочувствие людей и их жизненный уклад в условиях самоизоляции – тема совершенно новая и неизученная.

Для человека сам факт пребывания в условиях самоизоляции – значимый стимул модификации его поведения, поскольку, будучи оторванными от привычной социальной среды, люди вынуждены приспособливаться к иным социальным условиям. Но далеко не каждый человек способен быстро (а иногда вообще не способен) адаптироваться к условиям изоляции по многим причинам – одной из них могут являться гендерные особенности.

Еще одна важная категория, понимание содержания которой необходимо для целей нашего исследования – это «жизненный уклад». Применительно к семье (а не к обществу в целом) можно использовать следующее определение: «Жизненный уклад – это набор действий и ценностей, которые выстраивают жизнь домочадцев в целостную систему. В систему, которая направлена на сохранение здоровья членов семьи, их позитивный настрой, материальное благополучие» [Ивановская, 2019]. Традиционно именно женщине принадлежит ведущая роль в организации жизненного уклада в семье.

В целом, ситуация с пандемией коронавируса достаточно уникальна – в последний раз человечество сталкивалось с эпидемиями такого масштаба более 100 лет назад. Поэтому особенности поведения женщин, оказавшихся в условиях абсолютно новой, незнакомой современному обществу ситуации вынужденной самоизоляции, являются практически неизученными, как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Таким образом, основная цель данной работы – исследование восприятия женщинами условий самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19, и произошедших изменений в различных сферах их жизненного уклада.

Выдвижение гипотезы исследования

Основной гипотезой исследования явилось предположение о том, что ситуация самоизоляции, вызванная COVID-19, затронула различные стороны жизненного уклада российских женщин, при этом наибольшие трансформации произошли в сферах рабочих и семейных отношений.

Первой гипотезой стало предположение, что информатизация и цифровизация современного общества, открывающие новые возможности, применительно к условиям самоизоляции, послужат стимулом как для саморазвития российских женщин, так и толчком к освоению технологий удаленной работы. В то же время, все это приведет к неумеренному потреблению Интернет-контента и, как следствие, к увеличению количества времени, проводимого женщинами в социальных сетях.

Второе предположение связано с возможным ухудшением материального положения многих женщин, что станет серьезным поводом принять меры для стабилизации уровня семейных финансов.

Другими гипотезами исследования стали предположения о том, что в условиях самоизоляции изменится структура расходов в российских семьях, в частности, возрастут расходы на еду и онлайн-сервисы; возможно, увеличится потребление табака и алкоголя, что приведет к распространению вредных привычек и нездорового образа жизни. Что же касается спорта и ЗОЖ, то, по нашему мнению, количество их приверженцев уменьшится; некоторыми гигиеническими и бытовыми привычками россиянки станут пренебрегать как необязательными в условиях самоизоляции.

В контексте семейных отношений *гипотеза* была следующей: анализируя опыт западных стран, которые были затронуты пандемией раньше, чем Россия [Ясеницкая и др., 2020], мы предположили, что самоизоляция окажет пагубное влияние на морально-психологический климат и партнерские отношения в семьях опрошенных и приведет к росту числа разводов и случаев семейного насилия [Побочный эффект карантина и самоизоляции: участились случаи семейного насилия, избиений, убийств, 2020; Разводы, свадьбы и – насилие: что карантин вносит в жизнь самоизолированных, 2020].

Методология и организация исследования

Сбор эмпирических данных осуществлялся методом онлайн-анкетирования. Анкета содержала 69 вопросов преимущественно закрытого типа при наличии открытых вопросов. Общее количество полученных анкет – 402, пригодных к обработке – 384. Анкетирование было проведено во время действия в России режима самоизоляции – с 18 по 28 марта 2020 г. В опросе приняли участие женщины из трех самых сложных (многочисленных на тот момент), с точки зрения количества зарегистрированных больных коронавирусом регионов: 1) Москва и Московская область; 2) Санкт-Петербург и Ленинградская область; 3) Нижегородская область (по данным на 17.04.2020) [Карта распространения коронавируса COVID-19 в России, 2020].

Полученную выборку можно описать следующим образом:

Наиболее многочисленными по возрасту оказались три группы ответивших: 21-30 лет (30%), 31-40 лет (30%), 41-50 лет (30%). Две группы (более младшего и старшего возраста) менее представительны: 16-20 лет (6%), старшие возрастные группы (3%).

Большинство участвовавших в опросе женщин имеют высшее образование (64%). Состоят в официальном браке 39%, 31% – никогда не состояли в браке, состоят в незарегистрированном браке – 16%, разведены – 13% женщин. В Московской области (в т.ч. в Москве) проживают 35% опрошенных женщин, в Ленинградской области (в т.ч. в Санкт-Петербурге) – 33%, в Нижегородской области (в т.ч. в Нижнем Новгороде) – 30%. Постоянно в городах-миллионниках проживают 83% респонденток.

Более половины женщин (59%) постоянно проживают с мужем (партнером), 44% – с детьми, 27% – с родителями, 8% живут в одиночестве. Один несовершеннолетний ребенок есть у 27% ответивших, два – у 8%. У 17% женщин есть один совершеннолетний ребенок, проживающий с ними (как правило, в возрасте до 25 лет).

Результаты исследования

Условия самоизоляции. В ситуации самоизоляции большинство женщин оказалось в городах-миллионниках (73%). Это на 10% меньше, чем до самоизоляции. В период самоизоляции незначительно поменялся состав домохозяйств: проживающие с мужем (партнером) – 55% (до самоизоляции

59%), с детьми – 44% (без изменений), с родителями 32% (до самоизоляции 27%), в одиночестве (без изменений) – 8% (рис. 1).

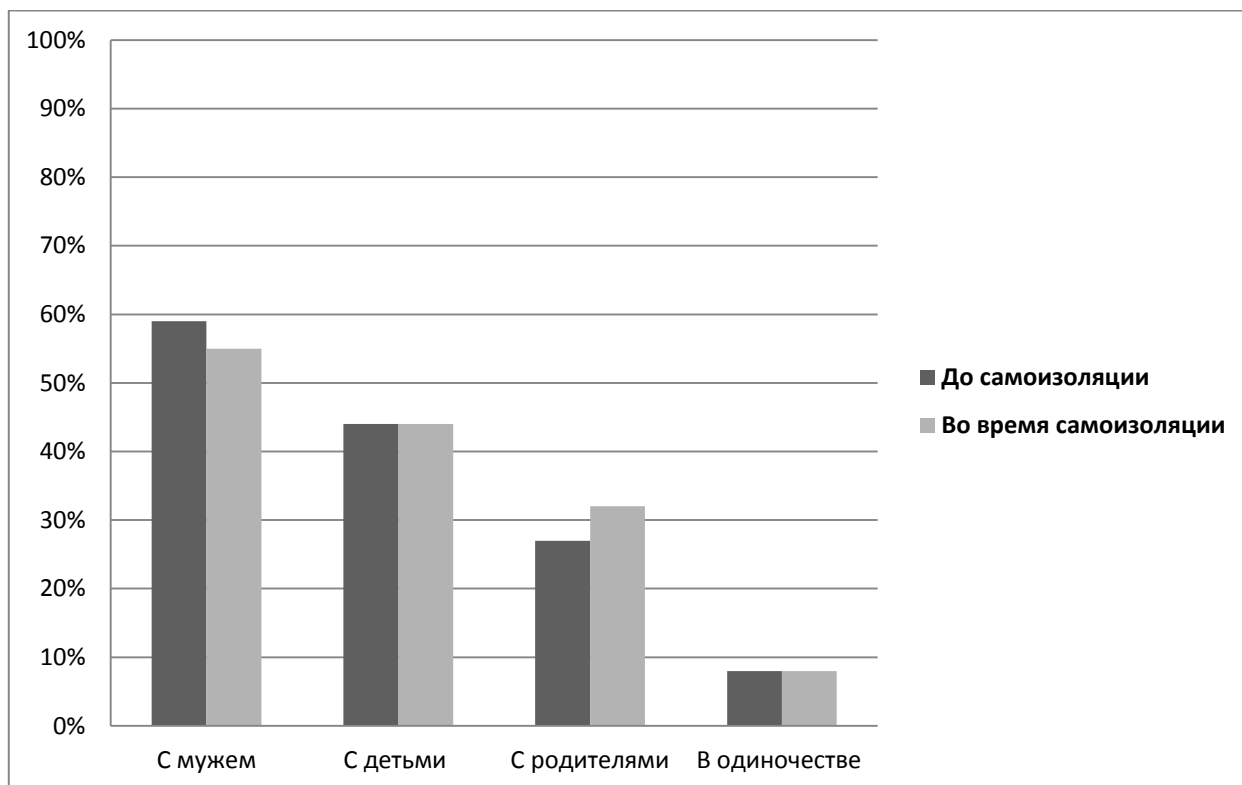

Рис. 1. Ближайшее окружение женщин до самоизоляции и в период самоизоляции, %

Этот факт позволяет выдвинуть предположение о том, что в самоизоляцию часть респонденток отправилась в менее населенные пункты (к родителям, родственникам, друзьям, на дачу), взяв с собой детей и оставив супругов (партнеров) в большом городе, что вполне оправдано. Мотивами такого переезда на период самоизоляции были названы следующие: в больших городах заразиться коронавирусом гораздо проще; детям лучше быть на «природе»; нужно помочь родителям (хотя по факту часто происходит наоборот); жизнь в «деревне» дешевле и т.д. Что же касается соблюдения режима самоизоляции, то большая часть опрошенных относится к ситуации необходимости самоизоляции ответственно и выходит из дома только за продуктами, в аптеку и погулять с животными (71%). Это как раз те женщины, которые остались в городах-миллионниках.

В целом, в ситуации необходимости продолжительной самоизоляции наличие загородной недвижимости существенным образом смягчает этот режим. По данным риэлторов, в связи с пандемией, значительно поднялся спрос, а с ним и цены на аренду загородных домов и покупку дачных

участков [Эксперты зафиксировали резкий рост спроса на дачи и загородные дома, 2020]. Очевидно, что спрос на земельные участки будет продолжать расти и по другой причине. Ситуация с коронавирусом негативно скажется на экономической ситуации, что приведет к росту безработицы, и свой урожай для части населения станет одним из немногих реальных способов прокормить семью. В пользу наличия загородной недвижимости говорит и тот факт, что никто не застрахован от повторения подобных ситуаций с необходимостью самоизоляции в дальнейшем, а перевод значительной части работников на удаленную работу (о чем речь пойдет далее) дает возможность выполнять свою работу, не находясь в городе. Отсюда еще одно побочное явление, вызванное режимом самоизоляции – рост спроса на подключение Интернета в удаленных населенных пунктах [В регионах зафиксировали рост спроса на услуги мастеров на дому в условиях самоизоляции, 2020].

Более трети женщин (38%) отметили, что в период самоизоляции в их жизни произошли существенные изменения, еще 15% охарактеризовали произошедшие изменения как кардинальные, в то время как 40% назвали изменения, происходящие в их жизни в связи с самоизоляцией, незначительными.

Отметим, что «кардинальность» изменений – категория достаточно субъективная, ее изучению можно посвятить отдельное исследование, также как и восприятию самой ситуации с коронавирусом как действительно опасной. В рамках исследования женщин спросили о том, когда ситуация с коронавирусом стала вызывать у них опасения. Именно после введения Правительством режима самоизоляции треть опрошенных (29%) впервые обратили серьезное внимание на ситуацию с коронавирусом, 12% забеспокоились, когда инфекция стала распространяться по всему миру, 10% – когда услышали о первых случаях заражения в России, 9% – когда эту ситуацию в мире объявили пандемией. Еще у 11% ситуация с коронавирусом на момент исследования не вызывала серьезных опасений (рис. 2).

Время показало, что опасения были не беспочвенными, и до конца 2020 года большинство семей, так или иначе, столкнулись с болезнью.

Рис. 2. События, послужившие триггерами к началу серьезных опасений из-за ситуации с коронавирусом, %.

Распределение времени. В целом, более половины женщин отметили, что свободного времени в период самоизоляции у них стало больше, у четверти опрошенных его стало меньше. Среди наиболее часто называемых причин увеличения количества свободного времени названы: отсутствие необходимости ходить на работу/учебу, тратить время на сборы и дорогу, возможность параллельно выполнять рабочие и домашние дела. Невозможность посещать спортзал и встречаться с друзьями также увеличивает количество свободного времени.

Изучение количественного выражения изменений распределения времени не вызвало удивления в части очевидного существенного сокращения количества времени, которое раньше отводилось прогулкам и встречам с родственниками, друзьями и знакомыми в период самоизоляции. Однако дальнейший анализ данных не подтвердил по ряду аспектов выдвинутых предположений: 1) воспользовавшись увеличением количества свободного времени женщины смогут наконец-то уделить внимание себе, заняться спортом, уходом за собой, заняться саморазвитием, прослушать интересующие вебинары и пройти тренинги, уделить внимание домашнему хозяйству или даже сделать ремонт; 2) так как вся семья находится дома,

женщинам приходится тратить гораздо больше времени на приготовление еды, домашние дела и занятия с детьми, особенно школьного возраста, и на все это накладывается необходимость удаленной работы.

Второе предположение подтвердилось частично: женщины стали тратить существенно больше времени на обучение детей или приготовление еды. Что же касается первого предположения, женщины не стали посвящать больше времени учебе или саморазвитию, ведению домашних дел, подсобного хозяйства, ремонту и обустройству жилья, они стали менее продолжительное время заниматься спортом и уделять время уходу за собой. Однако при этом женщины стали дольше «сидеть» в социальных сетях, смотреть телевизор и спать днем.

Таким образом, самоизоляция не явилась для многих женщин мотиватором активной деятельности – скорее, наоборот, она привела к распространению пассивного образа жизни, лени и апатии. Самоизоляция – новое явление, и его психологическая составляющая и последствия для психики пока мало изучены. Вероятно, многим женщинам пригодилась бы в этой ситуации помощь специалиста-психолога.

Работа. Среди опрошенных женщин не работают 16%. Остальные 84% работающих женщин являются преимущественно наемными работниками (71%), работают на себя или имеют свой бизнес 7%. Основные сферы деятельности – образование и здравоохранение (30%), розничная и оптовая торговля (13%), производство (7%).

В результате введения в стране режима самоизоляции никаких изменений на работе не произошло у 21% опрошенных женщин, 42% были переведены на удаленную работу (большинство – из сферы образования), еще 10% стали работать удаленно, но периодически посещали свое рабочее место. Таким образом, более половины опрошенных стали работать удаленно. Удаленная работа – новое явление для российских трудовых отношений: 54% ответивших женщин никогда до этого не работали удаленно, 27% – приходилось делать это иногда, и лишь 15% – часто или постоянно работают удаленно. Пока сложно объективно оценить последствия такого внезапного и обширного перехода на удаленную работу, но очевидно, что ситуация с коронавирусом способствовала распространению этого нового формата трудового взаимодействия, и в будущем он будет только развиваться.

Вопрос о том, нравится ли женщинам работать удаленно, вызвал максимальное количество сложностей с ответом – 18% не смогли определиться. При этом 31% женщин определенно нравится удаленная

работа, 21% – не нравится, еще 10% никогда не работали удаленно, но хотели бы попробовать.

При ответе на вопрос о том, хотели бы женщины, начавшие работать удаленно в период самоизоляции, продолжить работу в таком формате, мнения разделились: 33% – не хотят продолжать работать удаленно, 17% – хотят, и 18% затруднились ответить. По-видимому, на момент исследования, некоторым женщинам понравилась удаленная работа в виде краткосрочного опыта, но в дальнейшем они предпочли бы вернуться к привычному формату трудовой деятельности.

Рис. 3. Сложности с удаленной работой, %

Женщины, которые уже успели поработать удаленно, смогли сформулировать основные сложности, с которыми они столкнулись (рис. 3): 33% отметили, что границы рабочего дня стали размытыми, 29% – не хватает живого общения, они скучают по коллективу, в 20% случаев мешают работать члены семьи. Отмечены и менее значимые сложности: на работу уходит больше времени (18%), сложно эффективно распределить время между работой и домашними делами (16%), много информации осталось в рабочем компьютере (15%), недостаточно техники для всех членов семьи (10%). Никаких сложностей не возникло у 13% женщин.

Женщинами были отмечены основные преимущества удаленной работы (рис. 4): не нужно тратить время на сборы и дорогу на работу (52%), можно высыпаться (41%), не нужно нести расходы, связанные с работой (38%).

У 23% появилось больше личного свободного времени, и у стольких же – возможность провести больше времени с семьей. Менее значимые преимущества: можно более эффективно использовать свое время (13%), не нужно очно встречаться с коллегами и начальством (10%).

Рис. 4. Преимущества удаленной работы, %

В целом, распространение удаленной работы способно в недалеком будущем привести к возникновению совершенно иной, отличной от классической, модификации социально-трудовых отношений, без традиционных работодателей и работников, их союзов и объединений, без привычных форматов взаимодействия. Государству предстоит выработать соответствующую регулирующую и правовую базу, к чему уже предприняты определенные шаги.

Материальное положение. Материальное положение женщин до наступления режима самоизоляции можно было считать вполне достойным. Так, лишь у пятой части опрошенных женщин до ситуации, вызванной вспышкой коронавирусной инфекции, деньги имелись только на самое необходимое, большинство (79%) испытывали трудности только при покупке товаров длительного пользования или недвижимости, а 6% женщин и вовсе ни в чем себе не отказывали.

Отметим, что на период заполнения анкеты материальное положение у половины опрошенных женщин не изменилось, а у 40% – стало хуже. Примечательно, что у 8% женщин ответ на этот вопрос вызвал затруднение – причиной этому, вероятнее всего, является ощущение «надвигающегося» ухудшения финансового состояния. Анализ ответов позволяет авторам сделать вывод о том, что изменения в работе женщины не связаны напрямую

с изменением материального положения всей семьи – так, у тех респонденток, которые ушли в отпуск без сохранения заработной платы, уровень финансовой обеспеченности (что очевидно) снизился, однако доля таких женщин в общем числе опрошенных составляет всего 6%, а уволенных среди опрошенных совсем не оказалось.

Ухудшение материального положения для многих женщин может являться серьезным поводом принять меры для того, чтобы стабилизировать уровень финансового обеспечения. Однако их ответы демонстрируют, что такое предположение верно не всегда. Так, среди опрошенных женщин, чье финансовое положение стало хуже, дополнительные меры предприняли лишь 40%, остальные 60% восприняли снижение уровня финансового положения как данность. Стоит отметить, что 40% женщин (или членов их семей) из числа тех, кто предпринял дополнительные меры, нашли дополнительные способы заработка, а еще около 20% – перестали выплачивать кредиты и оплачивать услуги ЖКХ, около 10% – обратились в банки за пересмотром условий кредитования. Отдельного внимания заслуживает вопрос государственной поддержки семей, оказавшихся в трудном финансовом положении, однако в рамках данного исследования авторам сложно предоставить объективные данные, так как доля опрошенных, обратившихся за государственной помощью (социальными выплатами или вставших на биржу труда) оказалась крайне незначительной. Отметим лишь, что каждая четвертая женщина, чьи финансовые ресурсы уменьшились, считает, что меры, предпринимаемые правительством для борьбы с коронавирусной инфекцией, недостаточны.

Суммируя некоторые результаты анализа ответов женщин об их материальном положении, авторы считают возможным выделить *три класса семей* по уровню финансовых ресурсов в ситуации пандемии:

1. Непострадавшие. К этому классу следует отнести семьи, по оценкам которых, их материальное положение не изменилось – таких среди опрошенных около 50%.

2. Умеренно пострадавшие. К этому классу можно отнести семьи, чей уровень доходов снизился, однако они не предприняли никаких мер для преодоления финансовых трудностей. Подчеркнем, что речь идет как о семьях, чье финансовое положение до кризиса можно в той или иной мере считать достойным, как и о тех, кто до введения самоизоляции испытывал проблемы с деньгами. Критерием отнесения семей опрошенных женщин к этому классу является не субъективное восприятие материального положения

как ухудшившегося, а факт того, что такие семьи не предпринимали мер для стабилизации своего материального положения.

3. Серьезно пострадавшие. К этому классу следует отнести тех, у кого до кризиса была сложная финансовая ситуация, а во время кризиса пришлось принимать дополнительные меры. Отметим, что семьи используют две стратегии стабилизации финансовой ситуации: увеличение доходов и сокращение расходов. Те семьи, в которых в докризисной ситуации денег хватало на все самое необходимое, все же предприняли попытки найти дополнительные способы заработка, а семьи, в которых денег едва хватало от зарплаты до зарплаты, такие возможности не использовали и сокращали расходы путем приостановления выплат по кредитам и оплаты услуг ЖКХ.

Структура затрат. Вполне ожидаемо, что в условиях самоизоляции довольно значительное количество семей (61%) стали тратить больше денег на продукты питания. У 18% опрошенных возросли расходы на онлайн-шопинг и доставку (у 10% – упали), а у 14% – на табак и алкоголь (упали у 8%). Примечательно, что 13% стали больше тратить на лечение, а 15% – напротив, меньше. Популярность платных образовательных услуг и услуг в сфере культуры и досуга среди опрошенных в период самоизоляции не возросла – доля женщин, увеличивших затраты в этих областях, крайне незначительна. Около 60% опрошенных снизили расходы на проезд, покупку одежды и обуви, 56% – на косметологические услуги. Около половины женщин стали тратить меньше на досуговые и культурные мероприятия. По мнению авторов, последнее может быть связано со следующими явлениями:

- Женщины оказались не готовы воспринимать сферу культуры в онлайн-формате – посещение театра, кинотеатра или другой площадки для них предпочтительнее в «живом» режиме, даже в условиях самоизоляции;
- Большое количество площадок (музеев, театров и т.д.) на период самоизоляции сделали свои услуги в режиме онлайн бесплатными;
- Женщины в принципе не готовы платить за культурные мероприятия в онлайн-формате.

Отметим, что примерно каждая третья женщина (33%) считает, что в их семье траты не увеличились. При этом о том, что траты не уменьшились, говорят только 15% опрошенных.

В рамках данного исследования была рассмотрена структура затрат женщин, чье материальное положение не изменилось (в крайне редких случаях улучшилось), а также тех, чьи финансовые ресурсы уменьшились.

Так, среди тех, чье материальное положение осталось на докризисном уровне, доля сохранивших практически идентичную структуру затрат (не стали тратить больше и, в то же время, не стали тратить меньше), оказалась несущественной, в связи с чем не представляет особого интереса для анализа. Тех, кто не увеличил свои расходы, оказалось около 26%, а тех, кто смог себе позволить их не уменьшать – около 17%.

Структура затрат женщин, чей уровень доходов не изменился, практически полностью повторяет картину в целом по выборке. В этом смысле анализ ответов женщин, чье финансовое положение изменилось в худшую сторону, кажется более интересным. Сравним самую популярную статью расходов в период самоизоляции – продукты питания. Доля женщин среди тех, чье материальное положение ухудшилось, и включивших продукты питания в раздел увеличившихся затрат, составляет 70%, в то время как среди женщин, чье материальное положение осталось на прежнем уровне, о продуктах питания упоминается в 50% случаев. Отметим, что при анализе ответов не прослеживается прямой взаимосвязи между ухудшением финансового положения и необходимостью вследствие этого тратить меньше. Вероятнее всего, сокращение некоторых расходов (например, на сферы красоты и досуга) – меры, связанные с закрытием заведений, а не с падением доходов. Можно предположить, что женщины не перестали бы, к примеру, посещать салоны, если бы они работали в прежнем режиме.

Еда и привычки, связанные с питанием. Расходы на продукты питания являются отдельным вопросом, представляющим исследовательский интерес, так как имеют место предположения, некоторые из которых на бытовательском уровне могут противоречить друг другу:

- Расходы на продукты питания вне зависимости от экономической ситуации в стране (за исключением критических явлений, таких как, к примеру, режим военного положения) являются для любой семьи обязательными, на них всегда закладывается определенная часть семейного бюджета – следовательно, вряд ли в условиях самоизоляции расходы на еду могут серьезно возрасти или снизиться;
- С другой стороны, самоизоляция – то время, когда у семей отсутствует альтернативная возможность поесть вне дома – следовательно, расходы на общепит могут уменьшиться;

- Женщины могут получать из СМИ противоречивую информацию о наличии необходимых продуктов питания в стране. С одной стороны, Правительство говорит о том, что дефицита продовольствия нет, с другой – в первые дни самоизоляции стали появляться новости о пустых полках в продуктовых магазинах. В связи с этим, у женщин могла возникнуть необходимость сделать запасы некоторых продовольственных товаров.

По данным анкетирования, потребление продуктов питания увеличилось у 49% семей опрошенных, а у 42% – осталось на прежнем уровне. Прямо пропорционально с этим вырос и уровень расходов на продукты питания. Стали тратить больше на фрукты и овощи – 42%, мясо и мясные продукты – 34%, чай и кофе – 26%, крупы – 19%, алкогольную продукцию – 16%. Большинство женщин не покупали продукты впрок (61%), однако около 37% опрошенных запаслись некоторыми товарами. Среди тех, кто делал запасы, 41% закупили впрок крупы и мясо. При этом россияне стали чаще пользоваться доставкой товаров через Интернет, что подтвердили 18% опрошенных женщин. Так, по данным портала «Будущее России. Национальные проекты», произошел резкий наплыв покупателей в онлайн-сервисы доставки продуктов, что даже привело к перегрузкам их сайтов. Пик продаж пришелся на середину и конец марта. Как сообщали в торговой сети X5 Retail Group (магазины «Пятерочка», «Перекресток», «Карусель») [Торговля в онлайн-режиме, 2020], среднее количество размещенных заказов в день на сайте Perekrestok.ru превысило 16 тысяч, а средний чек вырос почти до 6 тыс. руб., практически в два раза превысив среднее значение декабря 2019 года. Количество товаров в одном заказе в марте также увеличилось в 1,5-2 раза – с 40 до 60–80 товаров (таких запасов среднестатистической семье хватило бы на 108 дней). По данным X5 Retail Group, в группу товаров повышенного спроса вошли мясные консервы (рост в 38 раз), замороженная продукция (в 30 раз), крупы (в 26 раз), сахар (в 25 раз).

Стоит отметить, что увеличение потребления продуктов, по всей видимости, несущественно сказалось на весе женщин – так, почти у 56% опрошенных он остался на прежнем уровне, а вырос только у 24%. Отметим, что около 67% женщин, чей вес вырос, отнесли переедание к вредным привычкам, появившимся или усугубившимся у них во время самоизоляции.

Вредные привычки и нерациональный образ жизни. Не вызывает сомнений тот факт, что самоизоляция внесла существенные коррективы в привычный образ жизни – как следствие, во время самоизоляции ожидаемо

появились или обострились вредные привычки. Анализируя привычки, которые в той или иной мере признаются обществом как пагубные, отметим, что пристрастие к алкоголю появилось (или более ярко себя проявило) у 14% опрошенных женщин, к курению – у 7%. Наиболее серьезно проявились привычки, непосредственно связанные с необходимостью находиться дома, и, возможно, недостаточно развитыми навыками самоорганизации в таких условиях. Так, на вопрос о появившихся или усугубившихся вредных привычках 37% отметили неумеренный просмотр контента в Интернете, 36% – пассивный «лежачий» образ жизни, 24% женщин стали проводить слишком много времени в социальных сетях, а около 18% – бесконтрольно смотреть телепередачи. Переедание отнесли к вредным привычкам около 28% опрошенных женщин. В целом, эти данные совпадают с данными о распределении времени, полученными от женщин в ходе опроса. Справедливым будет отметить, что около 37% опрошенных женщин считают, что в их семьях вредные привычки не появились (не усугубились).

Появление или усугубление вредных привычек не является основной причиной ухудшения морально-психологического климата в семьях в период самоизоляции. Так, на жизнь 65% опрошенных женщин вредные привычки, в целом, не повлияли, и только у 17% из-за этого участились конфликты. Примечательно, что среди ответов тех, для кого вредные привычки во время самоизоляции стали причиной участившихся разладов, практически не встречается единичных – как правило, женщины выбирают 4-5 вредных привычек, преимущественно: переедание (63%), пассивный образ жизни (53%), неумеренный просмотр контента в Интернете (53%), пристрастие к алкоголю (42%).

Спорт и здоровый образ жизни. Некоторые вопросы исследования были посвящены занятиям спортом и соблюдению женщинами здорового образа жизни до введения режима самоизоляции и после него. До самоизоляции активно занимались спортом и вели здоровый образ жизни 55% женщин, 33% этого не делали, а 10% затруднились с ответом. 43% опрошенных женщин продолжили заниматься спортом и следовать ЗОЖ в условиях самоизоляции, в то время как 40% опрошенных спортом не занимались и здоровый образ жизни не вели.

Женщины, которые продолжили заниматься спортом в условиях самоизоляции, столкнулись с рядом проблем: у 22% появились соблазны нарушать режим правильного питания; 20% не могли заставить себя заниматься спортом; 19% не имели дома необходимого спортивного оборудования; у 18% дома слишком мало места для занятий спортом;

8% отметили, что дети и животные отвлекали их от занятий спортом; лишь у 10% женщин трудностей в занятиях спортом в домашних условиях не возникло. Отвечая на вопрос о том, как именно они поддерживали физическую форму в домашних условиях, 34% женщин отметили, что они занимались в домашних условиях с использованием подручных средств; 23% – с использованием онлайн-ресурсов (тренинги, видеотрансляции, мастер-классы); 21% просто старались меньше есть; 8% имели дома и активно использовали спортивный инвентарь; 7% считали калории. Некоторые отметили, что нарушали условия самоизоляции и тренировались на улице, совершали пробежки по квартире, бегали по лестнице жилого дома вверх и вниз. О том, что россияне не считают закрытие фитнес-клубов и самоизоляцию поводом для того, чтобы перестать заниматься спортом, также сообщали аналитики Ozon [Торговля в онлайн-режиме, 2020], отметившие рост спроса в несколько раз на гантели, эспандеры, утяжелители, скакалки, степ-платформы и ролики для пресса. По данным маркетплейса «Беру», во время пандемии популярность товаров для занятий фитнесом выросла почти в два раза [Торговля в онлайн-режиме, 2020]. Чаще всего покупатели заказывали на маркетплейсе гантели, диски и грифы, а также фитнес-резинки и специальные кистевые тренажеры.

Уход за собой. Вопросы этого блока касались бьюти-привычек, свойственных российским женщинам в обычной жизни, соблюдения таких привычек в период самоизоляции, а также изменений в бытовых гигиенических привычках. Так, при ответе на вопрос о том, каких ритуалов красоты придерживались женщины до самоизоляции, наиболее часто назывались: стрижка и окрашивание волос в салоне (36%), ногтевой сервис (30%) и салонная эпиляция (12%). Некоторые женщины указали, что все уходовые процедуры совершают самостоятельно: *«Крем «Нивея» в синей банке для всего тела – наше все, и до, и во время изоляции, маникюр/педикюр/эпиляция – всегда сами»*. В связи с закрытием салонов красоты на период самоизоляции, многие женщины самостоятельно стали делать некоторые из указанных процедур: маникюр и педикюр (28%), эпиляцию (17%), стрижку (13%). Таким образом, список самых популярных процедур не изменился, но поменял свой порядок приоритетности. Это объясняется тем, что данные процедуры, по-видимому, являются самыми необходимыми для нормального самоощущения женщин, и они не готовы отказаться от них ни при каких обстоятельствах. Но смещение парикмахерских услуг с первого места на третье объясняется тем, что, если покрасить самостоятельно отросшие корни волос подавляющая часть женщин

вполне способна, то самостоятельно подстричься решится не каждая. При этом 25% опрошенных женщин совсем отказались от выполнения каких-либо эстетических процедур на дому. Наименее популярными домашними бьюти-привычками оказались массаж, SPA-процедуры и аппаратное омоложение лица с помощью простейших приборов, которые могут использоваться в домашних условиях (около 5% от общего числа опрошенных по каждой из услуг). По данным пресс-службы маркетплейса «Беру» [Торговля в онлайн-режиме, 2020], с приостановлением работы салонов красоты интерес к товарам для окрашивания бровей и ресниц вырос на 59%, а к средствам для эпиляции и депиляции – почти на 40%, спрос на лампы для сушки лака – на 111%, на маникюрные аппараты – на 297%. Значительно чаще, по данным компании, покупают гель-лаки, базовые покрытия, пилки и средства для кутикулы. Регулярное использование санитайзеров и постоянное мытье рук негативно отражаются на состоянии кожи, поэтому покупательницы стали чаще приобретать питательные кремы для рук и ногтей, а также маски для рук в виде кремов и перчаток.

При ответе на вопрос о том, продолжают ли женщины, нарушая режим самоизоляции, посещать подпольные салоны красоты или пользоваться услугами мастеров на дому, только 8% ответили утвердительно, 92% этого не делают. Некоторые из бьюти-привычек утратили свою актуальность для женщин в условиях самоизоляции: 23% опрошенных считают излишним нанесение декоративного макияжа, 18% – использование парфюма, 15% – укладку волос. Это объясняется тем, что в обычных условиях большинство женщин прodelывают все эти манипуляции перед выходом из дома, в чем во время самоизоляции необходимость отпадает. В единичных случаях назывались необязательными такие базовые гигиенические процедуры как: мытье, чистка зубов и ношение чистой отглаженной одежды. Встречались и мнения, что абсолютно все бьюти-привычки являются обязательными и подлежат неукоснительному исполнению. Фактическое же неисполнение гигиенических ритуалов и бьюти-процедур женщинами, в основном, соответствует их ответам на предыдущий вопрос. Так, 20% опрошенных не наносили макияж, 18% не использовали парфюм, 14% не укладывали волосы. Единичные ответы свидетельствуют о соблюдении все тех же гигиенических и бьюти-привычек, что и до режима самоизоляции.

Женщинам также был задан вопрос о быте и соблюдении порядка в доме. Оказалось, что такие стандартные ежедневные процедуры как мытье посуды, смена постельного белья, уборка, вынос мусора выполнялись так же, как и до самоизоляции, половиной женщин. Вместе с этим, 9% стали реже,

чем раньше, выносить мусор, 8% – реже стирали одежду. Готовить чаще стали 54% опрошенных женщин, очевидно, это связано с тем, что все члены семьи во время самоизоляции оказались дома.

Таким образом, гигиену жилища большинство женщин не стали соблюдать хуже, от многих бытовых привычек не отказались, хотя и вынуждены были делать некоторые салонные процедуры самостоятельно.

Саморазвитие. До периода самоизоляции часть опрошенных женщин увлекались такими традиционными направлениями саморазвития как: кулинария (12%), культура и искусство (11%), красота и здоровье (10%). Реже других упоминались дизайн (6%), мода и фэшн-индустрия (5%). В целом, распределение интересов по всем направлениям оказалось достаточно равномерным: не нашлось ни сфер, лидирующих с большим отрывом, ни аутсайдеров. Изредка упоминались экзотические интересы, наподобие «духовных и медитативных практик». Во время режима самоизоляции был зафиксирован некий общий спад увлеченности традиционными направлениями, однако наблюдался всплеск интереса к нетрадиционным и необычным хобби. Так, женщины проявили интерес к психологии, практикам фэн-шуй, нетрадиционной медицине, 3D-скульптингу, изучению онлайн платформ, к цифровой обработке сигналов и машинному обучению, а также заинтересовались политикой, спортом и диетами, детской педагогикой. Это объясняется тем, что у 54% опрошенных свободного времени стало больше, и они смогли посвятить его тем увлечениям, которые, возможно, интересовали их и ранее, но не представлялось возможным уделить им больше внимания в обычных условиях. Интересную статистику продажи товаров для творчества и хобби приводят онлайн-ритейлеры [Торговля в онлайн-режиме, 2020]. Так, у маркетплейса «Беру» за период с 25 марта по 12 мая 2020 года примерно в 3 раза выросло количество заказов игр и товаров для хобби и творчества, возрос интерес к пазлам. Другая интернет-площадка, eBay, в марте 2020 года стала продавать в два раза больше сборных моделей самолетов, в 2,5 раза – мотоциклов, почти в три раза увеличился спрос на электронные шахматы, в два раза – на 3D-пазлы и на 40% – на карточные игры. На Wildberries в начале периода самоизоляции продажи товаров для рукоделия выросли на 80%, бисера – на 60%, пряжи и основ для вышивания – на 30%. На eBay за этот период количество проданных наборов нитей для вязания выросло на 39%, а наборов игл для шитья – на 75%. Одновременно росли продажи предметов для рисования: в 3 раза вырос спрос на краски для аэрографии, в 5 раз – на холсты для живописи, в 11 раз – на краски для рисования на ткани.

Морально-психологический климат и отношения с партнером.

При ответе на вопросы этого блока анкеты, 17% опрошенных женщин отметили, что кардинальных изменений в морально-психологическом климате их семьи не произошло. Вместе с тем, среди наиболее частых негативных изменений были названы следующие: стало раздражать отсутствие личного пространства (11%), чувствуется общая тревожность (9%), ощущается психологическая напряженность и эмоциональный дискомфорт (9%). К позитивным эффектам самоизоляции в аспекте семейных отношений женщины отнесли такие: члены семьи стали больше заботиться друг о друге (10%), семья стала дружнее и сплоченнее (7%), появился совместный досуг (7%), общие дела (7%). Реже опрошенные отмечали, что во время самоизоляции отношения в целом ухудшились; члены семьи стали раздражаться из-за неэстетичных бытовых привычек друг друга; появились ссоры, во время которых домочадцы начали использовать нецензурную лексику. При этом некоторые женщины отметили, что, если в начале изоляции отношения наладились (даже по сравнению с ситуацией до пандемии), то, по прошествии некоторого времени, члены семьи надоели друг другу, появилось взаимное раздражение, участились ссоры. Также в некоторых семьях совершенно испортились отношения на фоне потери доходов, вызванной самоизоляцией. Все это в совокупности коррелирует с данными западных и отечественных СМИ и служб спасения [Побочный эффект карантина и самоизоляции, 2020] по всем странам, где был объявлен карантин, режим самоизоляции или чрезвычайной ситуации, которые зафиксировали резкий скачок числа обращений на горячие линии от жертв домашнего насилия, а также увеличение количества убийств, совершенных «в четырех стенах». Так, поисковик Google в марте отметил самый большой объем запросов о помощи в борьбе с бытовым насилием за последние пять лет.

Первые подобные случаи стали фиксироваться и в России, где режим самоизоляции начался почти на месяц позднее. Изоляция провоцирует пьянство, рост домашнего насилия, суициды. Если в обычной жизни многие родственники и супруги бывают наедине друг с другом максимум во время сна, плюс несколько часов до и после работы, то теперь многие из них впервые в жизни были вынуждены оставаться круглосуточно наедине в тесных квартирах, когда некуда скрыться и невозможно побыть наедине с собой.

Что же касается отношений с партнером, то 47% опрошенных женщин отметили, что их взаимоотношения за период самоизоляции не изменились,

30% не имеет партнера, у 10% отношения претерпели ухудшение, у 8% отношения даже улучшились, а 5% предпочли не уточнять свою позицию. При ответе на вопрос о том, какие проблемы выявились или обострились в условиях вынужденной самоизоляции, из тех женщин, что имеют партнеров, 39% опрошенных никаких проблем не обнаружили. В числе трех наиболее значимых трудностей были отмечены: сложно постоянно быть друг у друга на виду (11%), возникли проблемы в сексуальной сфере (8%), сложно проводить совместный досуг (7%). Реже назывались следующие негативные явления: конфликты партнера с другими членами семьи, партнер критикует внешность женщины, проявляет грубость, стал хуже относиться, происходят постоянные скандалы. При этом некоторые женщины заявили, что после выхода из режима самоизоляции больше не смогут совместно сосуществовать с партнером, а у других проявилась критическая разница в мировоззрении. Справедливости ради, необходимо отметить, что часть опрошенных женщин основной проблемой называют ситуации, когда в условиях самоизоляции они оказались отдельно от партнера и страдают от разлуки.

Для 30% опрошенных самоизоляция отношений с партнером не изменила – для них все осталось так же хорошо, как и было. При этом в некоторых парах случились позитивные сдвиги: партнер взял на себя часть обязанностей по дому (16%), пара с удовольствием стала проводить время вместе (9%) и 15% женщин позитивных сдвигов не обнаружили.

Смогут ли российские семьи вернуться к нормальной жизни после длительного существования в условиях жестких ограничений и вообще сохраниться? Опыт зарубежных стран, где периодически смягчаются жесткие ограничительные мероприятия, весьма неутешителен. Так, в Китае после снятия мер по самоизоляции произошла резкая вспышка разводов: в нескольких городах чиновники не успевали оформлять документы, а в городке Милуо в провинции Хунань «сотрудникам даже не удавалось выпить воды» из-за очередей разводящихся. Причиной развода большинство пар называли «карантин, который усугубил их противоречия» [Ясеницкая и др., 2020]. Один из лучших адвокатов по разводам в Британии, Фиона Шеклтон, которая в свое время представляла интересы принца Чарльза, Пола Маккартни и Мадонны, тоже полагает, что после пандемии количество распавшихся семей возрастет. «Обычно пик разводов приходится на осень вслед за летними отпусками и после рождественских каникул. Можно только представить, каково будет семьям сидеть взаперти в течение долгого времени» [Разводы, свадьбы и – насилие, 2020].

Отметим, что российский менталитет и прививаемые в российском обществе семейные ценности оказали значительное влияние на выживаемость семей в период самоизоляции. Результаты опроса показали, что негативные тенденции, отмечаемые по всему миру, не получили в рассматриваемых крупных российских городах такого быстрого и кризисного течения, как в зарубежных странах. Поскольку опрос проводился только в трех городах, это не позволяет делать обоснованного вывода обо всем населении России, тем более, что пик коронавирусной инфекции в регионах произошел позже, чем в крупных городах.

Взаимоотношения с детьми. Первый вопрос этого блока касался репродуктивной политики семей в период самоизоляции. Сразу отметим, что для 63% опрошенных женщин этот аспект вообще не актуален. 31% женщин подчеркнули, что их репродуктивная позиция во время пандемии не изменилась, некоторые отказались от планов в ближайшее время иметь детей, а единицы, напротив, решили завести детей. Также был получен единичный ответ, отражающий разногласия между женщиной и ее партнером, который хочет детей: «... если вдруг заболевает и будет угроза его жизни, типа чтобы продолжить род. Я считаю такую мотивацию заводить детей маразмом, эгоизмом и безответственностью».

Результаты опроса показали, что у большинства женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей (40% по выборке) отношения с ними в период самоизоляции не изменились или даже улучшились (61% и 22% соответственно). Отношения с детьми стали хуже у 17%. Наиболее часто назывались следующие обострившиеся в условиях самоизоляции проблемы: стало труднее организовать досуг детей (19%), у ребенка усугубилась компьютерная зависимость (16%), ребенок ленится, не выполнял своих обязанностей по дому (13%). В отдельных ответах внимание акцентировалось на сложности организации школьного обучения ребенка в режиме онлайн (8%), материальных трудностях, вплоть до того, что нечем кормить детей (8%). Что же касается положительных сдвигов, то 21% из общего числа женщин, имеющих детей, отметили, что рады больше времени находиться рядом с детьми, 10% указали, что ребенок стал больше читать, 10% отметили, что ребенок стал более открытым, наладился контакт. А 39% женщин никаких изменений не обнаружили.

Также женщины, воспитывающие детей, отмечали сложности организации удаленного обучения детей: не устраивает качество предлагаемого учебным заведением онлайн-сервиса и других приложений (28%), не хватает компьютеров и других технических средств (24%), функция

обучения ребенка полностью легла на женщину (18%), невозможность заставить ребенка заниматься (13%).

Домашние питомцы. У 40% опрошенных женщин дома нет животных. У большинства (93%) имеющих животных женщин их количество в период самоизоляции не изменилось, некоторые завели еще питомца(-цев) в связи с тем, что много животных оказалось в критических условиях [Россияне из-за коронавируса начали массово отказываться от собак, 2020]. В единичных случаях женщины отмечали, что подкармливают бездомных животных, оказавшихся в сложных условиях. Только одна семья была вынуждена отказаться от имеющихся питомцев из-за ухудшения материального положения. Среди опрошенных женщин не было тех, кто бы бросил домашних животных из-за боязни переноса ими коронавирусной инфекции. Самоизоляция оказала влияние не только на людей, но и на домашних животных: 34% отметили, что животные радовались тому, что их хозяева постоянно дома; в 34% семей для животных ничего не изменилось; 11% указали, что животные растолстели; 11% отметили, что животные избаловались. При этом некоторые женщины срывали негатив на животных, которые иногда попадали под «горячую руку». Таким образом, опрошенные в целом занимают промежуточную позицию по отношению к животным: между теми крайностями, что происходили в азиатских странах [Поверив фейку о заражении коронавирусом через животных, 2020] и активной общественной позицией Турции, где животным помогают на государственном уровне и на уровне муниципалитетов [МВД Турции рассказало о заботе об уличных животных в условиях пандемии, 2020]. Большинство опрошенных женщин не верят в то, что животные являются переносчиками коронавирусной инфекции, но в силу тяжелых материальных условий редко помогают животным, попавшим в бедственное положение, а иногда даже отказываются по этой причине от собственных питомцев.

Сложности во взаимодействии с внешним миром и оценка перспектив. Основные затруднения у женщин во взаимодействии с внешним миром вызвали следующие аспекты: необходимость получать пропуск или разрешение на выход из дома (13%), контакты с другими людьми как потенциальная возможность заражения (11%), ограниченные возможности обратиться в медучреждение за помощью (10%), ограниченный или дистанционный режим работы различных учреждений (10%), сложность перемещаться из одного населенного пункта в другой из-за введенных ограничений (10%).

В заключительном блоке вопросов, касающемся оценки перспектив и ситуации в России в период самоизоляции на момент проведения исследования, женщинам было предложено оценить их степень согласия со следующим пулом утверждений:

Оценки опасности угрозы коронавируса распределились следующим образом: 68% считают коронавирус реальной угрозой, 14% не придают этой угрозе значения, и 18% не имеют четко выраженной точки зрения по этому вопросу;

30% женщин считают, что коронавирус не страшнее гриппа, а ситуацию слишком раздули, 50% категорически не согласны с этой точкой зрения, и 20% затруднились ответить;

10% опрошенных женщин высказали мнение, что коронавируса не существует, что это «заговор мирового правительства», 75% не разделяют эту точку зрения, 15% не определились;

57% женщин считают, что остановить распространение коронавируса невозможно – так или иначе им переболеет большая часть населения, 22% не согласны с этим утверждением, 21% затруднились с оценкой;

38% женщин оценили меры по борьбе с инфекцией, предпринимаемые правительством России, как вполне адекватные, 18% считают их излишними, 37% находят эти меры недостаточными, а 9% и вовсе не видят в них никакого смысла, что отчасти коррелирует с данными более позднего опроса (апрель, 2020), проведенного исследовательским центром «Ромир» совместно с Gallup International по заказу Фонда развития гражданского общества (ФОРГО), об отношении россиян к применяемым мерам профилактики коронавируса и действиям властей [Треть россиян считают чрезмерными ограничения в связи с коронавирусом, 2020]. По данным телефонного опроса, проведенного в 90 населенных пунктах 45 регионов России (2000 респондентов, представляющих городское и сельское население страны, различные социальные и возрастные страты), количество граждан, считающих ограничительные меры чрезмерными, оказался несколько выше. Это объясняется, с одной стороны, расширенным охватом исследования, как по гендерному, так и по территориальному признаку, так и тем, что за время, прошедшее после нашего опроса, люди устали от режима самоизоляции и стали менее терпимы к жестким мерам;

48% опрошенных женщин не доверяют официальным СМИ и считают, что от населения скрывают реальные цифры заболевших;

92% женщин убеждены, что ситуация с коронавирусом сильно подорвет российскую экономику, и лишь 2% утверждают, что она никак на

экономике не скажется, еще 6% не имеют твердой позиции по этому вопросу. При этом 14% считает, что эта ситуация будет дополнительным стимулом для развития российской экономики в будущем;

Оценивая степень подготовленности России к ситуации с пандемией по сравнению с другими странами, около половины женщин затруднились ответить на этот вопрос, а крайние мнения разделились примерно поровну – 19% считает, что Россия оказалась лучше подготовлена к ситуации с коронавирусом, чем другие страны, 16% – что хуже, 18% – что на таком же уровне, как и другие страны;

52% опрошенных женщин винят в распространении эпидемии коронавируса туристов, вернувшихся из-за границы, 30% считает, что туристы не виноваты, и 20% не определились с позицией по этому вопросу;

58% женщин считают, что туристы, которые не смогли вернуться из-за границы, поскольку было перекрыто авиасообщение, сами виноваты в своем бедственном положении, 23% с ними не согласны, остальные затруднились с ответом;

45% женщин предлагали принять меры для возвращения российских туристов на родину, 22% не считали это обязательным, 33% не волнует судьба туристов.

Оценки женщинами непосредственной угрозы коронавируса для их семей распределились следующим образом: 44% верят, что инфекция обойдет их семьи стороной, так как все меры приняты, 38% считают коронавирусную инфекцию реальной угрозой для себя и своей семьи и сильно опасаются, что кто-нибудь может заболеть, 18% не придают этой угрозе значения. Полученные результаты в целом соответствуют данным опроса ВЦИОМ, проведенного 14 апреля 2020 года [40% россиян сочли низкой опасность заразиться коронавирусом, 2020].

Результаты исследования выявили позиции женщин к перспективам в отношении себя и своей семьи после выхода из самоизоляции: 43% отметили, что надеются вернуться к прежней жизни, 33% считают, что, несмотря на изменения, все будет благополучно, 9% утверждают, что все уже не будет таким как прежде, 8% думают, что все будет только лучше, 7% настроены пессимистично (рис. 5).

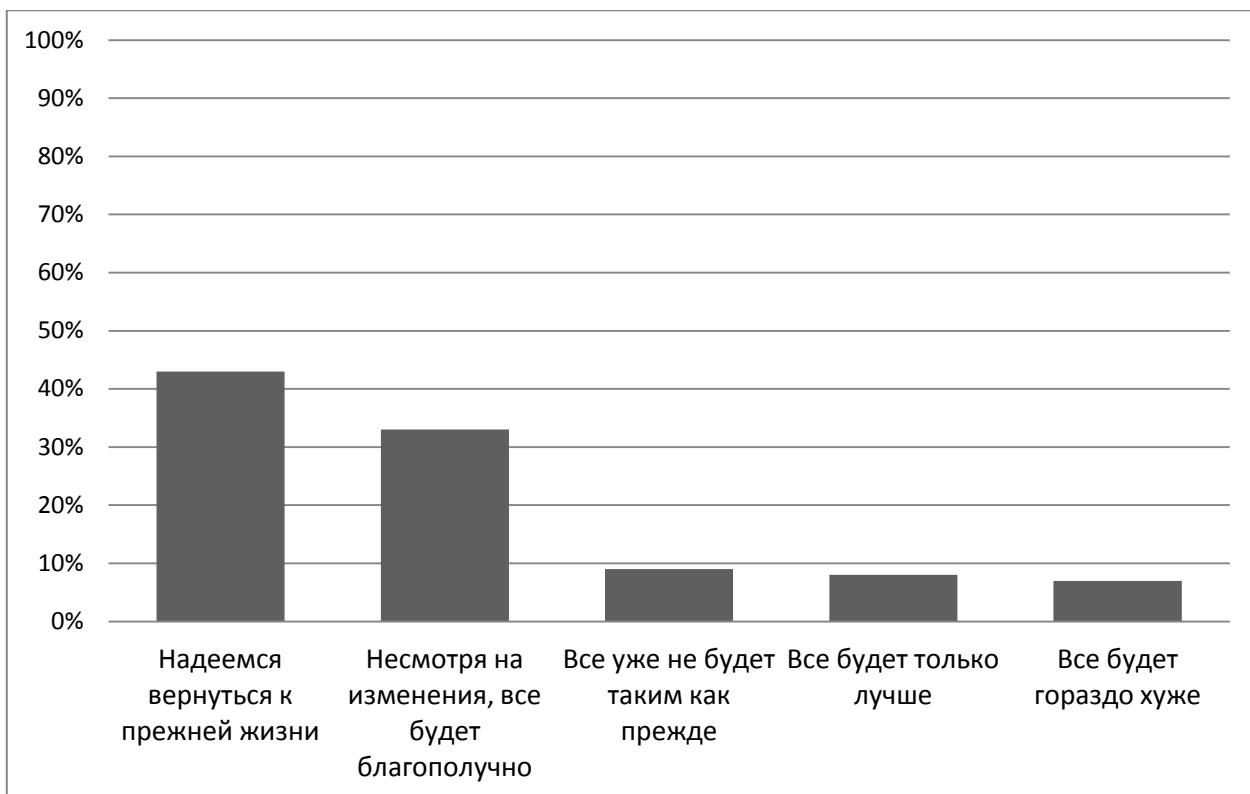

Рис. 5. Мнения женщин о своем будущем и о будущем своей семьи после выхода из самоизоляции, %

Заключительный вопрос блока был посвящен оценке параметров положительного и отрицательного влияния режима самоизоляции на семьи женщин (рис. 6, 7).

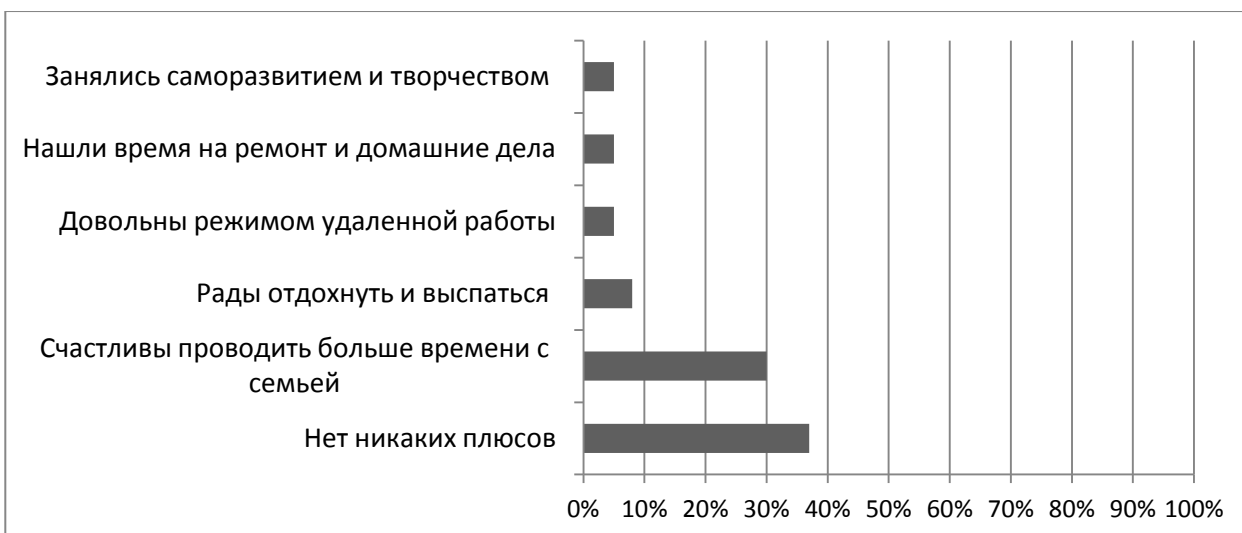

Рис. 6. Мнения женщин о возможном положительном влиянии режима самоизоляции, %

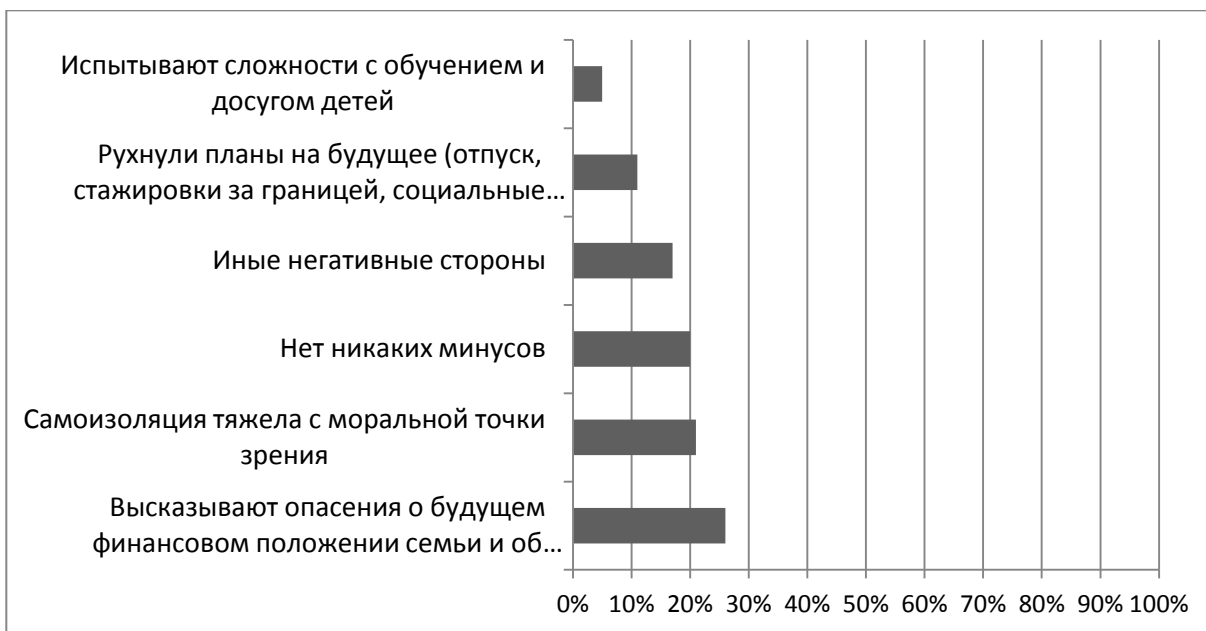

Рис. 7. Мнения женщин об отрицательном влиянии режима самоизоляции, %

37% опрошенных женщин в режиме самоизоляции вообще не видят никаких положительных моментов. Среди отметивших положительные моменты в самоизоляции – счастливы проводить больше времени с семьей (30%); рады отдохнуть и выспаться (8%); довольны режимом удаленной работы, поскольку он позволил им освоить новые технологии и форматы делового общения (5%); нашли время на ремонт и домашние дела (5%); занялись саморазвитием и творчеством (5%).

Что касается отрицательных последствий для семей, то самая большая группа ответов (26%) относилась к различной степени опасениям о будущем финансовом положении семьи и об экономике страны в целом. Женщины жаловались на отсутствие работы, и, соответственно, уровень дохода – долги растут, будущее неопределенно. 21% женщин тяжело переносили самоизоляцию с моральной точки зрения – жаловались на усталость, тяжелый морально-психологический климат в семье, частые скандалы, апатию и отсутствие желания что-либо делать. 11% сетовали на рухнувшие планы: отменилась свадьба, отпуск, стажировки за границей, стало невозможно посещать спортивные залы, бассейны, встречаться с друзьями, нарушился привычный распорядок. 5% отметили на сложности с обучением и досугом детей. 17% опрошенных женщин видели негативные стороны, но не конкретизировали их. А 20% опрошенных вовсе не видели отрицательных сторон в режиме самоизоляции для своей семьи.

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы.

1. Современная ситуация с пандемией коронавируса достаточно уникальна, в последний раз человечество сталкивалось с эпидемиями такого масштаба более 100 лет назад. Поскольку с тех пор, в силу развития научно-технического прогресса, информатизации и цифровизации общества, произошли кардинальные изменения в практиках межличностного взаимодействия, трансформация жизненного уклада российских женщин в условиях пандемии COVID-19 имела характерные особенности, свойственные новому времени.

2. Новые возможности саморазвития и онлайн-обучения не были в полной мере использованы российскими женщинами, которые высвободившиеся временные ресурсы предпочли потратить на отдых и общение с семьей.

3. Гипотеза о том, что режим самоизоляции послужит триггером к развитию новых практик удаленной работы, подтвердилась в полной мере, особенно в таких сферах, как образование, информационные технологии, реклама, журналистика, оптовая и розничная торговля. Но мнения женщин по поводу того, хотелось ли бы им полностью перейти к онлайн-формату трудовой деятельности, разделились: были отмечены как связанные с этим сложности технического характера, так и определенные удобства. В любом случае, ситуация с коронавирусом способствовала распространению нового высокотехнологичного формата работы, и в будущем он будет только развиваться.

4. Гипотеза о том, что в условиях самоизоляции женщины будут больше времени проводить в социальных сетях, также нашла свое подтверждение. Это объясняется тем, что при изоляции от широкого социума, у людей, как правило, обостряются потребности в социальном взаимодействии, идеализируются временно прерванные устойчивые межличностные связи и отношения, особую личностную ценность приобретают опосредованные формы социального контактирования через наиболее доступные в конкретной ситуации средства коммуникации – социальные сети.

5. Гипотеза о том, что ухудшение материального положения для многих женщин может являться серьезным поводом, чтобы принять меры для стабилизации уровня финансов, подтвердилась лишь отчасти. В основном, семьи используют две стратегии контроля финансовой ситуации в семье: увеличение доходов и сокращение расходов. Примечательно, что те семьи, которые в докризисной ситуации имели относительный достаток,

предприняли попытки найти дополнительные способы заработка, а те семьи, в которых денег едва хватало от зарплаты до зарплаты, такие возможности не использовали и сокращали расходы путем приостановления выплат по кредитам и услуг ЖКХ.

6. Гипотеза о том, что в условиях самоизоляции значительно изменится структура расходов, и, в первую очередь, возрастут траты на питание, подтвердилась в полной мере. При этом в большей степени возросли такие расходы у женщин из бедных семей, которые традиционно тратят большую часть своих доходов на еду [Малообеспеченные россияне тратят на еду почти половину дохода, 2016].

Подтвердилось и предположение о том, что во время самоизоляции у людей появились или обострились вредные привычки, многие стали вести пассивный образ жизни, а количество адептов спорта и здорового образа жизни несколько уменьшилось. Таким образом, самоизоляция не явилась для многих женщин мотиватором к активной деятельности и самосовершенствованию – наоборот, во многих случаях она привела к распространению пассивного образа жизни, лени и апатии.

Что же касается базовых гигиенических и бытовых-привычек женщин, то состав их несколько упростился, но, все же, от большинства из них женщины не отказались, хотя и вынуждены были обеспечивать их собственными силами.

7. Предположение о пагубном влиянии самоизоляции на морально-психологический климат и партнерские отношения в семьях не нашло полного подтверждения в настоящем исследовании. Российский менталитет и прививаемые в российском обществе семейные ценности оказали значительное влияние на выживаемость семей в период самоизоляции. Были отмечены некоторые негативные тенденции, но они не получили такого быстрого и кризисного течения, как в зарубежных странах.

Таким образом, сложность взаимодействия с внешней средой, ухудшение материального положения семей, боязнь за будущее семьи, общее настроение тревожности, затянувшаяся ситуация с ограничениями – все это в совокупности обуславливает негативные и пессимистические настроения более половины российских женщин в условиях самоизоляции. Согласно новейшим исследованиям [Гапонова и др., 2020], по мере продолжения пребывания семей в этом режиме такие настроения имеют тенденцию к росту, что, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Арефьев В.А., Лисовенко Л.А. Англо-русский толковый словарь генетических терминов. М. ВНИРО. 1995. 694 с.
2. Баженова. А.Ф. Циркадные ритмы у человека в процессе адаптации к условиям Крайнего Севера // Адаптация и проблемы общей патологии. Новосибирск: 1974. С. 48–50.
3. Бизюк А.П. Исследование психологической адаптации лиц, работающих на полярных и высокогорных гидрометеостанциях (в связи с задачами психогигиены и психопрофилактики): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ленинград: 1979. 24 с.
4. Богатина Н.Ф., Гладкова Т.А. О некоторых результатах социально-психологического обследования моряков Новороссийского пароходства // Вопросы гигиены и дезинфекционного дела на водном транспорте. 1973. С. 136–137.
5. Борискин В.В. Жизнь человека в Арктике и Антарктике. Ленинград: Медицина, 1973. 237 с.
6. Бундзел П.В. Основные аспекты психофизиологических исследований в Антарктиде // Антарктида. Вып. II. М.: 1972. С. 201–211.
7. В регионах зафиксировали рост спроса на услуги мастеров на дому в условиях самоизоляции. ТАСС. 8.04.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8187659>.
8. Вересоцкий Э.С., Парохин В.Н. Труд и отдых плавсостава. Человеческий фактор в экипаже. М.: Транспорт, 1986. 215 с.
9. Волков И.П., Хрящева Н.Ю., Шалыто А.Ю. Особенности групповых процессов в условиях относительной социальной изоляции // Вестник ЛГУ. 1976. № 5. С. 136–138.
10. Гапонова О.С., Гапонова Н.С., Данилова Л.С., Чилипенко Ю.Ю. Трансформация жизненного уклада российских женщин в условиях самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19 // Женщина в российском обществе. № 4, 2020. С. 82–98.
11. Горбов Ф.Д. Индивидуальное в групповом и групповое в индивидуальном в экспериментальном и клиническом аспектах // Тезисы 18 Международного конгресса по психологии. 1966. 380 с.
12. Горбов Ф.Д. Индивидуум и группа в экспериментальной групповой психологии // Проблемы инженерной психологии. Л.: ЛГУ, 1964. Вып. 1. С. 41.
13. Горбов Ф.Д. Экспериментальная групповая психология // Проблемы инженерной психологии. Л.: ЛГУ, 1964. Вып.1. С. 41.

14. Горбов Ф.Д., Мясников В.И, Яздовский В.И. О состояния напряжения и утомления в условиях изоляции от внешних раздражений // Журнал высшей нервной деятельности. 1963. Т. 13. № 4. С. 585–592.
15. Гришина Н.В. Опыт использования теста Томаса для изучения индивидуальных особенностей лиц, склонных к конфликтным проявлениям в межличностном общении // Личность в системе коллективных отношений. М.: 1980. С. 65–66.
16. Дикая Л.Г., Шкопоров Н.Б., Аллахвердова О.В. К вопросу о психологических механизмах регуляции внутригруппового поведения в особых условиях // Социальная психология и общественная практика. М.: Наука, 1985. С. 50–60.
17. Еремеева А.И. Личностные факторы совместной деятельности морского экипажа // Актуальные проблемы социальной психологии. Кострома: 1986. Ч. 1. С. 45–46.
18. Ивановская Н. Что такое жизненный уклад и семейные ритуалы? URL: <http://anthro-design.ru/stati/chto-takoe-zhiznennyiy-uklad-i-semeynyie-ritualyi.html>
19. Карта распространения коронавируса COVID-19 в России. URL: <https://ncov.blog/countries/ru/>.
20. Китаев-Смык Л.А. Вероятностное прогнозирование и индивидуальные особенности реагирования человека в экстремальных условиях // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977. С. 189–225.
21. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 279 с.
22. Лапшин В.Е. К вопросу о влиянии уголовного наказания на личностное ядро осужденного // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 4. С. 44–46.
23. Малообеспеченные россияне тратят на еду почти половину дохода. Новые известия. 18.05.2016. URL: <https://newizv.ru/news/economy/18-05-2016/239535-bednye-rossijane-tratjat-na-edu-pochti-polovinu-dohoda>.
24. Маслов И.А. Влияние фактора изоляции на психическое состояние // Проблемы сенсорной изоляции. М.: 1970. С. 39–40.
25. МВД Турции рассказало о заботе об уличных животных в условиях пандемии. Российская газета. 8.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/08/mvd-turcii-rasskazalo-o-zabote-ob-ulichnyh-zhivotnyh-v-usloviiah-pandemii.html>.
26. Новейший социологический словарь: понятия и персоналии, направления и школы, тексты и их анализ, методы сбора и анализа данных: около 1300 аналитических статей / сост.: А.А. Грицанов и др. Минск: Книжный Дом, 2010. 1310 с.

27. Новиков М.А. Психофизиологические и эгопсихологические аспекты межличностного взаимодействия в автономных условиях // Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 178–217.
28. Побочный эффект карантина и самоизоляции: участились случаи семейного насилия, избиений, убийств. NEWSru.com. 2.04.2020. URL: https://www.newsru.com/russia/02apr2020/karantin_violence.html.
29. Поверив фейку о заражении коронавирусом через животных, китайцы выбрасывают своих питомцев из окон. Царьград. ТВ. Первый русский. 5.02.2020. URL: https://tsargrad.tv/news/poveriv-fejku-o-zarazhenii-koronavirusom-cherez-zhivotnyh-kitajcy-vybrasyvajut-svoih-pitomcev-iz-okon_237298.
30. Поляков В.П. Особенности общения в автономных коллективах // Актуальные проблемы социальной психологии. Кострома, 1986. Ч. 1. С. 75–76.
31. Разводы, свадьбы и – насилие: что карантин вносит в жизнь самоизолированных. RTVI. 1.04.2020. URL: <https://rtvi.com/stories/razvody-svadby-i-nasilie-karantin/>.
32. Россияне из-за коронавируса начали массово отказываться от собак. 360tv.ru. 7.04.2020. URL: <https://360tv.ru/news/zdorove/rossijane-iz-za-koronavirusa-nachali-massovo-otkazyvatsja-ot-sobak/>.
33. Торговля в онлайн-режиме: как изменились покупательские предпочтения в период пандемии. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20200504-1103.html>.
34. Треть россиян считают чрезмерными ограничения в связи с коронавирусом. РБК. 29.04.2020. URL: https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea863599a794749aa07be3f?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top12.
35. Хрящева Н.Ю. Психические состояния при изоляции // Психические состояния. СПб.: Питер, 2000. 407 с.
36. Човдырова Г.С. Личность в условиях социальной изоляции: Проблемы адаптации и повышение стрессовой устойчивости. М.: 2000. 287 с.
37. Что значит режим самоизоляции для всех с юридической точки зрения. Российское агентство международной информации «РИА Новости». 8.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200408/1569764617.html>.
38. Широкова И.К. Взаимное восприятие и совместимость людей в условиях изоляции // Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 1983. С. 157–166.
39. Эксперты зафиксировали резкий рост спроса на дачи и загородные дома. ТАСС. 12.05.2020. URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/8448061>.
40. Ясеницкая А., Френкель Д., Сугуева Ю., Бородихин А. Изоляция с агрессором. Что происходит с жертвами домашнего насилия во время

карантина? Медиазона. 10.04.2020. URL: <https://zona.media/article/2020/04/10/quarantineviolence>.

41. 40% россиян сочли низкой опасностью заразиться коронавирусом. РБК. 27.04.2020. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/04/2020/5ea57d749a79471261c6b17d?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top5.
42. Cochran J.C., Mears D.P. Social isolation and inmate behavior: A conceptual framework for theorizing prison visitation and guiding and assessing research, *Journal of Criminal Justice*, Elsevier. 2013, vol. 41(4). Pp. 252–261.
43. Ishikawa R. Confusion of the Concepts of «Hikikomori» and «NEETs: Seen from the Perspective of People Who Regard Themselves as «Hikikomori» // *The Journal of educational sociology*. 2006, № 79. Pp. 25–46.
44. Scharff P.S. Solitary Confinement – History, Practice, and Human Rights Standards. URL: https://www.researchgate.net/publication/324248577_Solitary_Confinement_-_History_Practice_and_Human_Rights_Standards
45. Teo A.R., Fetters M.D., Stufflebam K., Tateno M., Balhara Y., Choi T.Y. et al. Identification of the Hikikomori Syndrome of Social Withdrawal: Psychosocial Features and Treatment Preferences in Four Countries. *International Journal of Social Psychiatry*. 2015, № 61. Pp. 64–72.

ГЛАВА 12. ВЛИЯНИЕ РЕЖИМА САМОИЗОЛЯЦИИ 2020 ГОДА НА ПРАКТИКУ РАЗВИВАЮЩИХ ЗАНЯТИЙ С ДЕТЬМИ В СЕМЬЯХ

Около пяти месяцев в 2020 году семьи оставались дома. Детские учреждения продолжительное время были закрыты. Во время изоляции родители и старшие родственники в большей, чем обычно, мере были ответственны за организацию времяпрепровождения детей, обеспечивали не только психологический комфорт, но и в большой мере – выполнение образовательных и педагогических функций воспитания самостоятельно. Привычная для семей практика занятий с детьми, предшествующая карантину, отражена в результатах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). На основании данных ВЦИОМ об изменениях внутрисемейных практик взаимодействия у взрослых россиян и данных поисковых запросов в системе Яндекс автор зафиксировал активизацию практик развивающих занятий в семье в сферах творчества и обучения, физического воспитания во время самоизоляции.

Ключевые слова: развивающие занятия, самоизоляция, семейные функции.

Нарушение обычного образа жизни проблематизирует стандартные повседневные практики и заставляет задуматься над установленными образцами поведения. Одним из аспектов режима самоизоляции 2020 года было воздействие условий нетипично продолжительного совместного пребывания дома на взаимодействие внутри семьи, в частности, на общение детей и родителей (а также совместно проживающих старших родственников).

Некоторые семьи развивали и/или совершенствовали привычные практики совместного времяпрепровождения, у других появились причины освоить их. Режим самоизоляции в регионах Российской Федерации был введен 25–31 марта 2020 года. Детские сады начали открываться только в конце лета, а офлайн-занятия в школах возобновились 1 сентября. Организации дополнительного образования детей и разного рода досуговые центры также приостанавливали работу на несколько месяцев. То есть, около пяти месяцев дети проводили время почти исключительно в семье. Так или иначе, в режимах совместного присутствия или совместной деятельности дети и старшие члены семьи долгое время сосуществовали в условиях изоляции.

Какое времяпрепровождение родители и/или старшие родственники обеспечивали детям в повседневной жизни? Какими средствами? Приходилось ли родителям менять паттерны взаимодействия с детьми, чтобы сохранять полноценный образ жизни во время самоизоляции?

Среди функций семьи традиционно выделяют воспитательную или социализирующую [Рябова, 2014]. Реализация этой роли приводит к балансу между ожиданиями семьи и ожиданиями общества и связана с восприятием норм и ценностей [Антонов, Медков, 1996]. Образование и социализация могут пониматься по-разному, и содержать более или менее простые требования к родителям по формированию личности ребенка.

Согласно последним исследованиям российских ученых, на первом месте среди семейных задач стоит самореализация и развитие творческих способностей, адаптация в обществе, усвоение его основных ценностей, норм и правил. Развитие умственных способностей, образование, воспитание трудолюбия являются также важнейшими составляющими в воспитании детей [Пивоварова, Пилипенко, 2015].

С повышением требований к воспитанию ребенка растут и требования к родительской заботе. В социологии семьи используется термин «профессионализация родительства»: воспитание детей в современном обществе становится «профессиональным», то есть требует определенных компетенций и опоры на экспертные знания [Чернова, Шпаковская, 2016].

Для реализации образовательной функции в соответствии с собственными высокими требованиями родители развивают свои навыки или прибегают к аутсорсингу. Из всех семейных функций именно воспитательная, а также связанная с ней функция эмоционального и духовного обогащения и семейного досуга, часто обслуживается внешними экспертами – выбираются дошкольные и школьные учреждения, отвечающие потребностям, а также коммерческие провайдеры в сфере дополнительного образования и развития детей [Коренькова, Самылина, Трундова, 2019; Сизова, Коренькова, 2020]. Именно этой возможности были, каждая со своей стороны, лишены дети и родители во время продолжительной самоизоляции.

Для развития поведенческих паттернов в стрессовой ситуации критически важное значение приобретали уже сложившиеся практики взаимодействия с детьми. В более выгодном положении находились семьи, в которых форматы совместного времяпрепровождения и деятельности родителей и детей уже были вплетены в повседневную жизнь, в частности, в сфере образования и развития: у родителей уже присутствовали педагогические навыки, материальная база для занятий, сформирована

мотивационная составляющая. В таких случаях дети также готовы были воспринимать такое взаимодействие как норму и с большей готовностью принимали своих родственников в роли учителей.

Методология

Практики организации развивающих занятий с детьми в семьях, сложившиеся до самоизоляции, рассмотрены в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ [Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)]. Исследование представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на основе вероятностно-стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборки. Автор анализировал данные 27-й волны (2018). Объем выборки составил 12 161 человек. Данные исследования выявили распространение отдельных видов развивающей деятельности в формате совместной деятельности детей и взрослых родственников, опекунов.

Данные о детях дошкольного возраста (дети 2–6 лет) и школьниках младшего и среднего возраста (дети от 7 до 13 лет) в данном случае рассматриваются отдельно. Старший школьный возраст (14 лет и старше) в данном исследовании не рассматривается. На основании этих данных участие родителей и/или старших родственников в развитии и обучении дошкольников можно сгруппировать в три сферы:

1. физическая активность и спорт,
2. творчество: искусство и ремесла,
3. интеллектуальное развитие.

Для школьников добавляется еще один пункт:

4. Помощь с выполнением школьных домашних заданий.

Выполнять обязанности по уходу могут любые старшие члены семьи. В большинстве случаев это родители, либо другие старшие родственники, проживающие в рамках одного домохозяйства.

Постковидная статистика RLMS-HSE еще не доступна. Однако есть возможность отследить информацию о том, стали ли родители уделять больше внимания педагогическому процессу во время режима самоизоляции исходя из динамики поисковых запросов, релевантных для рассматриваемых сфер деятельности на основе статистических данных. Чтобы оценить изменения в практике родителей, была использована динамика количества запросов, связанных с темой развития детей, в одной из самых популярных

поисковых систем в России – Яндекс. Предполагается, что, если динамика показывает резкое увеличение таких поисков во время самоизоляции, это означает, что родители озадачены организацией обучающих/развивающих занятий для детей дома и своими усилиями.

Также были использованы результаты исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [С детьми на самоизоляции, 2020] о времяпрепровождении родителей с детьми в условиях самоизоляции. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса – телефонное интервью родителей об их взаимоотношениях и времяпрепровождении с детьми школьного возраста по стратифицированной случайной выборке с двумя базами стационарных и мобильных номеров. Данные взвешены по вероятности выбора и социально-демографическим параметрам.

Результаты

Развивающие мероприятия с детьми в семьях до изоляции.

Данные мониторинга RLMS показывают, что в докоронавирусном прошлом:

- Родители и старшие родственники 71% и 86% родителей/старших родственников младших и средних школьников не занимались совместно (включая примерно по 30% детей в обеих группах, кто не занимался совсем) физическими упражнениями с детьми и не проводили каких-либо тренировок для детей;
- Родители/старшие родственники не занимались творчеством и/или декоративно-прикладным искусством с детьми в семьях 53% дошкольников и 84% школьников (вообще не занимались творчеством, по свидетельствам родителей, 25% дошкольников и 33% школьников);
- Семья не уделяла время занятиям с детьми для формирования дополнительных (к обязательным образовательным программам) знаний в случаях 79% дошкольников и в 89% – у школьников младшего и среднего звена (из них совсем не практиковали систематические занятия по приобретению дополнительных навыков примерно по 40% детей обеих возрастных групп).

Дети дошкольного возраста.

Вероятно, наиболее ощутимые изменения происходили в повседневной жизни родителей дошкольников, поскольку, в отличие от школ, детские сады не работали в дистанционном формате и, за редким исключением, были закрыты с конца марта до конца августа 2020 года. Почти 75% детей этой возрастной группы (автор рассматривает этот показатель как типичный) посещали в 2018 году детские дошкольные учреждения.

Физическая активность. Совместная физическая активность для детей и взрослых – гораздо более мощный инструмент обучения, чем разговоры о пользе физических упражнений. Кроме того, «участие в физической активности между поколениями обусловлено гораздо большим, чем польза для физического здоровья. Дети определяют это как уникальное партнерство в области физической активности, которое обеспечивает безопасную среду для отработки своих спортивных навыков. Родители отмечают, что совместная физическая активность разных поколений семьи облегчает воспитание детей, предоставляя им возможность обучаться и развивать важные жизненные навыки, а также поддерживая их физическую активность» [Freire, Pope, Coyle, 2019].

В 2018 году спортом занимались почти 65% дошкольников – в детских образовательных и спортивных учреждениях, дома. Чуть более 23% российских дошкольников привычно занимались физкультурой под руководством или вместе с родителями/старшими родственниками. Около трети детей (29%) вообще не занимались физкультурой или спортом. Из тех взрослых, кто занимался физическими упражнениями или спортом с детьми, 60,5% посвящали этому в среднем от одного до трех часов в неделю, примерно 9% – менее часа в неделю, 16,5% занимались спортом в среднем 30–60 минут в день (от 4 до 7 часов в неделю). Более трети (34%) детей, по свидетельствам родителей, не развивали физическую активность.

Творчество. Концепция раннего развития детей очень популярна как в России, так и в мире [Васягина, Малина, Васягина, 2019; Alfonso, DuPaul, 2020]. В эту область входит развитие интеллекта, познавательных способностей, эрудиции и творческих способностей.

Творчеством (рисованием, музыкой), по результатам опроса в 2018 году, занималась большая часть детей дошкольного возраста – 61%, другими видами творчества (театром, танцами, рукоделием и пр.) – 24% детей этой подгруппы. Относительно высока доля детей до семи лет, которые занимались творческой работой со своими родителями или старшими

родственниками (под руководством или совместно) – более 41%. Однако времени на это старшие члены семьи тратили меньше, чем в случае со спортивными занятиями: примерно 6,5% детей занимались творчеством со старшим поколением час или больше в день. Чаще всего – от 10 минут до 3 часов в неделю (77%). Для 25% детей занятия по развитию творческих практик не обеспечивались.

Интеллектуальное развитие. Предметами, выбранными родителями или детьми для формирования дополнительных знаний, занимались лишь 16,3% дошкольников, около 5% изучали иностранный язык. Почти все дошкольники этого возраста занимались выбранными предметами с родителями. То есть, даже в тех случаях, если они ходили на занятия в дошкольные образовательные учреждения, практически обязательно дополнительные знания и навыки развивались в том числе и в семье. Подобные занятия не были организованы ни в какой форме для 42% детей дошкольного возраста. Однако для детей, посещающих детские сады, необходимо иметь в виду, что обязательная образовательная программа этих дошкольных образовательных учреждений включает в себя все виды перечисленных активностей.

Школьники

Во время карантина школьники могли продолжать посещать некоторые виды дополнительных занятий, практиковать, например, уроки танцев через Zoom, уроки иностранного языка через Skype и т.д. Кроме того, они гораздо более независимы в выборе занятий для себя и умеют организовывать собственное времяпрепровождение самостоятельно. Тем не менее, что касается развития детей школьного возраста, было доказано, что вовлечение родителей в процесс получения знаний положительно влияет на успешное обучение ребенка [Jody, McNeill, 2013].

Помощь с домашним заданием. Самым распространенным занятием с родителями для детей младшего и среднего школьного возраста традиционно является выполнение домашних заданий (в 2018 году – в 70% семей). Половина родителей/старших родственников тратили на это в среднем не более 2 часов в неделю.

Физическая активность. Около 60% детей младшего школьного возраста занимались физкультурой и спортом до или после уроков (занятия с тренером или просто подвижные игры во дворе – футбол, салочки, классики, прятки, езда на велосипеде, роликах и т.п.), причем большинство из них – два раза в неделю и чаще. От 10 до 30% занимались определенными видами

спорта. При этом 12% школьников в возрасте от 7 до 13 лет практиковали занятия физкультурой и спортом вместе с родителями и старшими родственниками. Занятия с родителями были короче, чем у дошкольников – в 77,5% случаев они не превышали трех часов в неделю. Почти треть (31%) не практиковали этот вид совместной деятельности (по данным опроса в 2018 году). В условиях неработающих детских учреждений в период самоизоляции более чем половина школьников лишились возможности практиковать некоторые виды физических активностей либо нашли способ реализовывать тренировки дома.

Творчество. Занимались музыкой и рисованием около 31% детей 7–13 лет, другими видами художественного творчества – почти 19%. Родители/взрослые родственники почти 14% школьников младшего и среднего звеньев работали с детьми (руководили работой детей или занимались с ними творчеством). В 80% случаев этому посвящалось не более трех часов в неделю. Вероятно, это означало регулярные 1–2 эпизода совместной творческой деятельности, то есть совпадало с типичной частотой занятий при посещении кружков или художественных школ.

Интеллектуальное развитие. Примерно 9% школьников до 13 лет занимались в кружках юного техника, технического моделирования, юного натуралиста, лепкой, выпиливанием или другими видами технического и прикладного творчества, около 3% посещали занятия по углубленному изучению компьютерных технологий, 17% – вне школы дополнительно занимались иностранным языком. Менее чем 9% изучали иные предметы, выбранные родителями или детьми для получения дополнительных знаний со школьниками. Большинство детей этого возраста не выходили за рамки школьной программы в формате систематизированных занятий. Примерно 9% изучали предметы за рамками школьной программы при участии и поддержке родителей.

Развивающие занятия с детьми в семьях во время самоизоляции 2020 года

В связи с закрытием детских учреждений возникла необходимость заниматься с детьми дома в течение всего дня. Во время пандемии лица, осуществляющие уход за детьми (родители, опекуны, старшие родственники), несли ответственность не только за психологический комфорт, но и самостоятельно выполняли образовательные и педагогические функции воспитания.

Ситуация усугублялась дискомфортом необычных условий социальной изоляции, вынужденного пребывания дома и особенно возросшей трудностью балансирования между работой и семьей в ситуации, когда вся забота о детях происходила на фоне удаленной работы родителей из дома. С 25 марта по 12 мая 2020 года в России были объявлены так называемые «нерабочие дни». Однако значительная доля предприятий либо вообще не прекращала работу, либо прервала рабочий процесс на 1–2 недели, а затем переходила на формат удаленной работы. Даже в повседневной работе родители испытывают стресс из-за нехватки времени на необходимое общение с детьми [Milkie, Nomaguchi, Schieman, 2019]. В условиях самоизоляции детям требовалось больше внимания со стороны родителей. С одной стороны, все члены семьи оставались вместе; с другой стороны, у большинства родителей было не так много времени для общения, если они работали неполный или полный рабочий день.

Для косвенной оперативной оценки изменений в практике развивающих занятий в семьях можно проследить динамику количества поисковых запросов, отражающих интерес пользователей Интернета к способам организации развивающих занятий с детьми. Используя эти данные не представляется возможным ответить на вопрос о том, выполнялся ли поисковый запрос родителями детей дошкольного или школьного возраста. Однако весьма вероятно, что чаще такие запросы выполняли родители детей дошкольного и младшего школьного возраста, поскольку школьники среднего звена, как правило, имеют в своем распоряжении собственные устройства и не задают поисковый запрос в той формулировке, которая выбрана в данном исследовании. Выбор поисковых запросов производился исходя из логики соответствия видов деятельности ранее выделенным сферам: физическая активность, творчество и интеллектуальное развитие. Ключевые слова сформулированы по схеме: «[занятие] + для детей», например, «поделки + для детей».

В апреле 2020 года выросло количество поисковых запросов, связанных с организацией мероприятий, направленных на физическое развитие, тогда как в апреле 2019 года интерес к этой теме был сравнительно низким (рис. 1). Традиционно рост количества поисков по этим ключевым словам приходится на сентябрь. Очевидно, что в это время родители ищут детские спортивные школы и секции на начало учебного года. Последний рост запросов, зафиксированный сервисом «Wordstat» Яндекс, произошел в конце марта с пиком в апреле и по времени совпадает с периодом строгой самоизоляции.

История показов по фразе «гимнастика +для детей»

Группировать по: ?

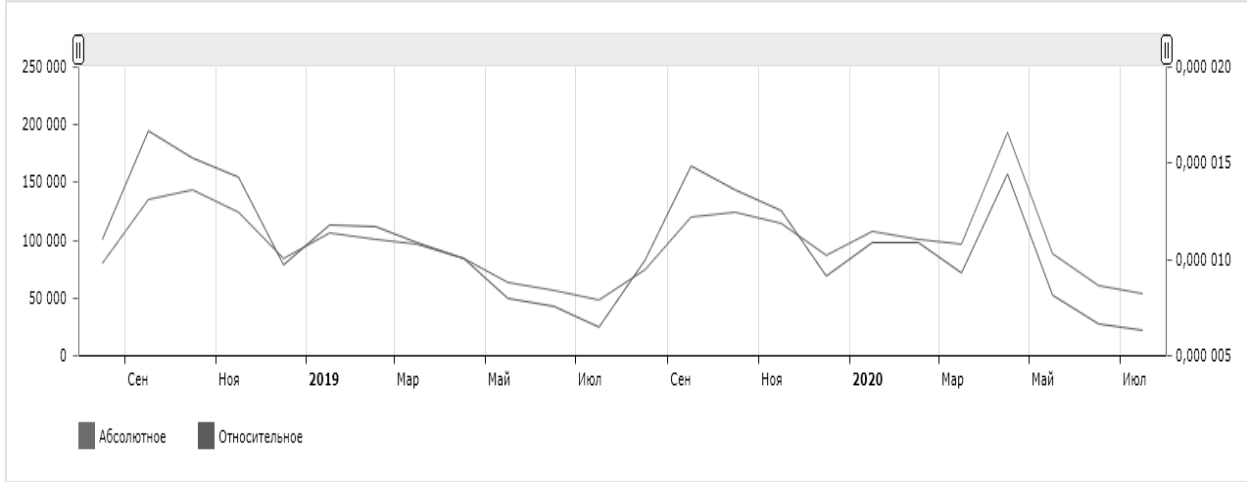

Рис. 1. Динамика абсолютной и относительной частот по запросу «гимнастика + для детей»

В сфере творчества динамика проверялась по запросам «поделки + детям» (рис. 2), «рисование + детям» (рис. 3). В обоих случаях регистрируются явные всплески, совпадающие по времени друг с другом. Резкий рост наблюдается в конце марта и достигает пика в апреле, что соответствует периоду карантина.

История показов по фразе «поделки +для детей»

Группировать по: ?

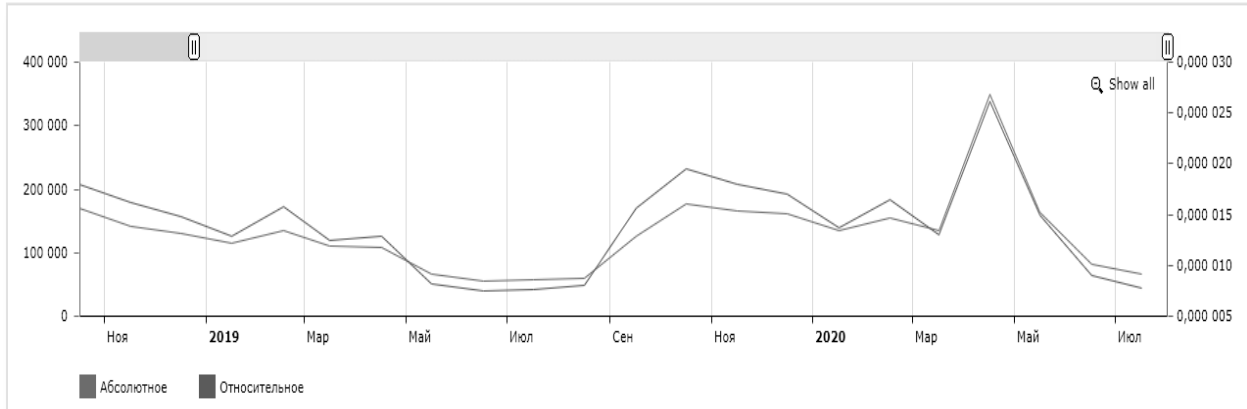

Рис. 2. Динамика абсолютной и относительной частот для запроса «поделки + для детей»

Количество поисков по запросу «поделки с детьми» в апреле 2020 года (348 921) более чем в три раза превышает количество аналогичных запросов в апреле 2019 года (108 555) и в 2,6 раза превышает показатель непосредственно перед режимом самоизоляции (13 053). Интерес к рисованию с детьми в 2020 году в целом возрос, но во время карантина наблюдался резкий скачок. Пик в апреле (278 562) в 2,2 раза выше, чем в марте (124 729), и в четыре раза выше аналогичного показателя количества поисковых запросов в апреле 2019 года (69 667).

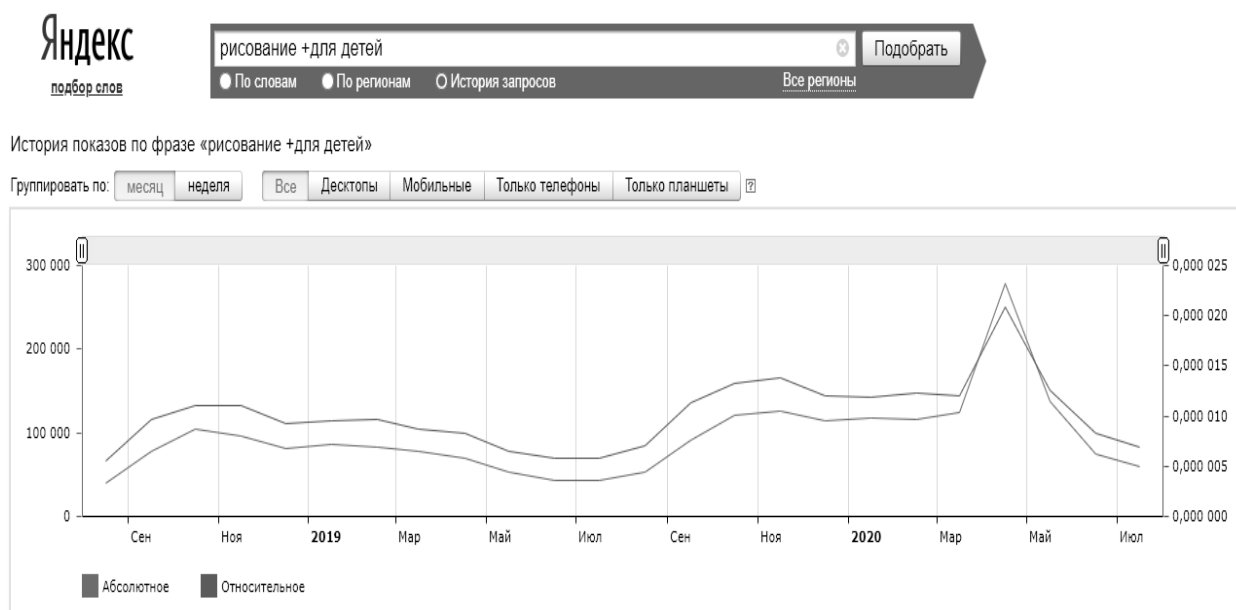

Рис. 3. Динамика абсолютной и относительной частот для запроса «рисование + для детей»

В качестве примера занятий, направленных на интеллектуальное развитие, был сформирован запрос «дети + и наука» (в данном случае статистическая служба предложила эту очень оптимизированную формулировку) и «обучение детей». Запрос на «обучение детей» (рис. 4) носит более общий характер, в то время как запрос, связанный с интересом к ознакомлению детей с научными знаниями (рис. 5), демонстрирует в большей степени расширение их кругозора и выход за рамки обязательной школьной программы.

История показов по фразе «обучение детей»

Группировать по:

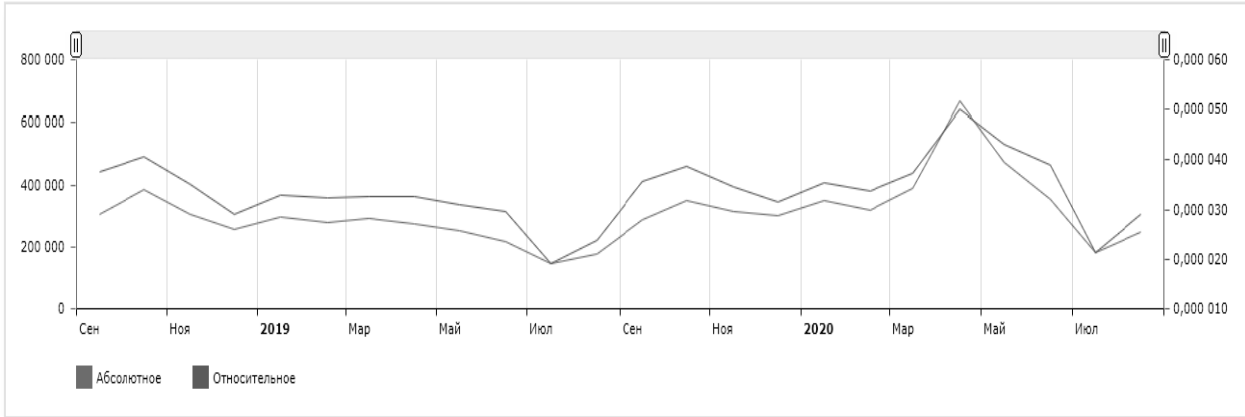

Рис. 4. Динамика абсолютной и относительной частот для запроса «обучение детей»

История показов по фразе «дети +и наука»

Группировать по:

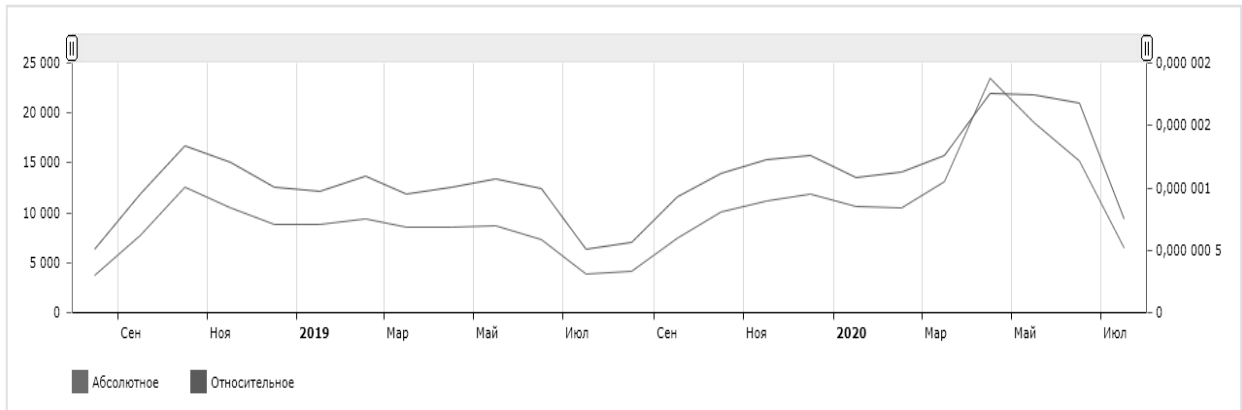

Рис. 5. Динамика абсолютной и относительной частот для запроса «дети + и наука»

Резкий рост количества поисковых запросов пользователей пришелся на конец марта (начало режима самоизоляции) с пиком в апреле. Интерес к обучению детей среди пользователей поисковой системы Яндекс в апреле 2020 года (668 155) был на 1,7 больше, чем в марте 2020 года (388 874), и на 2,4 выше, чем в апреле 2019 года.

Как показали данные мониторинга RLMS, лишь небольшая часть родителей участвует в развитии дополнительных знаний. Частота поисковых

запросов также демонстрирует эту тенденцию. Однако и здесь просматривается выразительная динамика в интересующий нас период. Пиковое количество поисков по запросу «дети + и наука» в апреле 2020 года (23 425) почти в два раза выше, чем в марте 2020 года (13 108), и в 2,8 раза выше, чем в апреле 2019 года (8 511).

Наконец, динамика наиболее обобщенного в контексте тематического поискового запроса «развивающие занятия + для детей» (рис. 6) также отражает усиление интереса в период с конца марта и с пиком в апреле. Регулярная динамика этого поискового запроса, как и в случае с поиском по детской гимнастике, имеет заметную сезонность с ростом в сентябре, то есть в начале учебного года, когда родители делают выбор учреждения дополнительного образования. Однако рост запросов в апреле (при закрытых на карантин образовательных и досуговых центрах) не является типичным и свидетельствует о необычайной активности родителей в поисках информации об организации развивающих занятий для детей самостоятельно.

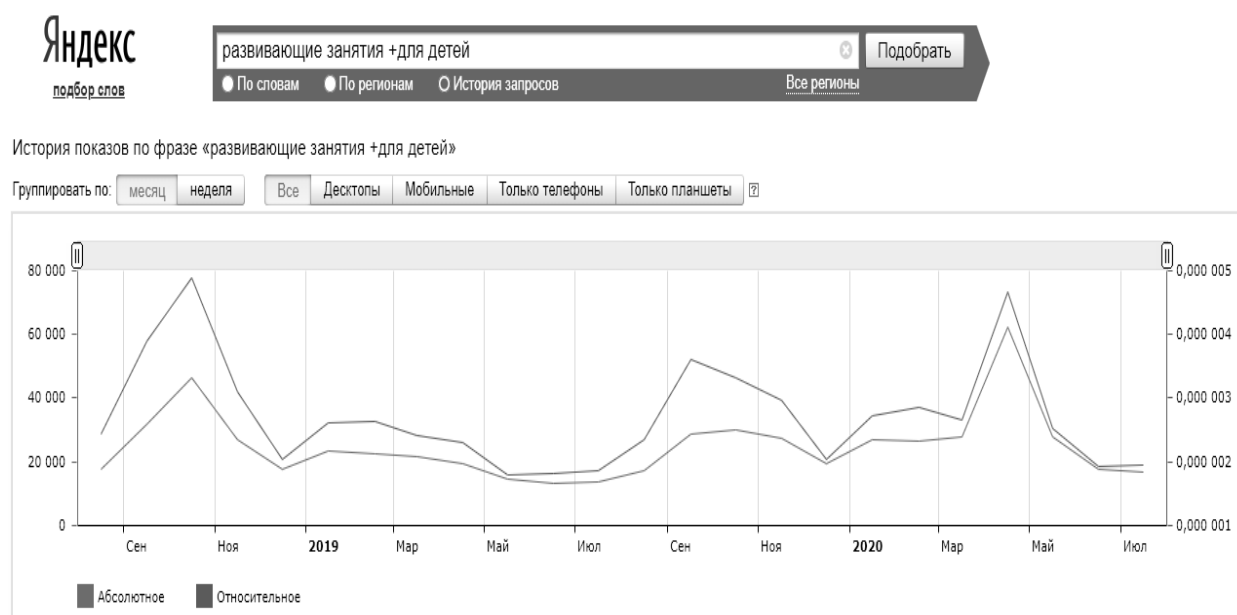

Рис. 6. Динамика абсолютной и относительной частот для запроса «развивающие занятия + для детей»

Впоследствии происходит значительное снижение показателей количества всех поисковых запросов о развивающих занятиях с детьми, которые можно трактовать по-разному. Однако не следует упускать из виду, что самые низкие показатели наблюдаются в летние месяцы детских каникул, переезда из города и проведения времени на улице. Низкие значения этого параметра демонстрируют и данные за летние месяцы 2019 года (рис. 1–6).

В начале июля 2020 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) были представлены результаты опроса о времяпрепровождении родителей с детьми в режиме самоизоляции. Данные в основном относятся к взаимодействию родителей и детей от 7 лет.

Результаты опроса ВЦИОМ показали, что родители всех несовершеннолетних детей (32%) отмечали изменения в общении с детьми в связи с переходом к самоизоляции. Они стали больше времени проводить с детьми (14%), больше с ними общаться (11%). Однако более половины родителей не заметили никаких изменений в общении с детьми (61%).

Почти половина родителей стали больше времени проводить с детьми из-за самоизоляции (48%), и примерно равная доля родителей – проводят с ними столько же времени, как и раньше (46%). Самыми распространенными занятиями со школьниками в условиях самоизоляции семьи являются ведение домашнего хозяйства (47%), выполнение школьных заданий (45%), просмотр телевизора или совместное прослушивание радио (33%), а также совместные игры (компьютер или настольные игры) – 33%. Многие родители занимаются кулинарией вместе с детьми (29%).

Есть существенное сходство в формулировках вопросов о совместном времяпрепровождении в мониторинге RLMS и опросе ВЦИОМ. В период самоизоляции 29% родителей, по данным опроса ВЦИОМ, читали книги с детьми, а 28% занимались дополнительным образованием детей. Эти занятия соотносятся со сферой интеллектуального развития в предложенной выше группировке типов занятий. О совместных занятиях спортом сообщили 21% респондентов. О совместных занятиях по интересам заявили 20% респондентов. Вопрос относился к творческим занятиям. Еще 10% слушали музыку вместе с детьми. Эта деятельность также относится к творческому развитию (восприятие музыкального искусства).

Мониторинг RLMS показывает данные о детях и их занятиях, самостоятельных, организованных в учреждениях или совместных с родителями. ВЦИОМ опрашивал родителей об их взаимодействии с детьми. Большая часть родителей воспитывают более одного ребенка (средний суммарный коэффициент рождаемости на 2020 год примерно равен 1,5). То есть, данные о том, что 21% родителей практиковали совместные с детьми занятия спортом, указывают на то, что детей, занимавшихся во время режима самоизоляции спортом с родителями примерно 31,5% детей. Совместное времяпрепровождение родителей и детей во время самоизоляции было заметно активнее, чем до него, особенно в сферах интеллектуального развития и творчества. Кроме того, есть прямые указания половины

родителей на усиление взаимодействия с детьми во время карантина. Для этого потребовалось не только свободное время родителей, но и наращивание ими некоторых навыков реализации совместных практик с детьми для развития их физического, интеллектуального и творческого потенциала.

Детский фонд ООН обращает внимание на сложности повседневного взаимодействия между детьми и родителями из-за нехватки времени на общение. Это приводит как к депривации детских потребностей, так и к родительскому стрессу. Во время карантина увеличилось время, проводимое вместе, однако усилился стресс в общении детей и родителей: постоянное совместное присутствие на фоне выполнения родителями трудовых обязанностей в формате удаленной работы из дома имело негативные последствия [Gromada, Richardson, Rees, 2020]. Однако, по данным ВЦИОМ, среди россиян только 3% отметили рост напряженности в общении.

Перестройка повседневной жизни, требующая, прежде всего, свежего взгляда на семейные отношения, отмечена позитивным отношением россиян к жизни. По данным ВЦИОМ, индекс счастья россиян на апрель 2020 года, время самых жестких ограничительных мер, не упал по сравнению с предкарантинными месяцами и составил 67 баллов, что 3 балла больше, чем за полгода до этого, в ноябре 2019 года, хотя и ниже обычных апрельских показателей 2017–2019 гг. Апрельский индекс счастья в последние годы колебался немного выше: 73 балла в апреле 2017 года и 75 баллов в апреле 2019 года. Но главное, с точки зрения изменений в повседневной практике семейного взаимодействия, состоит в том, что, судя по всероссийским опросам, именно семья и дети неизменно являются основными факторами для ощущения счастья [Индекс счастья, 2018].

Проводя больше времени со своими детьми, родителям в большей, чем привычно, степени приходилось брать на себя роль воспитателей и учителей. До пандемии занятия по интеллектуальному, творческому и физическому развитию в большей степени предоставлялись дошкольными и школьными учреждениями и центрами дополнительного образования. Ситуация локдауна подтолкнула родителей к более активному педагогическому процессу.

Данные мониторинга RLMS указывают на то, что развивающая деятельность родителей с детьми до режима самоизоляции характеризовалась сравнительно низкими показателями. Чаще всего развитие интеллектуальных, творческих и физических способностей решалось за счет аутсорсинга – образовательными учреждениями, центрами дополнительного образования или усилиями пожилых родственников, проживающих отдельно.

В период самоизоляции на основе результатов опроса и анализа поведенческих практик (активный поиск информации о развивающих занятиях с детьми) фиксируется активизация внутрисемейных практик творческого, интеллектуального и физического воспитания.

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
2. Васягина Н.Н., Малина Ю.В., Васягина С.А. К вопросу о психологических особенностях родителей, ориентированных на раннее развитие детей // Педагогическое образование в России. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-psihologicheskikh-osobennostyah-roditeley-orientirovannyh-na-ranee-razvitiye-detey>.
3. Индекс счастья. Аналитический обзор ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-schastja>.
4. Коренькова М.М., Самылина Д.А., Трундова О.С. Коммерциализация семейных функций: между спросом и предложением // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Том. 11. № 20. С. 114–132. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.6>
5. Пивоварова И.В., Пилипенко Л.М. Функции семьи в процессе социализации личности ребенка // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23430>.
6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».
7. Рябова В.В. Трансформация функций семьи современном российском обществе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 3 (17). С. 106–112.
8. С детьми на самоизоляции. Аналитический обзор ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/s-detmi-na-samoizolyaczii>.
9. Сизова И.Л., Коренькова М.М. Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития //

- Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 10. С. 174–193. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652.
10. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // ЖИСП. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizatsiya-roditelstva-mezhdu-ekspertnym-i-obydennym-znaniem>.
 11. Alfonso V.C., DuPaul G. J. Introduction: The importance of early childhood development, education, and intervention in Healthy development in young children: Evidence-based interventions for early education, American Psychological Association, 2020, Pp. 3–10. DOI: <https://doi.org/10.1037/0000197-001>.
 12. Freire K., Pope R., Coyle J., What are the drivers of cross-generational physical activity? Exploring the experiences of children and parents, J Public Health (Berl.). 27 (2019). Pp. 591–601. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10389-018-0979-4>.
 13. Gromada A., Richardson D., Rees G. Childcare in a global crisis: the impact of COVID-19 on work and family life, Innocenti Research Briefs no. IRB 2020-18, UNICEF Office of Research – Innocenti, Florence (2020). URL: <https://www.unicef-irc.org/publications/1109-childcare-in-a-global-crisis-the-impact-of-covid-19-on-work-and-family-life.html>.
 14. Jody H., McNeill K. Children's Chances, Harvard University Press. 2013. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12168>.
 15. Milkie M.A., Nomaguchi K., Schieman S. Time Deficits with Children: The Link to Parents' Mental and Physical Health in: Society and Mental Health, 9(3). (2019). Pp. 277–295. DOI: <https://doi.org/10.1177/2156869318767488>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2020 году весь мир охватила пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Вирус затронул все сферы общественной жизни, было приостановлено производство, закрыты границы многих стран, введены карантинные и ограничительные меры. Кризис, вызванный пандемией COVID-19, охватив все сектора экономики, способствовал актуализации новых форм и технологий работы, включая удаленный доступ и занятость населения в домашних условиях.

В начале пандемии ситуация самоизоляции, вызванная COVID-19, коснулась различных сфер жизни общества и стала предметом внимания различных научных отраслей, особенно гуманитарных. В дальнейшем, по мере развития ситуации, на жизнь общества повлияли ограничительные меры, вводимые государством, экономическая политика государства, а также меры, принимаемые системой здравоохранения.

Превентивные меры, призванные ограничить распространение инфекции отрицательно повлияли на целые отрасли и индустрии. В условиях локдауна 2020 года российский бизнес продемонстрировал неоднозначные подходы к стабилизации своих товарооборотов. Авторами были выделены совершенно противоположные параллели адаптации бизнеса к сложившейся ситуации. Снижение товарооборотов и прибылей наблюдалось у тех предприятий, где бизнес-модель оставалась реактивной, демонстрируя реализацию управленческих решений как ответное действие на складывающиеся условия. В противоположность этому, проактивные действия руководства, такие, как например, предугадывание возможных изменений рынка, новых появляющихся запросов потребителя, внедрение нестандартных методов продвижения, позволили сформировать новую бизнес-модель как для коммуникации с потребителем, так и для организации дальнейших продаж, характеризующуюся, в первую очередь, переносом всех бизнес-процессов в online. При этом правительством было утверждено временное приостановление деятельности различных сфер малого и среднего бизнеса, с работой которых связано массовое скопление людей на определенных территориях. В то же время, исследователями не было отмечено сколько-нибудь значимого влияния COVID-19 на фондовый рынок России.

В период распространения коронавирусной инфекции в России органами государственной власти был принят целый комплекс мер, который

сочетал механизмы и элементы разных режимов угрозы возникновения чрезвычайной ситуации. По мнению авторов, предпринятый комплекс мер, использованных российским правительством именно в условиях пандемии, равно как и сам режим самоизоляции можно было бы отнести к отдельному административно-правовому режиму, что необходимо прописать законодательно. В частности, ситуация с пандемией высветила множество проблем и целый спектр требующих разрешения вопросов, связанных с влиянием сложившейся ситуации на договорные отношения, а также выявлением пробельности современных правовых норм. Авторы приходят к выводу, что необходимо разрабатывать меры информационно-управленческого и организационного характера. Они должны быть последовательны и системны. Только тогда станет возможным надлежащее исполнение договорных обязательств контрагентами в новых сложных условиях, что приведет к минимизации спорных вопросов и единообразию практики правоприменения.

Таким образом, возникшая ситуация с пандемией сыграла положительную роль в развитии законодательства, обозначив его пробелы. Также пандемия стала важным толчком к развитию цифровизации и компьютеризации образования, сферы услуг, был ускорен переход к электронному документообороту многими организациями, суды стали проводить судебные разбирательства с использованием видеоконференцсвязи, что стало большим прорывом для судебной системы. Несмотря на то, что пандемия плохо сказалась на экономике и бизнесе, стоит отметить, что она также привнесла в жизнь граждан и организаций много полезных изменений и новшеств.

Пандемия в целом, и, в частности, ситуация самоизоляции, оказала свое влияние и на социальный аспект жизни общества, повлияв на основные институты жизнедеятельности граждан, такие как институт образования и институт семьи. Система образования одна из первых столкнулась с глобальными изменениями и необходимостью развития дистанционных технологий обучения в целях безопасности. В связи с этим, авторы монографии рассмотрели ряд факторов и условий влияния пандемии на обучение в вузах. Данный аспект исследования является особенно важным с точки зрения последующей адаптации системы образования к кризисным явлениям, развития наиболее эффективных технологий дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса, их влияния на качество получаемых знаний.

Ситуация самоизоляции в период пандемии COVID-19 предопределила изменчивость поведения женщины в ее основных сферах активности и трансформацию ее жизненного уклада. При этом самоизоляция, являясь кризисной ситуацией, актуализировала личностные ресурсы членов семьи, что привело к росту функциональности семейной структуры. Предположение авторов о том, что самоизоляция окажет пагубное влияние на морально-психологический климат и партнерские отношения в семьях, подтвердилось лишь частично. Были отмечены некоторые негативные тенденции, но в силу специфики российского менталитета и семейных ценностей, они не получили такого быстрого и кризисного течения как в зарубежных странах.

В частности, благодаря социальной изоляции, время, проведенное с семьей, закономерно увеличилось, и это сыграло немаловажную роль в развитии отношений детей и родителей. То, что родители, привыкшие к командировкам и офисной работе, перешли на дистанционный режим работы из дома и стали гибче структурировать время, привело к некоторому изменению приоритетов внутри семьи за счет более сбалансированного распределения рабочего и личного времени. В период карантина произошла значительная активизация внутрисемейных практик творческого, интеллектуального и физического воспитания детей.

ОБ АВТОРАХ

- Артюшина Екатерина Валерьевна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: eartyushina@hse.ru
- Бондарчук Мария Романовна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: mrbondarchuk@edu.hse.ru
- Васильева Елена Николаевна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: envasileva@hse.ru
- Васильева Ирина Алексеевна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: iavasileva_2@edu.hse.ru
- Гапонова Ольга Сергеевна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: osgaponova@hse.ru
- Гапонова Надежда Сергеевна* – преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: ngaponova@hse.ru
- Городнова Анфиса Алексеевна* – кандидат социологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: agorodnova@hse.ru
- Данилова Любовь Сергеевна* – старший преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: ldanilova@hse.ru
- Дейнека Анастасия Петровна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: Apdeyneka@edu.hse.ru
- Ефимова Анастасия Евгеньевна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: Aeefimova@edu.hse.ru

- Иванова Анна Александровна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: aaiivanova@hse.ru
- Исаева Оксана Михайловна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: oisaeva@hse.ru
- Китаева Анжела Александровна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: aakitaeva@edu.hse.ru
- Коренькова Марианна Максимовна* – старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: mkorenkova@hse.ru
- Логина Анастасия Сергеевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: aloginova@hse.ru
- Осипова Ольга Сергеевна* – кандидат социологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: ochernyavskaya@hse.ru, osipova-olga-s@yandex.ru
- Полянина Ульяна Андреевна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: Uapolyanina@edu.hse.ru
- Россохин Владимир Валерьевич* – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: vrossohin@hse.ru
- Савинова Светлана Юрьевна* – кандидат социологических наук, доцент кафедры организационной психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: ssavinova@hse.ru
- Сироткина Надежда Геннадьевна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: nsirotkina@hse.ru

- Смагина Екатерина Дмитриевна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: Edsmagina_1@edu.hse.ru
- Торонджадзе Лия Георгиевна* – студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: lgtorondzhadze@edu.hse.ru
- Фоменков Денис Александрович* – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: dfomenkov@hse.ru
- Чилипенюк Юлия Юрьевна* – доктор социологических наук, профессор кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: uchilipenok@hse.ru
- Шлягина Евгения Николаевна* – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: eryabinina@hse.ru
- Шушкин Михаил Александрович* – доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: mshushkin@hse.ru
- Щербаков Андрей Вячеславович* – кандидат психологических наук, доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: Yavpochte@yandex.ru

Монография

**Чилипенко Юлия Юрьевна, Гапонова Ольга Сергеевна,
Шушкин Михаил Александрович и др.**

**ПАНДЕМИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Редколлегия:

**Плотников Михаил Вячеславович
Ушакова Яна Владимировна**

Подписано в печать 20.05.2021
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,9
Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ
г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д.37